

Андрей
ПОХАБОВ

МАРИОНЕТКИ
Белые нити Аннабада

18+

Андрей Похабов

**Марионетки: Белые
нити Аннабада**

«Автор»

2026

Похабов А. А.

Марионетки: Белые нити Аннабада / А. А. Похабов — «Автор», 2026

Огонь Великой войны потух 79 зим назад. Чёрное царство Гуэ пало, но людей уже не вернуть к беззаботной жизни. Победители, чьи руки обагрены кровью, перестали верить друг другу, а боги умолкли. Теперь миром правят ненависть, интриги и ложь. Ихора, дочь Верховного жреца теократической Валессии, пускается в долгий и опасный путь, чтобы найти таинственного младенца, способного склонить чашу весов в пользу восточной империи ТалХазар. Однако о мальчике с изумрудными глазами знают все — он явился во снах каждому жителю этого мира. Теперь за ним гонятся убийцы, тираны и чудовища. Ихора обязана добраться до него первой. Но она не подозревает, что стала марионеткой тех, кто опутал этот проклятый мир белыми нитями судьбы.

© Похабов А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Вино и птица	7
Глава 2. Пергамент и кинжал	12
Глава 3. Предатели и пытки	16
Глава 4. Пророчество и мухи	21
Глава 5. Глаз и приказ	26
Глава 6. Меч и телега	31
Глава 7. Маски и вилы	36
Глава 8. Слуга и звезды	41
Глава 9. Огонь и скиталец	46
Глава 10. Принцесса и замок	51
Глава 11. Медальон и служанка	56
Глава 12. Шахты и казнь	61
Глава 13. Развалины и легенды	66
Глава 14. Крылатый и мертвецы	71
Глава 15. Эликсир и проводник	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Андрей Похабов

Марионетки: Белые нити Аннабада

Пролог

— Мы погибнем! Нас всех ждёт одна дорога — в землю, на пир червям!

Щепка взметнул руки к хмурому небу, будто хотел прорвать плотный слой облаков своими грязными ладонями. Голос сорвался на слюнявый хрип, но эхо, отскочив от деревянных навесов и глиняных стен, успело вернуться к своему хозяину с удвоенной силой. Мышцы на шее мужчины судорожно дёрнулись — он вглядывался сквозь серую мглу, словно надеясь различить там того, кто заразил гнилью людские сердца. Того кто научил их воровать, насиловать, убивать и радоваться этому.

— Я всё видел! — продолжил вопить базарный пророк, скрипя жёлтыми зубами. — Смерть придёт за каждым. За то, что мы сделали. За то, что мы делаем. За то, что ещё можем сделать!

Несколько усталых лиц повернулось в сторону Щепки. Взгляды скользнули по нему, как по пустой лавке. Люди слышали эти крики и раньше. Много раз. И ничего в этих речах не менялось: грехи, ужас и гибель мира. Пришлые и юродивые — те ещё верили пророку, но местные давно перестали вздрагивать от его слов. Для них грязный крикливый оборванец стал частью улицы, как старая скамья у стены. К нему привыкли. На него перестали обращать внимание.

— Мы живём под гнётом божественных чудовищ и чудовищных богов! — голос Щепки звенел, как ржавая цепь. — Вы думаете, они вас любят? Они вас используют! Ненавидят! Смотрят на вас, как на блох, которых можно раздавить ногой или оставить ползать — ради забавы!

Толпа не слушала. Его слова тонули в привычном базарном гуле, как пчелы в траве. Кто-то хмыкнул, не отрываясь от медных грошей, кто-то отвлёкся на торговца специями, чьи мешки источали дурманящий, аромат жжёного перца, кто-то просто ждал, когда безумец устанет кричать. Воздух был плотным от запаха пряностей, пота и человеческого равнодушия.

— Однажды вы всё поймёте! — закричал Щепка. — Я видел будущее в свете ночной грозы! Это правда! Я предсказывал неурожай! Падёж коров! Даже смерть детей нашего герцога...

Пророк поперхнулся. В голове мелькнул воспоминание — грубые руки, дубинки, удары по ребрам и лицу. Он же зарекся произносить имя местного князька вслух! Зачем повторил вновь? Ведь дети герцога до сих пор живы. И это тоже правда.

За распространение бредней правитель здешних земель не стал заковывать безумца в кандалы. К чему железо, когда стена из презрения работает надёжнее? Однако, дороги в город и замок для него теперь были закрыты. Как и путь на большую ярмарку, где Щепке когда-то платили серебром за предсказания. Остался лишь этот базар Трёх Мельниц.

— Взываю к вам, люди добрые! — снова заговорил он, уже не так громко. — Если смерть придёт слишком быстро, а я не разгляжу её сквозь свои голодные муки кто тогда предупредит вас? Кто сохранит ваши никчемные жизни? Подайте на пропитание!

— Вот наглец, — заворчала проходящая мимо бабка. — Ты сдохнешь быстрее от своей наглости, чем от голода. Просить милостыню в наших краях запрещено!

Прохожие дружно закивали. Многие здесь ценили труд, особенно тот, что давал пищу.

— Лучше бы землю пахал или рыбу ловил, — продолжала кряхтеть старуха. — А ты, Щепка, корову пропил, удочки сломал. Твоя мать в гробу переворачивается!

Что бы случилось с его почившей матерью, стареющий мужчина знать не захотел. Краем глаза он заметил, как на площадь вышла стража, и толпа безмолвно начала расступаться. Держа

в руках копья, представители герцога двигались прямо туда, где пророк успел расстелить своё тряпье.

Изгой рванул хламиду на себя, но пальцы соскользнули - один край одежды зацепился за решётку. Железо впилося в грязную ткань, хищной пастью. Щепка дёрнул сильнее — нити затрещали, но уступить не захотели.

— Эй ты! — прозвучал суровый голос. — Ну-ка, стой!

Сапоги солдат застучали где-то рядом. Щепка бросил свои тряпки, юркнул между прилавками торговцев овощами, стоявшими к нему спиной, и побежал мимо клеток с куницами. Он быстро свернул в узкий проулок между домами, где всегда пахло гнилью, плесенью и кошачьими испражнениями.

— Назад! — крикнул один из стражников.— Он в переулке!

Пророк прыгнул через деревянный ящик, сиганув по узкой лестнице, которая вела к канализационным стокам. Воздух внизу был тяжёлым, пропитанным илом, ржавчиной и старой гнилью. Пятки стукнулись о скользкий камень, колени дрогнули от удара, но он не упал — лишь прижался спиной к влажной стене.

Переведя дух, мужчина подождал еще пару минут. Стража пронеслась мимо, не сбавляя ходу. Как только их шаги перестали быть слышны, пророк двинулся в свой шалаш на северной окраине Трёх Мельниц, где его никто бы не стал искать. Идти нужно было окольными путями, а значит долго.

Базарный пророк добрался до своей лачуги к сумеркам. Небо уже наливалось свинцово-серым. По пути он успел стянуть кусок вяленого мяса у друга-мясника, помочиться на забор соседа, запнуться о камень и вновь улизнуть от стражников.

— И это при условии, что герцог приказал им меня не трогать, — сокрушался Щепка себе под нос.

Становилось прохладно, начал завывать ветер. Он подул с севера, неся запах дождя и прелой листвы. Войдя в шалаш, пророк быстро закутался в своё соломенное одеяло. Оно было жёстким, колючим, но тёплым - единственная ценная вещь в этом подобии дома. Щепка не заметил, как закончилась украденная соланина, а глаза закрылись сами собой.

Он проваливался в сон, словно в выгребную яму. Тишина сдавила уши. Щепка перестал чувствовать вес тела, а сердце почти остановилось. В этом пограничном состоянии между явью и сном слух его обострился. Именно в этот момент воздух внутри шалаша дрогнул. Не от сквозняка. От невидимого, но осязаемого сдвига.

Где-то далеко блеснула молния. Свет пробежал по внутренней стороне его век. Но грома пророк не услышал. Только плач - тихий, дрожащий и полный страха.

- Я слышу плач ребёнка! - сказал он.

Мальчик стоял на чёрной скале с мечом в пухлых ручках. И пуповина, толстая и липкая, обвивала его ногу, как удавка. Пророк шагнул вперёд, но зацепился ногой за белые, словно волосы древней старухи, нити, устлавшие землю.

Этого не может быть. Дети такого возраста не умеют стоять на ногах. А этот Он ведь только что родился! Вот она — тёплая кровь на камне, пульсирующая пуповина обвила правую ножку.

Этого не может быть. Такие малыши ещё не говорят. Но ребёнок звонким голосом сказал, что время пришло.

Этого не может быть. У новорождённых нет таких ясных глаз. Зеленые, умные, внимательные — они смотрели прямо на пророка.

Когда Щепка открыл глаза, то понял, что кричит.

Глава 1. Вино и птица

Одноглазая сорока взмыла в небо с края обветшалой квадратной башни. С насиженного места её спугнул коршун-охотник, который нёс в когтистых лапах жирную дохлую крысу. Оказаться на её месте у смешной серо-чёрной птицы не было никакого желания, поэтому в полёте она быстро сделала обзорный круг над своими владениями и тут же спряталась под широкий навес у трактира.

Сегодня здесь было необычайно тихо. Почему так — птица не знала. Она внимательно посмотрела своим единственным красным глазом на закрытую дверь, прыгнула ближе к свободным столешницам и принялась искать на каменной брусчатке хлебные крошки. Увы, но трактир был заперт несколько дней назад. За это время воробьи успели стащить всё, что могли когда-то обронить выходящие на свежий воздух постояльцы.

И всё же, где этот коршун-разбойник умудрился найти столь ценную добычу? Неужели у одного из амбаров прохудилась кровля? И где такую искать? Сорока не знала ответов и на эти вопросы.

Чтобы не стать жертвой голодных котов, раздосадованной пернатой пришлось вновь взобраться повыше. На этот раз она уселась на ржавую вывеску трактира. Дощечке, впрочем, это не понравилось, и её петли жалобно закрипели. Сорока почувствовала себя странно, почему-то испугавшись за свою жизнь, и бросилась куда подальше, яростно размахивая кривыми крыльями.

Город Аннабад, столица теократической империи Валессия, остался далеко внизу. Сверху он был похож на гигантскую засохшую рану: широкие улицы-рубцы, каменные домнарывы, каналы, полные смрада, гноя и пепла. Невысокие жилища простых горожан контрастировали с огромными пирамидальными дворцами. Всего их было девятнадцать, и каждый принадлежал одному из жрецов, которые считались правителями страны.

На фоне пирамид казались мелкими даже высокие башни воинов — людей, поддерживающих в Валессии власть служителей древних сил. Красные знамена тяжело хлопали над пирамидами Аннабада. Грязная ткань почти выцвела, что, впрочем, не мешало разглядеть в центре любого из стягов большой чёрный треугольник.

Сравнить этот рисунок и величественный пик хребта Сиггур, у чьего подножья раскинулся город, птица не могла. Подобные аналогии были за гранью её понимания. Да и кому они нужны, когда банально хочется что-нибудь съесть? Или кого-нибудь — это уж как повезёт.

Бледный луч солнца, выглянувший из-за хмурых туч, отразился на позолоченной вершине одного из самых больших дворцов столицы империи. Манящий блеск привлёк внимание сороки, и она, в надежде найти что-нибудь полезное для украшения гнезда, устремилась к этому каменному зиккурату. Птица знала: там, где есть яркие побрякушки, найдётся и пища. Это вам не амбары с дырявыми крышами искать, да таскать туда-сюда крыс. Тут нужен меткий глаз!

Пернатая воровка подлетела к тому месту, где две минуты назад заприметила золотой блеск. Оказалось, что солнечный луч, привлёкший её внимание, отразился от медальона, который висел на шее человека. Пожилой черноволосый мужчина в белой мантии стоял на широком балконе, сложа руки на груди, и смотрел куда-то на восток.

Рядом с ним, в тени куста, росшего в большом горшке прямо здесь, у парапета, сидел второй человек. Он был весьма велик, но сорока заприметила его рослую фигуру не сразу — лишь когда мужчина зачем-то хрустнул фалангами пальцев.

Пернатая вздрогнула, но предпочла не привлекать внимания, перебравшись на противоположный край балкона. Осторожность лишней не будет. Птица это усвоила ещё три года назад, когда сын одного из аннабадских торговцев швырнул в неё камень и вышиб левый глаз.

— Твоя дочь будет первой, — прогрохотал одетый в чёрное великан. — Они думают, что смерть Ихоры станет для тебя ударом, после которого действовать можно будет открыто. Перекроют южные морские пути, лишат мятежников припасов и оружия. Без этого неприступная крепость наших союзников быстро станет мёртвой крепостью.

Ветер качнул волосы обладателя золотого амулета.

— Ты принёс мне неприятные вести, Гезор, — медленно, словно на распев, ответил он.

Станный диалог сороку перестал интересовать быстро — она заприметила на столике, рядом с выходом на террасу, сухофрукты в позолоченной пиале. Такому лакомству мог позавидовать кто угодно.

— Недруги ждут, пока империя рассыплется. Сама, — после небольшой паузы вновь заговорил великан. — А ваша хватка — единственное, что её ещё держит.

— Ты же знаешь, я не люблю лести, — глаза пожилого мужчины сузились, он немного повернулся к собеседнику, и его медальон вновь блеснул.

Сорока медленно подбиралась к долгожданной еде. Ей очень хотелось, чтобы люди её не заметили до того, как она сможет утащить что-нибудь большое и вкусное. Например, вон тот сушёный абрикос. В здешних краях таких плодов было не сыскать.

— Это не лесть, — грубо отмахнулся от слов Вэссы мужчина в чёрном. — Ваш род схоронил в своих сундуках слишком много власти. Остальные молчат, пока вы дергаете за нитки. Прочие жрецы прислушиваются к мнению дома Белых стягов. Они не будут перечить.

— И что же теперь посоветует мне мой новый тайный советник? — не без интереса спросил у гиганта верховный жрец.

Сорока наконец-то схватила сухофрукт и рванула прочь. Однако улететь далеко у неё не вышло — собеседник Вэссы рванул вперёд с нечеловеческой быстротой. Гезор схватил птицу за хвост и с силой приложил её несчастную тушку о каменную стену.

— Враги могут быть повсюду, — пробубнил он, не обращая внимания на жалобные крики умирающей сороки. — Не только люди, но и животные.

О каких таких животных говорил этот мучитель, птица не знала. Как и многое другое. Например, зачем она вообще полетела к этому балкону. Не знала сорока и того, почему великан, всматриваясь в её единственный глаз, искал в нём чьё-то отражение. А когда он сжал кулак и разmozжил ей череп одним ударом — знать уже расхотелось. Ей стало всё равно.

Аннабад был городом контрастов. Ихора приходила к такому выводу каждый раз, когда проезжала по центральной улице, украшенной иссушенными деревьями, ветхой брусчаткой и яркими вывесками. Она старалась заглянуть в каждый проулок, чтобы в очередной раз понять, что грязь, вонь и смерть из столицы никуда не исчезли.

Молодая светловолосая женщина не гнала скакуна. Она рассматривала лица людей, стараясь запомнить образ центральной мостовой таким, каким он ей казался именно в эту минуту. Там мимо нее прошмыгнул хитрый торговец, тут отошли в сторону два раба, вот здесь над головой прошмыгнул коршун с добычей в лапах. Интересная, живая картина

Наблюдения Ихора делала не из праздного любопытства — на дочери великого жреца Вэссы лежала обязанность главного хрониста. Она должна была следить за всем, что происходит в Аннабаде, и делать соответствующие записи в Книге судеб.

Сейчас Ихора возвращалась во дворец отца после кратковременного визита в штаб Полуночной стражи — там она выслушала доклад об убийстве в одной из таверн вблизи рынка.

Быть чем-то большим, чем вдовой и бездетной матерью, женщина стала пять зим назад, когда отец продвинул её на почетную должность. С тех пор слезы давно покинули её глаза. Вместе с ними высохло и сердце, сделав Ихору безразличной к простым эмоциям.

Но даже ей упомянутое дело об убийстве запало в душу — тело хозяина таверны, если можно было верить отчетам, будто растерзали обезумевшие звери. У трупа отсутствовали

стопы и ладони. Свидетелей страшного преступления не было. Таверну пришлось запереть, а её постояльцев бросить в темницу, чтобы выяснить, не они ли устроили расправу.

Полученную информацию следовало внести в хроники, так как подобных чудовищных преступлений в столице не происходило давно. Убийств, казней, грабежей и прочих бесчеловечных случаев в Валессии хватало с избытком, но о них народ обычно не судачит так долго. Сейчас же слухи долетели до Совета жрецов.

Ихора двигалась по городу верхом на пегой лошади. Вместе с ней в кортеже ехали девять всадников в плащах — личная охрана из гвардии Белых стягов. Обычно хватало и двух, но сегодня утром отец приставил к ней еще семерых.

— Госпожа, — раздался спокойный голос начальника охраны. — Если вы хотите успеть во дворец до наступления сумерек, нам следует поторопиться. Ваш отец может ждать.

Главный хронист империи не ответила. Она знала, что большой пир, посвященный окончанию жатвы, в последние годы всегда начинался без её участия. И всё из-за того, что Ихора с головой уходила в работу.

Черные тучи застилали небо, начал дуть холодный порывистый ветер — дождь мог начаться в любую минуту. Дочь жреца натянула на голову белый капюшон и запахнулась в красную мантию. Чтобы сделать как можно больше полезных дел, она не должна болеть.

С этими мыслями женщина слегка прищипорила коня и рванула вперед, придерживая рукой тяжелую кожаную сумку, в которой хранила пергаментные свитки, перья и чернила. Охрана последовала её примеру. Картеж быстро пересёк центральную улицу и устремился к району владык, в котором располагались все девятнадцать замков великих жрецов.

Пирамидальный дворец Белых стягов был самым внушительным из всех. В отличие от прочих зиккуратов, этот никогда не строился для торжеств или приёмов. В нём не было пышных садов или фонтанов — только толстые стены, голые каменные террасы и узкие бойницы. Не дом, а крепость, воздвигнутая предками Ихоры.

Глубокий ров отделял дворец от остальной части города. Попасть внутрь можно было лишь по мосту. На въезде через ворота всадников приветствовала стража. Это были воины, недавно вернувшиеся с северных границ — опытные, повидавшие многое солдаты. Охранять дворец для них было наградой.

— Добрый вечер, госпожа, — отсалютовал бородатый страж, стукнув трижды древком копья о брусчатку.

Ихора кивнула в ответ и выехала в парадный двор. Это случилось ровно в тот момент, когда солнце окончательно закатилось за горизонт. Ветер начал набирать новую силу.

Слуги, вышедшие навстречу, приняли лошадей под уздцы, позволив всадникам быстро спешиться.

— А вот и она, — разведя руки в стороны, приветствовал хрониста мужчина средних лет.

Это был Якон, старший брат Ихоры. Женщина не видела его уже около года. Когда-то, как в детстве, она бросилась бы к нему и обняла. Сейчас хронист не могла позволить себе такие глупости. Впрочем, там, где был Якон всё это время, бесспорно произошло много всего интересного. Об этом нужно узнать подробнее, чтобы добавить соответствующие записи в Книгу судеб. Поэтому отделаться сухим приветствием не получится.

— Когда ты приехал? — сухо спросила Ихора.

— Сегодня утром, — Якон широко улыбнулся, и его уставшее лицо помолодело.

Хронист и первый меч империи были не очень похожи друг на друга. Она — худая и высокая, напоминающая каменную статуэтку. Он — широкоплечий и коренастый, словно бойцовый пёс. Лишь общий цвет волос давал подсказку.

Брат и сестра вместе отправились во дворец-пирамиду.

— Надеюсь, ты вернулся домой больше чем с победой, — в глазах Ихоры читался интерес к тому, что может рассказать Якон. — Но почему еще не предстал перед отцом?

Брат еще раз улыбнулся, но ответить ничего не успел, так как их окружили слуги. Они низко опускали головы, соединяя руки в приветственном жесте, умоляя наследников своего повелителя проследовать к залу для пиршеств. Именно там великий жрец Вэсса вместе со своим двором и гостями отмечал праздник последнего урожая.

Ихора всегда ненавидела это огромное и темное помещение. Оно находилось в северной части зиккурата и почти всегда пустовало. Лишь два раза в год, весной и осенью, в зале зажигали свечи и растапливали камин, ставили большие столы и устраивали великое пиршество.

Праздники первой пашни и последнего урожая в Валессии были сакральными. Важнее был лишь третий — День серого камня, в который все жители страны почитали священную гору Сиггур, ставшую для них воплощением бога. Главный хронист не без раздражения оглядел стены коридора, ведущего в зал для пиршеств. Все они были украшены фресками, на которых изображались люди и горный хребет, давший предкам современных валессийцев великую силу.

Большой каменный зал был полон гостей. Деревянные столы, явно сколоченные в спешке, ломились от изобилия. Напитки лились рекой, словно в насмешку над теми, кто в это самое время грыз кору в темных переулках. Праздник последнего урожая был в самом разгаре — и в этом безумном веселье не было ничего святого. Простолюдины такого не могли себе позволить. К тому же страна, столкнувшаяся с кризисом и неурожаем, на официальном уровне запретила знати устраивать пиры. Таково было решение большинства членов Совета жрецов, обеспокоенных тем, что Валессия голодает. Впрочем, высший орган государственной власти мог принимать любые указы — послушаться Вэссу в его собственном доме не смел никто.

Сегодня отец Ихоры в очередной раз показал всем, как он относится к подобным указам.

— Отец не изменяет своим традициям даже сейчас, — грустно улыбнулся Якон, обращаясь к сестре. — На границах северных болот я видел многое. Мои солдаты умирали от голода и болезней. Это были ужасные дни, полные страха и отчаяния. Но тут, в нашем доме, кажется, ничего не поменялось, будто Аннабад живет своей жизнью.

— Так и есть, — ответила Ихора.

— Мой сын! — властный голос Вэссы заглушил гул пирующих людей, заставив Ихору вздрогнуть. — Якон, с возвращением!

Знать одобрительно загалдела, поднимаясь на ноги с кубками в руках. На одном из подиумов, которые, как лестница, располагались в центре зала, слуги быстро расчистили стол, пересадив менее знатных гостей в другое место. Смешное и жалкое действие. Однако если учитывать то, что происходит за стенами Аннабада, на это можно закрыть глаза. Кому, как не главному хронисту, знать о том, что сейчас происходит в мире. Валессия одновременно усмирляла бунты в трех приграничьях. Связаны они были с общим недовольством населения. Якон регулярно исполнял свой кровавый долг как первый меч империи на самых сложных направлениях.

Ихора воспользовалась тем, что осталась незамеченной, и быстро отошла в тень. Блистать в лучах славы она не любила, особенно на пирах отца. Впрочем, сейчас кто-то на неё всё же смотрел. Она почувствовала это так явно, словно наблюдающий держал её за талию. В зале было много глаз — радостных, пьяных, пустых. Но этот потаённый взгляд был другим — холодным и цепким. Неприятным. Хронисту это ощущение не понравилось.

Якона усадили за освободившийся стол. Он располагался на ступень ниже, чем тот, где восседал Вэсса, по правую руку от которого находился Цава — старший сын рода. Продолжатель линии Белых стягов, как и отец, был жрецом Сиггура. Ихора была уверена, что служению верховному божеству наследник уделял внимания больше, чем того требовалось, однако не осуждала брата за это. Она чтילה его право на будущее верховенство и уважала рьяные порывы. Цава всегда отвечал ей тем же.

Ихора заметила, как отец поднял позолоченный кубок, украшенный рубинами. Спустя мгновение зал замер. Верховный жрец обратился к Якону:

— Пусть этот день войдёт в Книгу судеб как день очередной победы нашей страны! И пусть все знают: кто служит Валессии с честью, как это делает мой сын, тот всегда найдёт место за моим столом.

Подобострастная знать дружно поддержала тост своего владыки. Ихора раздражённо вздохнула. Она потянулась в кожаную сумку, чтобы достать пергамент и чернила. Утром, когда она спустится в хранилище великой книги, вспоминать детали этого дня будет проще.

— Мой повелитель!

Гул в зале вновь затих. Кричал кто-то из слуг. Вэсса шатался и непонимающе глядел на своего мёртвого виночерпия. Мгновение назад тот был в добром здравии, а сейчас сидел на стуле, опустив голову, и под ним разливалась лужа кровавой мочи.

Глава рода отбросил кубок, из которого успел пригубить. Чаша с тяжёлым звоном покати-лась по деревянному помосту, ударяясь о каждую ступень. Вино, словно кровь, оросило деревянные доски. В пирамидальном дворце наступила гробовая тишина. Через мгновение верховный жрец Вэсса упал.

Глава 2. Пергамент и кинжал

Холодная каменная винтовая лестница вела глубоко под землю, в сводчатый храм пещер, которыми была богата земля под хребтом Сиггур. Путь освещали крошечные зелёные камни, отливающие тусклым мерцанием. Поэтому тому, кто спускался в хранилище, факелы были не нужны — глаза быстро привыкали к полумраку.

Ихора спускалась по ступеням, как всегда, осторожно. Её белые одежды, невозмутимое бледное лицо и светлые волосы в свете пещерных камней казались нефритовыми. Сейчас она была похожа на призрака. Но на пути к Книге судеб редко встречались те, кто не знал главного хрониста Валессии, — даже её вид, искажённый мистической зеленью, не изменил бы её статус. Да и путь был недолгим.

Молодая женщина вошла в святилище на заре и быстро пересекла зал. В большом светлом зале под куполом горели уже не зелёные, а белые камни. Их яркого света хватало для того, чтобы восстановить душевное равновесие, которое могло пошатнуться в полумраке лестницы. В зале работали писари. Они вносили записи в документы, оставляя подсказки и указания для потомков. Эта кропотливая работа в Аннабаде считалась почётной — писарями трудились лишь дети знатных родов, обученные наукам.

Когда главный хронист прошла мимо, шурша подолами длинной юбки, некоторые из писарей посмотрели на неё с нескрываемым уважением — Ихора заслужила репутацию твёрдого, но любящего своё дело управленца. Сейчас она направлялась к Книге судеб, которая хранилась в центре самого большого каменного зала. Огромный манускрипт, закованный в тяжёлые металлические плетения, лежал на широком постаменте. Металл был украшен тончайшей треугольной резьбой. Ихора резким движением вставила ключ в замок, быстро повернула и откинула тяжёлую крышку. Доступ к книге был только у двадцати человек в Валессии — у неё, как главного хрониста, а также у девятнадцати великих жрецов.

— Моя госпожа, — тихо заговорил один из писарей за спиной Ихоры. — Я молился за здоровье вашего отца. Надеюсь, Сиггур услышал меня.

— Спасибо, Туро, — сухо ответила хронист и открыла фолиант.

Писарь низко поклонился и отошёл в сторону. Чтобы не листать сотни страниц, Ихора воспользовалась красным шнурком, оставленным ей с прошлого раза в качестве закладки. Аккуратно, но не без усилия, она перевернула пергаментные листы и оглядела полупустой разворот. За пять зим, что она служила Валессии, женщина внесла в священный манускрипт более тысячи различных записей. Обычно речь в них шла о военных подвигах, вехах жизни верховных жрецов и урожае, который каждый год становился всё скуднее.

Сейчас Ихоре нужно было заполнить три новые строчки — о зверском преступлении, победе солдат Валессии над северным бунтом и попытке покушения на жизнь отца.

Молодая женщина на некоторое время замешкалась. Последнюю запись, возможно, внести было рано — всё-таки Вэсса был ещё жив, а его отравитель не пойман. В глазах главного хрониста вновь всплыло искажённое лицо, которое она увидела накануне вечером: жрец лежит на полу и корчится от боли, Цава пытается ему помочь с помощью магических амулетов, а Якон разгоняет толпу. В этот момент Ихора была рядом со своими родными, выбежав из укрытия, упав на колени рядом с отцом и схватив его за руку.

Уносясь в море воспоминаний, Ихора перелистнула Книгу судеб на одну страницу назад. Пергамент не сопротивлялся её пальцам. Спустя мгновение взгляд главного хрониста сам собой опустился на строчку, которую она написала, кажется, совсем недавно.

«Год 694 со дня основания Аннабада. Все жители великой Валессии увидели один и тот же сон. Был ли он вещим?»

К изумлению Ихоры, под записью появился ответ на этот вопрос. Главный хронист совсем забыла о том, о чём ей рассказывали члены совета жрецов: Книга судеб хранила в своей основе один из магических камней, добытый в шахтах под Сиггуром. Сила божества проявлялась по-разному. Книга, например, очень редко давала ответы на заданные вопросы. Сейчас под записью, сделанной около года назад, было выскребано короткое слово «Да». Буквы были кривыми, словно тот, кто их писал, не мог нормально держать чернильное перо в руке.

По спине женщины пробежал холодок. Левая рука сама собой тронула медальон, висевший у неё на шее. Украшение было тёплым и немного гудело меж пальцев. Это означало магическое присутствие. Ихора попыталась взять себя в руки — в этом месте мистическая сила была повсюду, и медальон вёл себя обычным образом.

Хронист попробовала вспомнить, когда в последний раз смотрела на страницу с прошлогодними записями, но сделать это не получилось — слишком много деталей проходило через её разум. Вроде бы это было в начале зимы Нет, точно нет. Запись о таинственном сне тогда её не интересовала. Ихора закрыла глаза и вознесла молитву Сиггуру, чего не делала с того дня, как умер её единственный сын.

Светящиеся камни в храме Книги судеб откликнулись на еле слышный шёпот Ихоры, вспыхнув ярче обычного. Писари подняли головы от своих рукописей и с интересом посмотрели на главного хрониста. Туро неспешно подошёл и тихо спросил:

— Что-то серьёзное, миледи?

— Книга дала ответ на один из вопросов, — словно самой себе ответила молодая женщина. — Нужно доложить об этом совету жрецов, как того требуют традиции.

Туро побледнел.

— Я немедленно отправлюсь в цитадель, — ответил писарь, подбирая подол своей серой рясы, чтобы как можно быстрее побежать к винтовой лестнице.

Ихора предпочла его не останавливать. Хотя следовало — весть о священном ответе Сиггура, чего не случалось очень давно, первым должен был узнать её отец. Но Вэсса сейчас лежал в своей кровати, возможно без сознания. Ему требовался покой. Может, тогда следует поговорить с братьями?

Она быстро расчехлила чернильницу, макнула чистое гусиное перо в вязкую жидкость и, вернувшись к ещё не заполненным строчкам, быстро сделала две записи:

«Год 695 со дня основания Аннабада. Войска Валессии подавили очередное восстание рабов».

«Год 695 со дня основания Аннабада. В столице империи убили человека, словно кто-то пытался повторить чёрный ритуал, описываемый в свитках уничтоженного царства Гуэ».

На последнем слове белое перо в руках главного хрониста вдруг сломалось, оставив на руке и пергаменте чёрную кляксу.

Цитадель Великих жрецов была храмом для всех, кто хотел сделать подношение Сиггуру, а также местом, где правители государства проводили свои регулярные встречи. Об этом знали все жители Аннабада, однако доступ туда был открыт немногим.

Простолюдинам было суждено зайти лишь в боковую дверь, где находится высокое пирамидальное помещение, украшенное скульптурами и фресками, рассказывающими о великом хребте и жрецах. Именно там можно было воздать почести божеству и его служителям. Для властителей, а также лиц, приближённых к ним, была открыта другая — центральная дверь, которую охраняла храмовая стража.

Туда и спешил писарь Туро. Однако пробиться к жрецам ему, как и сотням страждущих жителей гниющего Аннабада, было не суждено.

— Вы не понимаете, у меня срочное послание от главного хрониста, — он попытался вразумить человека в серой мантии, который, очевидно, отвечал за вход в цитадель.

— А я ещё раз говорю: пока члены совета не проведут закрытое заседание, добиться аудиенции не получится, — по лицу стражника было видно, что этот разговор утомлял его. — Если ты мне скажешь свою весть, я передам её распорядителю сразу после того, как он выйдет на свежий воздух.

Туро отвёл взгляд в сторону.

— Я не уполномочен говорить о таких вещах со стражей, — неуверенно ответил он.

Писарь хотел было переждать время на одной из каменных скамей неподалёку, но передумал. Внимание Туро привлек человек, уверенным шагом приближающийся к нему со стороны простолудинских ворот. Это был широкоплечий гигант, чьё лицо даже при ясном дне оставалось в тени чёрной бороды. Голос незнакомца, похожий на рык вепря, пророкотал:

— Я повсюду тебя ищу!

Мужчина подошёл к Туро вплотную и щёлкнул костяшками пальцев. От него разлило потом и сталью, словно он только что закончил работать с горном.

— Меня прислала Ихора, — прогрохотал незнакомец, отводя писаря от стражи. — Планы изменились, и совет жрецов подождёт.

— Но как же так? — удивлённо воскликнул Туро. — Госпожа сказала мне, что

Гигант приложил пальцы к губам, давая понять, что послание тайное.

— Я должен отвести тебя в одно место, где ты получишь новое задание, ещё более важное, — заговорщический тон великана показался писарю странным, но убедительным.

Вместе они прошагали в одну из тёмных подворотен, расположенных в соседних переулках, где воняло нечистотами. Очевидно, где-то недалеко располагался постоянный двор: за стенами доносился гул и невнятная брань пьяных людей, вздохи кухарки, попавшей в руки похотливому господину, а также кудахтанье кур.

Здесь Туро и незнакомец оказались одни. В тёмном углу пискнула крыса и тут же замолчала. Мысль об этом пробежала по спине писаря холодной каплей пота. Он перестал доверять незнакомцу, как только шагнул в подворотню. Но кто он такой, чтобы перечить человеку, говорящему от имени главного хрониста?

— Госпожа Ихора просила передать, — вновь заговорил великан. — Чтобы ты заткнул пасть и не говорил о том, что она узнала сегодня.

— Я не понимаю, — замотал головой писарь.

Человек в чёрном устало вздохнул, а через мгновение из-под его плаща блеснул короткий кривой кинжал.

Реки времени текут медленнее, если человек бездействует. Особенно когда ему есть куда торопиться. Именно об этом думал капитан Норк, ожидая встречи с Советом жрецов. Правители Валессии накануне затребовали доклад о том, как продвигается расследование жестокого убийства в таверне у рынка Аннабада.

Заведение называлось «Рука и кружка». Норк бывал в этом угрюмом месте не один десяток раз. Все эти визиты, кроме последнего, скрашивали жизнь начальника Полуночной стражи Аннабада. Увы, теперь, после гибели друга-трактирщика, и этой радости капитан был лишён.

Двери зала, украшенные большими и малыми треугольниками, как того требовал Сиггур, распахнулись.

— Капитан Норк, — обратился к служивому горбатый и хромающий на правую ногу распорядитель совета. — Жрецы готовы выслушать ваш доклад. Будьте кратки и не тратьте их время понапрасну.

Норк, почёсывая седеющую бороду, быстро шагнул в большое светлое помещение, служившее совету залом собраний. В высоких креслах, расположенных полукругом, сидели пожилые люди. Сверху, через круглый витраж в потолке, пробивались лучи утреннего солнца. Всего кресел было девятнадцать, и пустовало лишь одно.

— Капитан Полуночной стражи прибыл по вашему зову, — отсалютовал жрецам Норк. Первым заговорил старец, сидящий по правую руку от пустого кресла. Это был великий жрец Заммун. Норк узнал его по густым белым бровям на морщинистом лице. Именно он каждый год для жителей Аннабада проводил обряд начала зимы. И так было ещё до того, как капитан получил должность, сменив умершего от лихорадки друга.

— Да благословит Сиггур то, что вы здесь, — заговорил жрец. — В эти тяжёлые времена, когда никто из нас не может спокойно гулять по улицам священного города, совет хочет знать подробности расследования ужасного преступления, совершённого в Аннабаде.

Капитан поклонился и ответил Заммуну:

— Как я уже сообщал главному хронисту, гибель владельца таверны произошла в конце прошлой недели, ночью. Однако свидетелей мы не нашли — стража опросила всех жителей квартала. Место убийства я осмотрел лично. Кроме следов крови и всеобщей разрухи, что указывает на сопротивление жертвы, мы ничего не нашли.

— Совсем ничего? — буркнул кто-то из жрецов по левую руку от капитана.

— Мы нашли лишь тело трактирщика. Оно, как я уже отмечал в своём докладе, было лишено кистей и стоп. Конечностей мы не нашли, — ответил Норк.

— Какая мерзость, — проворчал другой жрец. — Кому могли понадобиться чужие руки и ноги?

Жрецы, как показалось Норку, сейчас походили на испуганных детей. И это при том, что они обладали благословением Сиггура! Капитан не знал особенностей владения мистическими силами, которыми могли пользоваться служители божества, но он был уверен, что старцы способны творить такое, о чём не в силах подумать любой простолюдин. И всё-таки сейчас владыки Валессии были весьма обеспокоены.

— Справедливый вопрос: кто мог сделать такое с несчастным? — спросил Заммун у Норка, сложив костлявые руки на подлокотники своего кресла.

— Есть мнение, — медленно ответил капитан, — что убийство было ритуальным.

В зале повисла гробовая тишина. Тучи закрыли солнце, и свет в зале стал не таким ярким.

— Именно поэтому мы взволнованы происходящим, — громко заговорил маленький жрец, сидевший ближе всего к выходу. — До нас дошли слухи, что некоторые жители Аннабада тайно проводят запрещённые собрания, шепчут еретические слова и оскверняют имя Сиггура. А стоят за всем этим безобразием шпионы, которые служат Бессмертному!

— Мы хотим, чтобы ритуалисты или заговорщики, кто бы это ни был, были пойманы как можно быстрее, — заключил Заммун.

Он указал пальцем на пустующее кресло.

— Под удар врагов попал и наш брат, великий жрец Вэсса. Мы не хотим стать следующими, на кого обрушится удар из тени. Поэтому мы собираемся наделить Полуночную стражу особыми полномочиями. Допросы нужно проводить тщательнее — если нужно, пускайте в ход калёное железо, но найдите виновников. В том, что их несколько, мы не сомневаемся.

Выходя из зала совета, Норк испытывал противоречивые чувства. В руках он держал чёрный пергамент. В документе, скреплённом печатью жрецов, говорилось о том, что должна сделать Полуночная стража для поиска истины. Впрочем, смуту в душу мужчины вносили не методы, которые нужно было применить, а их возможные последствия.

Глава 3. Предатели и пытки

Тренировочный меч с глухим ударом опустился на щит, сколоченный неизвестным мастером, расколов деревянное основание пополам. Стражник, не побоявшийся выступить в учебный бой с Яконом, быстро отступил. Воин сбросил щит с предплечья и перехватил оружие двумя руками.

Для простолюдина, коим являлся стражник, этот бой был великой честью — Якон из Белых стягов прослыл великим воином, выигравшим множество битв. Защите интересов Валессии на поле брани он посвятил едва ли не всю жизнь — за это его уважали и боялись многие.

— А теперь нападай ты, — Якон улыбнулся своему временному противнику.

Стражник не стал медлить. Он сделал два выпада, пытаясь пробить защиту господина. Однако щит Якона не дрогнул. Удар — ещё удар. Первый меч вновь умело парировал, перехватив инициативу. Простолюдин задумался: а не играет ли сын великого жреца с ним? Ведь если бы начался настоящий бой, то дела, наверное, обстояли бы иначе — противник мастера остался бы без головы или с рассечённым наискось туловищем.

— Я сдаюсь, — выдохнул он, осознавая, что тупой клинок Якона застыл у его горла.

Прохладный ветерок, младший сын того урагана, что накрыл Аннабад накануне, гулял по тренировочной площадке, раздувая пыль в разные стороны. Место, вновь ставшее популярным с возвращением Якона, располагалось в западной части дворца. Свободного пространства здесь было значительно меньше, чем в зале празднеств.

Ихора, словно белая чайка, влетела на помост — слуги ей рассказали, где искать старшего брата. Немой тенью за ней двигался начальник охраны. После того как жрец Вэсса был отравлен, он не отходил от молодой женщины ни на шаг. Лицо Ихоры было напряжённым — почти таким же, как накануне, когда отравленный отец потерял сознание.

Якон искренне улыбнулся сестре, но она не ответила ему взаимностью.

— Мне нужно с тобой поговорить, — коротко сказала она, отводя воителя в сторону. — Отец пришёл в себя?

— Он спит тяжёлым сном, — вздохнул брат. — Лекари дали ему что-то целебное, и сегодня утром, когда ты ушла, на его лбу выступила испарина. Говорят, после этого ему стало лучше. Удивительно, что какие-то травы произвели больший эффект, чем амулеты Цавы.

— Это хорошие вести, — в глазах Ихоры промелькнула искра радости. — Но я была вынуждена вернуться в дом с плохими новостями. Я не хочу говорить о них дважды, поэтому давай найдём брата и обсудим всё вместе.

Напряжение в голосе сестры и тон, которым она говорила, заставили Якона насторожиться. Три года назад Ихора потеряла сына и мужа. Ребёнка забрала болезнь, а супруг погиб при подозрительных обстоятельствах. С тех пор жизнерадостная девушка, которую он помнил, стала совсем другой — холодной и отрешённой.

Якон и Ихора нашли Цаву в одной из многочисленных комнат дворца, которая граничила со спальней Вэссы. За отцом непрерывно наблюдали лекари, у входа стояла стража. О том, чтобы борющийся за жизнь жрец был в безопасности, Якон побеспокоился лично.

Начальник охраны хрониста последовал за ними, но воители не пустили его на порог. Ихора не возражала.

Цава, сложив руки в жест, символизирующий молитву Сигтуру, стоял на одном колене у золотого треугольника. Мистический символ венчал алтарь, которых в замке было немало. Наследник рода что-то шептал, закрыв глаза. Якон пропустил вперёд сестру и хлопнул дверью, давая понять, что пора прекращать монолог, адресованный высшим силам.

— Что случилось? — в голосе Цавы прозвучала нота недовольства.

Ихора нервно теребила правый манжет.

— Книга судеб дала ответ, — коротко сказала она.

Якон и Цава быстро переглянулись. Между братьями никогда не было особой любви — в детстве старший частенько обижал младшего. Когда они стали взрослыми, личные обиды ушли, однако взаимопонимания не появилось.

— Насколько я помню, — прервал молчание Цава, — с момента основания Аннабада священной реликвии Сиггура было задано более ста вопросов.

— Однако она откликнулась всего пять раз, — подхватил Якон, вспоминая слова придворного учителя, прозвучавшие в стенах пирамидального замка двадцать зим назад.

— Шесть, — вздохнула Ихора. — Год назад, после того мистического сна, который всех нас поразил, я вписала упоминание о нём в фолиант.

Цава тревожно сложил руки в молитве Сиггуру и закрыл глаза.

— Не помню я этот сон, — расхохотался Якон. — Вы все о нём говорили тогда с таким трепетом! А я был пьян и спал крепче любого из тех, кого зарубил на поле брани.

— Я задала книге вопрос — был ли этот сон вещим, — продолжила Ихора, не обращая внимания на повеселевшего брата. — И сегодня увидела, что книга подтвердила мою догадку!

Цава открыл глаза. По его лицу блуждали тени сомнения и страха — старший сын великого жреца всегда был слишком ревностным в вере.

— Я отправила одного из писарей, чтобы он доложил о случившемся Совету жрецов, а сама прискакала сюда, — тихо добавила главный хронист, присев в кресло у камина. — Отец не должен оставаться в неведении.

— Это разумно, — голос Цавы прозвучал монотонно. — Никто не разбирается в тайнах высших сил лучше главы нашего рода.

Совершенно неожиданно, но весьма вовремя двери в комнату с алтарем распахнулись. Хромая и держась за правый бок, в помещение вошёл Вэсса. Его сопровождали обеспокоенные лекари. Великий жрец рухнул на одну из скамей, обитых кожей, и отмахнулся от слуг, приказывая выйти. Обеспокоенные наследники окружили отца: Цава подложил подушку под голову, Ихора взяла за руку, Якон подсел рядом.

— Совет узнает о знамении позже, — не давая детям возможности заговорить, захрипел слабым голосом Вэсса. — Мой слуга перехватил твоего писаря, дочь.

— Тебе нужен покой, отец, — улыбнулся Якон. — Зачем ты утруждаешь себя решением мирских дел?

Глаза Вэссы наливались кровью. Яд ослабил тело жреца, но было видно, что его дух пребывал всё в том же ярком, как пламя, состоянии.

— Меня отравили, — процедил Вэсса. — Ваша задача — всех троих — найти того, кто это сделал. Сны, пророчества, книга — всё это пока подождёт. Они не будут иметь значения, пока мы не найдём тех, кто решил меня убить. Враги повсюду. Я уверен, что за покушением стоят мои соперники из Совета — Заммун и его сторонники.

— Как ты можешь такое говорить? — прошептала Ихора.

— Отец прав, — слишком часто меняющий своё мнение Цава сжал кулаки. — Наши дела под угрозой, пока предатели находятся в наших стенах!

Ихора, возмущённая тем, что отец поставил под сомнение важность её сообщения, встала и отошла в сторону, но продолжала внимательно слушать. Она подошла ближе к открытому окну, чтобы взглянуть на хребет монструозной горы, у подножия которой предки-основатели заложили столицу Валессии. Сиггур утопал в облаках. Ещё в детстве отец говорил, что самая высокая гора мира слышит каждого из своих почитателей. И она этому верила. Неужели сейчас что-то может быть важнее ответа бога?

— Если бы не мой виночерпий, я был бы уже мёртв, — продолжал Вэсса. — Враги пробрались ближе, чем я думал. Они уже здесь. Вы обязаны найти предателей.

— Доступ к твоему вину, отец, был у немногих, — прогрохотал Якон. — Под подозрением пятеро. Мои люди в пыточных камерах начали допрос. Он длится три часа. Надеюсь, результаты будут весьма скоро.

Ихора холодно посмотрела на брата. Она знала, что его добродушию и светлому лику нельзя доверять — он был жестоким солдатом, готовым на многое во благо страны и семьи. В последние годы именно это одновременно восхищало её и заставляло держаться от Якона в стороне. Всё-таки уделом женщины был совсем иной труд, не связанный с металлом, кровью и потом.

— Мне нужен покой, — вновь заговорил Вэсса. — Но ничто не сделает это сильнее, чем весть об именах предателей, а также тех, кто заплатил им за мою смерть. А теперь идите и верните лекарей, кажется, меня вновь охватывает жар.

Кровь из правой глазницы раненого мужчины никак не хотела останавливаться. Она сочилась из бурой плоти, вывернутой наизнанку, пока её владелец дрожал в предсмертной агонии.

Пыточных дел мастер облил несчастного ледяной водой из ведра. Струйка крови не унялась даже в тот момент, когда к телу несчастного прижали магический камень, доставленный в Аннабад из священной шахты. Именно он не давал слуге жреца умереть.

— Убейте меня, — шептал он обессилевшим голосом.

В темнице, где шёл допрос подозреваемых, было очень душно и темно. Единственным источником света была жаровня, в которой лежали инструменты для поиска истины — раскалённые ножи, щипцы и иглы. Рядом, на столешнице, располагались пилы и молотки.

Страшное зрелище.

Пожилый слуга, который накануне подал виночерпию бочку с ядовитым вином, был единственным, кто оставался в живых, — остальные оказались замучены до того, как палачам принесли магический камень.

— Убейте меня, — вновь попросил он хозяев подземелья, с которыми ещё два дня назад обсуждал праздничный стол своего господина.

— Кто заплатил тебе за отравленное вино? — прошипел один из них, вытирая пот со лба.

Слуга захрипел, пытаясь что-то сказать, но начал терять сознание. Его единственный уцелевший после пыток глаз закрылся. Истязатели потянулись за магическим камнем. Он имел форму ромба — второй сакральный символ Валессии. Он обозначал жизнь и смерть — первое нужно было мучителям, второе — их жертве.

Камень прижали ко лбу старика, и тот через мгновение вновь начал хватать воздух беззубым и окровавленным ртом.

— Кто заплатил тебе за отравление? — пытка начиналась заново.

Петли клетки темницы взвизгнули. В смердящее страхом помещение вошли наследники великого жреца. Цава и Якон, спустившиеся сюда сразу после разговора с отцом, с брезгливостью оглядели тела замученных слуг.

— Хорошо, что Ихора отказалась идти, — буркнул старший из братьев.

— Не думаю, что сестрёнку можно напугать подобным зрелищем, — хмыкнул Якон. — Думаю, к пыткам она так же безразлична, как и к повторной свадьбе.

Мастера пыток подошли ближе, поклонившись своим владыкам.

— Мои повелители, — заговорил тот, что был более опытным мучителем. — Нам удалось выяснить, что вон тот одноглазый служит кому-то ещё. Он рассказал о каком-то Затворнике, который всех выручит. Думается, так эти уроды называют своего главаря.

Цава подошёл к старику-предателю и протянул руки. Перед тем как спуститься в подземелье, потомственный жрец надел два магических браслета. Когда старший из детей Вэссы дотронулся до висков слуги, мистические украшения вспыхнули холодным светом.

— Что ты делаешь? — воскликнул Якон.

— Сиггур поможет мне найти ответы на все вопросы, — ответил Цава. — Человек, оказавшийся на грани жизни и смерти, — лёгкая мишень для тех, кто умеет читать чужие мысли.

Старик что-то зашептал, потом застонал, а через мгновение закричал так, что даже Якону стало не по себе. Магическое действие было недолгим. Голова несчастного вздулась и лопнула, словно гнойник. Цава медленно опустил руки, и волшебные браслеты на его руках померкли.

— Такова цена служения, — пробормотал он. — Но теперь я знаю, где искать предателей. И я знаю, кто такой Затворник. Этого человека отец назначил начальником охраны нашей сестры.

Полуторный меч с глухим ударом опустился на щит, обитый кожей и стальными пластинами, расколов деревянное основание пополам. Начальник охраны Ихоры, вынужденный вступить в бой с её старшим братом, быстро отступил. Человек, которого тайные последователи называли Затворником, сбросил щит с предплечья и перехватил рукоять клинка двумя руками.

— А теперь нападай ты, — Якон был предельно серьёзен.

В глазах его противника отразилась тень сожаления, будто он не хотел, чтобы этот бой начался.

— Мой господин, — ответил шпион. — Я не хочу навредить первому мечу Валессии.

Танец смерти, который он устроил с ним в коридорах дворца, плавно перетёк на одну из террас, возвышающихся над городом.

Предатель, на которого совсем недавно указал Цава, пытался покинуть пирамиду. Очевидно, он понимал, что с помощью магии схваченным слугам быстро развяжут языки, поэтому пытался замести следы как можно быстрее. Увы, на побег из покоев Вэссы, уничтожение улики и прочей ерунды ушло слишком много времени. Ему также пришлось устроить пожар в казарме, чтобы отвлечь всеобщее внимание. Он нацепил походный балахон на кожаные доспехи и лишь после всего этого направился в конюшни.

Там-то его и нашли люди Якона, отправленные на поиски предателя. Солдатам это даже удалось, однако в подвернувшийся момент Затворник оказал сопротивление. В одном из коридоров шпион вырвался и вступил в ожесточённую схватку, успев убить одного стражника и ранить ещё троих. Якон, уставший ждать, когда предателя приведут на допрос, услышал звон стали и поспешил к месту сражения.

— Брось оружие, — вновь заговорил Якон. — И после того как расскажешь о своих настоящих повелителях, умрёшь быстро и без мучений.

Шпион отвечать не стал. Вместо этого он сделал резкий выпад, пытаясь загнать противника в узкий коридор, где размер клинка сделал бы сына жреца более уязвимым. Стражи поблизости не было — почти все были заняты тушением разгорающегося пламени.

Удар, ещё один удар. Якон, как того и хотел Затворник, отступил. Первый меч Валессии сменил стойку, подняв полуторный меч над головой. Благо высота потолков это позволяла.

— Тебе не уйти живым, — грозно сказал он.

— О, конечно, это не так, — голос беглеца прозвучал немного насмешливо. — Я смогу исчезнуть, если убью тебя. Жаль, что больше не повидаю Ихору. За эти годы, что служил при ней, я успел привязаться к её своеобразной натуре.

Якон перешёл в наступление, обрушив на противника серию мощных ударов. Шпион, уверенный, что господин в самый неподходящий момент откроется для удара, мастерски отразил все выпады и выхватил из-за пазухи стилет.

Холодный клинок продырявил лёгкий доспех Якона. Затворник попытался проделать тот же фокус с печенью противника. Впрочем, первый меч не носил бы столь почётный титул, если бы его враги могли успешно использовать в бою подобные приёмы. Якон сжал руку предателя

и, развернувшись, отсек её вместе с кинжалом. На каменные плиты террасы фонтаном брызнула кровь.

— Всё кончено, — сказал сын жреца. — Сдавайся, и твои мучения будут недолгими — я велю принести животворящий камень.

Затворник меч из правой руки так и не выпустил.

— Ты победил, но ошибся, Якон, — расхохотался шпион, но его радость быстро сменила гримаса боли. — Я умру быстрой смертью, и ты не сможешь этому помешать.

Продолжая заливать кровью каменный пол, Затворник что-то простонал и, перевернувшись через перила, рухнул вниз на мощёный плац. Больше он не издал ни звука.

Глава 4. Пророчество и мухи

Столица Валессии погрузилась в мучительный сон. Пьяные крики горожан в увеселительных заведениях быстро стихли — граждане вешали замки на двери и окна. Всё из-за тех слухов, что породило страшное преступление в таверне у рынка. Люди говорили о чудовище, которое могло стоять за тем нападением, и верили, что на охоту оно выходит при свете Алой звезды. Здравомыслящие горожане эти нелепицы, конечно, поднимали на смех, однако предпочитали не рисковать и также запирали ставни.

Одна из причин этому: по Аннабаду прокатилась волна жестоких допросов, инициированная Советом. Впрочем, слуги жрецов искали не чудовище, а каких-то таинственных культистов, которые по второй версии могли стоять за тем самым убийством. Но кому придёт в голову мысль о том, чтобы творить в Валессии подобное зло?

Была и вторая неочевидная причина: тёмное время суток терзало жителей столицы не только из-за страха стать виновными в глазах властей или жертвами таинственного чудовища. Прошло две недели, как ветра унесли тяжёлые тучи с неба над Аннабадом, оголив величественный горный хребет. То же самое произошло и с городом, ставшим беззащитным перед лучами палящего солнца. Как следствие — ночи были полны непривычной духоты. Плюс ко всему, дневная жара, смрад и гной человеческих пороков, как шептали беззубые старухи, породили в щелях-переулках множество мерзких жирных мух.

Полуночная стража в любое время года встречала рассвет в Аннабаде при свете факелов. Это был своеобразный ритуал — дожждаться зари, встретиться со своими сменщиками, вместе погасив пламя. Отряды, отвечающие за безопасность улиц города, сменяли друг друга по утрам, чтобы блюсти порядок в столице круглосуточно.

Однако теперь, когда Совет жрецов расширил их полномочия, людям капитана Норка не хватало сил на выполнение основных задач. Часть солдат была переброшена на поиск культистов, поэтому количество стражников в ночных патрулях уменьшили с трёх до двух.

— Это отвратительно, — прошептал щербатый стражник, заглядывая в закоулок, отходящий от одной из центральных улиц.

Мужчина повернулся к напарнику, который держал факел, и внимательно смотрел на светлеющий горизонт.

— Ты видел? Там кто-то выбросил на брусчатку несколько трупов собак! — не унимался стражник. — А мы ещё гадаем, откуда берутся эти проклятые мухи!

— Пойдём, — безразлично ответил его коренастый товарищ. — Нам пора двигаться к рынку, чтобы найти сменщиков и отправиться по домам.

Стражники ускорили шаг в надежде быстрее закончить вахту. При подходе к местам торговли их ждал неприятный сюрприз — на месте встречи их никто не ждал.

Долгожданный рассвет подбирался всё ближе, горизонт за восточными воротами города начинал менять цвет, а где-то левее на краю небосклона набирала силу Алая звезда. Летом маленькая кровавая точка всегда предшествовала появлению солнца. В Валессии, жители которой посвятили себя богу-горе Сиггуру, никто не придавал мистического значения небесным явлениям. Бывали лишь кривотолки да разные небылицы, вроде той — про убитого хозяина таверны.

Двое стражников, ожидающие смену караула, как раз остановились недалеко от места былой трагедии. Тот, что был повыше и щербат, волновался сильнее напарника и с каждой минутой всё больше оглядывался по сторонам. Он первым и заметил, что меж досок, закрывающих окна в ту самую таверну, блуждает тусклый свет.

— Посмотри, — прошептал он, указывая пальцем в сторону огонька. — Капитан приказал никого не впускать в это проклятое место, но там, кажется, кто-то есть.

— Это не наше дело, — ответил товарищ по службе. — Ждём смену.

Где-то вдалеке послышался сдавленный крик и звон металла, упавшего на мощёный пол. Стражники вздрогнули одновременно.

— Я не хочу туда идти, — простонал первый, сжимая факел.

— А я прям мечтаю, — проворчал второй, и костяшки его пальцев, что сжимали древко копья, стали белыми от напряжения.

Новый крик, разрезавший тишину ночи, прозвучал гораздо отчётливее предыдущего. Испуганным стражникам он показался слабо похожим на человеческий. Он был низким, гортанным и полным ненависти. Подобные звуки издаёт медведь, раненый стрелой в лопатку.

В заколоченных окнах вновь забегал мерцающий огонь. Стражники ещё раз переглянулись, сложили руки в молитве Сиггуру, а после бросились в таверну, в которой уже не в первый раз творилось что-то страшное. Дверь в заведение была вскрыта, помещение тонуло в смраде.

Стражники, оглядываясь и махая факелом из стороны в сторону, словно пытаясь отогнать от себя стаю летучих мышей, продвигались вперёд. Страх заставлял их сердца стучать с невероятной силой.

У стойки, покрытой пылью, они обнаружили свежую лужу крови и тела двух других стражей — очевидно, тех, кто должен был сменить их на посту. В их пустых окровавленных глазах застыл ужас, в открытых ртах застрял крик.

— Храни нас, Сиггур, — завопил шербаый страж.

Где-то над их головами затопало что-то большое, словно старый бык в узком лошадином стойле пытался найти себе место поудобнее. Потолок затрещал, на головы испуганных, но несломленных ужасом стражников посыпались солома и песок. Нечто зашагало быстрее, раздался рык, и спустя мгновение наступила тишина.

Где-то вдалеке запел петух, знаменуя скорое начало рассвета.

Жирные чёрные мухи нашли для себя много интересного в двух окровавленных трупах стражников, которых нашли сменщики в той самой злополучной таверне. Насекомые роились, старались отложить как можно больше личинок в окровавленные обрубки, копошились в их открытых ртах и провалившихся глазницах. Запах запекшейся крови и гниющих тел привлекал новых и новых мух.

Норк, запретивший кому-либо входить в помещение, ставшее местом преступления во второй раз, находился на грани сна и реальности. В эту ночь духота не дала ему толком уснуть. На восходе солнца его разбудили подчинённые. Когда капитан прибыл к рынку, Полуночная стража уже оцепила смежные улицы, не давая горожанам, проснувшимся пораньше, пройти к торговым прилавкам.

В толпе нарастало волнение. Когда Норк вошёл в таверну, оставшись наедине с трупами и мухами, ему стало немного легче. Он намотал на рот и нос тряпку, чтобы можно было дышать, и принялся за осмотр места преступления. Первый этаж: холл для гостей, столики и скамьи, позади стойки кухня и спальная комната хозяина, а также спуск в кладовую, где хранилось вино. На втором этаже располагались комнаты для тех, чьи ноги отказывались идти домой — приятная услуга для ленивых завсегдаев.

Капитан Полуночной стражи присел у тел подчинённых, чтобы осмотреть их страшные раны. Они были идентичны тем, что Норк видел на теле трактирщика две недели назад, — без стоп и кистей. Мухи мешали провести более детальный осмотр, и он, быстро встав на ноги, принялся изучать белый след, ведущий на второй этаж.

Очевидно, воины оказали таинственному убийце сопротивление. Струйка запекшейся молочной жидкости почему-то резко контрастировала с теми бурыми массами, вытекшими из убитых. Прерывистая линия привела капитана к лестнице. Он быстро поднялся на второй этаж и замер в изумлении.

Белый след заканчивался у большого окна, выходящего на тыльную сторону, в подворотню. Створки были распахнуты.

— Значит, так ты сбежал, — пробубнил Норк, стягивая тряпку с лица.

Здесь запах был немного другой, не такой затхлый и гнилостный. В одной из комнат, предназначенных для гостей, капитан увидел плохо сколоченную койку со смятой подушкой. Вывод напрашивался сам собой: здесь кто-то недавно спал. Командир Полуночной стражи откинул одеяло. Под тряпкой скопилось много грязи, как будто здешний постоялец лежал исключительно в сапогах.

Норк заглянул под кровать и нашёл под ней большие чёрные перья.

— Странно, — вновь заговорил он сам с собой. — Перья есть, а птичьего помета нет.

Капитан был уверен, что две недели назад при осмотре таверны здесь ничего подобного не было. Неужели в заколоченный дом взобрался один из бездомных попрошаек?

— Или нашёл временное прибежище убийца, — Норк замер в замешательстве. — Что это за сектант такой, который убивает, спит и проводит мистические ритуалы в одном и том же месте? Больной ублюдок.

Он бросил найденное перо и поспешил покинуть здание. Стражники проверили всё после него ещё несколько раз, но ничего интересного больше не нашли. На закате испуганные и молчаливые жители Аннабада сожгли проклятую таверну. Мухи, испугавшись дыма, разлетелись кто куда.

Ихора не видела отца и братьев с тех пор, как Якон сбросил с парашюта начальника её охраны. Не то чтобы она питала к предателю какое-то чувство привязанности, однако женщина испытывала раздражение из-за того, что её поставили перед фактом убийства и не дали разобраться с делом самой.

Несколько дней она пыталась добиться аудиенции у Вэссы, чтобы заставить его одуматься и дать возможность разобраться с ответом, который дала Книга судеб. Сердцем она чувствовала, что желание держать Совет в неведении продиктовано интересами их рода, однако разум с каждым днём твердил своё — ответ Сиггура крайне важен для всех жителей Валессии.

С осознанием этого главный хронист провела много времени в хранилище, пытаясь разгадать загадку таинственных записей в Книге судеб. Ей это удалось, но не без помощи писаря Туро.

Молодой человек сильно изменился после того дня, как главный хронист послала его в храм жрецов. Он стал более замкнутым и молчаливым. Взгляд Туро стал мрачным, писарь перестал брить жидкую бородку. Своё состояние он объяснял сильными переживаниями из-за проваленной миссии, однако Ихора ему не верила. Лишь серьёзные потрясения способны изменить личность человека, как, например, это произошло с ней. Писаря же буквально подменили.

И тем не менее, сегодня Туро предложил главному хронисту найти и сопоставить все ответы, которые давал Сиггур своим последователям через книгу. Ихора так и сделала, с трудом отыскав каждую из нужных строчек в огромном фолианте. Когда это получилось, её глаза наполнились слезами, и она, заперев Книгу судеб на ключ, выбежала из хранилища.

К полудню, добравшись до дворца отца, она обругала стражу, которая не желала беспокоить своего господина. Молодая женщина оттолкнула вышедшего ей навстречу Цаву и вбежала в покои верховного жреца.

— Я собирался навестить тебя завтра в обед, — сказал Вэсса, не отрывая глаз от документов. — Зачем устроила осаду моего кабинета?

— Отец, медлить нельзя, — с возмущением заговорила Ихора. — Твои дела с поиском предателей могут подождать. Я разгадала тайну пророчества!

В двери, которые вели в соседние покои, постучали. Не дожидаясь разрешения, в кабинет вошёл человек в чёрном. Его медведеподобная фигура прошагала к столу великого жреца. Мощные руки сцепились друг с другом клешнями, привычным движением хрустнули костяшками пальцев. Всё это время мрачный, тяжёлый взгляд был прикован к дочери Вэссы.

— Ихора, познакомься с моим новым тайным советником, — вновь заговорил жрец, указывая пальцем на великана. — Его имя Гезор. Он в курсе всех моих дел, и говорить при нём ты можешь не таясь.

— Я бы предпочла делать это в обществе братьев, — ответила главный хронист.

Верховный жрец не ответил, а великан в чёрном не пошевелился. Послышались глухие шаги, парадные двери распахнулись, и к собравшимся, словно услышав пожелание сестры, присоединились Цава и Якон. Первый был взволнован, второй как всегда улыбался.

— Сестрёнка! — глаза Якона светились радостью. — Рад тебя видеть! Гезор, тебя тоже.

Последние слова первый меч Валессии произнёс с лёгкой иронией. Когда это они успели познакомиться? Хороший вопрос, но он сейчас был не важен. Ихора, почувствовав эмоциональную поддержку брата, немного расслабилась.

— Ты была похожа на бурю, — мягко улыбнулся Цава, держась за правое плечо. — Надо же было так толкнуть. А я ведь старше тебя на пятнадцать зим!

Ихора нервно отмахнулась от братьев.

— Книга судеб отвечала на вопросы жрецов и главных хронистов всего шесть раз за всю историю Валессии, — быстро заговорила она. — Пока вы убивали моего не очень верного слугу, а также занимались поиском других предателей, я изучала древние письмена. Сегодня я нашла все шесть ответов Сиггура и выписала их на этом пергаменте.

Молодая женщина достала из кожаной сумки записи и показала наследнику Белых стягов, в чьей набожности можно было не сомневаться.

— «Требование», «сила», «владыка», «познание», «жизнь», «да», — прочитал старший из братьев. — Что ты поняла из этого набора слов? Это ведь ответы на совершенно разные вопросы!

— Да, это набор слов, — голос Ихоры дрожал. — Но если учесть то, чему нас учили на уроках древней письменности, то можно вспомнить, что сотню лет назад некоторые из этих слов означали не только предмет или явление, но и действие, описание. Расставив их в нужном порядке, мы получим фразу.

— Что за фраза, сестра? — нахмурился Якон.

— Да познают живущие силу владыки трёх богов.

Эти слова произнёс великан Гезор, вновь хрустнув пальцами. Ихора отметила про себя, что совсем забыла о присутствии этого человека. И тем не менее, его слова звучали точно так же, как она и хотела произнести. Совпадение?

— Странная фраза, — прохрипел Вэсса. — И до боли знакомая.

— Отвратительно звучит! — замахал руками Цава. — Отец, как ты мог забыть, ведь это часть молитвы! И не Сиггуру!

В глазах верховного жреца вспыхнул огонь. Это было то самое пламя гнева, которое разгоралось в отце всякий раз, когда речь заходила о вопросах власти и теологии.

— Вы хотите сказать, что наш бог через Книгу судеб предупредил о пришествии какого-то владыки? — Якон с недоверием смотрел на сестру и брата. — При этом он повторил какую-то чужую молитву?

Вэсса и Гезор обменялись многозначительными взглядами. Великий жрец кивнул, и великан в чёрном заговорил:

— Если всё это правда, то дела обстоят ещё хуже, чем мы предполагали. Думаю, что тот младенец из сна видение было послано всем нам в качестве предупреждения. Недавно мои шпионы прислали вашему отцу тревожные вести о том, что наши враги из империи ТалХа-

зар отправили большой отряд на некие таинственные поиски. Моим соглядатаям ценой жизни нескольких слуг удалось выяснить, что этих воинов ведёт куда-то на северо-запад Алая звезда. По непроверенным, но весьма достоверным слухам, тиран приказал им найти ребёнка с изумрудными глазами.

Дети Вэссы внимательно слушали великана.

— Одновременно с этим здесь в Аннабаде активизировались группы предателей, действующие по приказу империи, — продолжил Гезор. — Ваш Затворник был одним из них. Также Бессмертный император следит за нами с помощью птиц-шпионов, пытается руками членов Совета жрецов пошатнуть власть. Например, убив вашего отца. Думаю, что тиран Тал-Хазара понимает, что лишь Вэсса может сплотить Валессию в будущей кровопролитной войне.

Последние слова для Ихоры ничего не значили. Она давно устала слушать о шпионах, восточной империи и их тайных замыслах. В её голове пульсировала одна мысль: если Бессмертный разгадал загадку вещего сна и отправил своих людей на поиски ребёнка, значит, их нужно остановить.

— Куда ведёт хазарцев Алая звезда? — спросила она великана в чёрном.

— В центральные пустоши, — гортанно молвил Гезор, и каждое его слово почему-то прозвучало крайне неприятно. — Куда-то туда, где семьдесят девять зим назад объединённые силы наших народов уничтожили великого врага. Да, дочь жреца, я говорю о чёрной стране Гуэ.

Глава 5. Глаз и приказ

Большие восточные ворота, расположенные меж двух больших квадратных башен и украшенные витиеватой металлической решёткой, отворялись лишь в первой половине дня. Страже Аннабада было приказано делать это специально для того, чтобы караваны, двигающиеся из восточных провинций, могли без проблем попасть в столицу и приступить к разгрузке товаров.

Через эти ворота в город попадали тёсаные камни и ценные руды, добываемые из шахт Валессии. Но это были не те священные места, в которых Сиггур даровал жрецам великую силу. Вход в те древние тоннели был спрятан где-то в храмовой части Аннабада, и путь туда был доступен не многим. Через восточные ворота же поступали сравнительно обычные металлы, нужные дляковки наконечников копий, лезвий мечей и кинжалов, — нужные воинам, но с точки зрения высшей касты примитивные вещи.

В восточных кварталах трудились ремесленники — каменщики, кузнецы и сотни других мастеров, обеспечивающих войска и знать величественного города необходимым сырьём.

Именно через эти кварталы и двигался большой отряд Белых стягов, пытаясь покинуть Аннабад как можно быстрее — до закрытия ворот оставалось совсем немного времени. Каждый из воинов был при лошади, в кольчугах и прочных кожаных доспехах, а также шлемах, украшенных хвостами предгорных хищников. Бойцов снарядили всевозможным оружием — топорами, клинками и луками. У каждого было при себе копьё и запасной колчан стрел.

Вёл эту мрачную братию Якон, облачённый в чёрный доспех и серую мантию. Она была небрежно накинута на его широкие плечи и скрывала кольчугу. Рядом с братом ехала Ихора. Для долгого похода она выбрала свой самый незаметный наряд из всех, что нашли слуги, — кожаную куртку, тёплые штаны для верховой езды, высокие сапоги и чёрный платок. Жара, терзавшая центральную Валессию, ушла так же быстро, как и явилась. Погода становилась прохладной, напоминая собравшимся в дорогу воинам о скором приближении осени.

Отряд двигался молча. Улицы Аннабада были не тем местом, где можно было обсуждать детали путешествия, которое верховный жрец Вэсса желал оставить в тайне.

— Думаю, вы и сами понимаете, что это странствие будет опасным, — сказал он своим детям накануне вечером, оставшись с Цавой, Яконом и Ихорой наедине. — Я хочу, чтобы вы нашли этого ребёнка из пророчества. Сделать это нужно быстрее, чем он попадёт в лапы врагов. О наших планах не должен знать никто. Именно поэтому сейчас с вами я говорю без Гезора. Мой тайный советник просил меня оставить этого проклятого зеленоглазого младенца в живых, но я хочу дать другой приказ — когда найдёте его, убейте. Он не должен попасть в руки слугам Бессмертного тирана, он не должен попасть в руки нашему Совету. Не знаю, кому из них я доверяю меньше.

Якон смотрел на Вэссу и не улыбался. Ихора слушала отца и была преисполнена чёрной решительности. Цава слушал верховного жреца, не переставая шевелить губами, вознося молитву Сиггуру.

— Ответственность лежит на вас, дети мои, — продолжил глава рода Белых стягов, положив руки на плечи Ихоры и Якона. — Старший сын и ваш брат Цава остаётся в Аннабаде, чтобы продолжить мою борьбу с предателями. Если со мной что-то случится, то управление семьёй, дворцом и стражей ляжет на его плечи.

Вэсса машинально провёл пальцем по большому золотому медальону на шее.

— Если мои догадки верны, то Алая звезда приведёт вас в северные пустоши. Туда, где когда-то обосновался и был уничтожен чёрный враг. Чтобы наши планы смогли стать явью, я даю вам в служение своих лучших воинов, которые не позволят хазарцам взять над моими детьми верх.

— Отец, оставь в столице и Ихору! — воскликнул Якон. — Она слабая женщина, и тяготы пути могут стать для неё невыносимыми.

Цава понимающе закивал, однако Ихора была категорична.

— Нет, приказ есть приказ, — ответила она. — Я главный хронист империи, мне надлежит рассказать о нашем путешествии потомкам. Плюс ко всему, отец учил меня владеть силами, которые дарует своим последователям сам Сиггур.

Верховный жрец улыбнулся. Он и не сомневался, что дочь поведёт себя именно так.

— Соглашусь, магия нам пригодится, — нехотя протянул Якон.

Вэсса внимательно посмотрел своим наследникам в глаза и после долгого молчания добавил:

— В пустошах вы можете увидеть такое, что окажется за пределами вашего понимания. В тех землях был уничтожен великий враг, но тень, что упала на наш мир из-за его разрушительной силы, никуда не делась. Валессия до сих пор не оправилась после Великой войны. Аннабад ещё стоит, но чем дальше вы будете идти, тем больше земель будет погружаться в хаос, смерть и плен. Не теряйте надежду на возвращение, и Сиггур поможет вам исполнить предназначённое.

Ихора оглянулась назад лишь после того, как их группа поднялась на один из небольших холмиков, через который плелась восточная дорога. Величественный город, словно туша гигантского поверженного зверя, лежал у подножия победителя — горного хребта, уходящего за горизонт. Дымка покрывала скалы, тучи обволакивали вершину самой большой горы.

— Красиво, не правда ли? — Якон по-прежнему двигался рядом с сестрой, отправив вперёд передовой отряд из двух всадников.

— Я не покидала Аннабад уже три года, — задумчиво ответила Ихора. — С того самого момента, как похоронила сына и мужа.

— Я помню тот день, — в голосе брата можно было услышать нотку печали. — Мне жаль, что так всё вышло.

Ихора не ответила. Она пришпорила коня, который тут же набрал скорость, унося главного хрониста Валессии вперёд.

Алая звезда, взошедшая на рассвете, указала им путь на северо-восток, а потом вновь исчезла. Сейчас, когда солнце властвовало на небе, таинственный ориентир был недоступен для людских глаз, однако направление было тем же. Группе Белых стягов нужно было двигаться быстро, чтобы успеть добраться до пограничных провинций к началу осенних дождей. Как раз где-то там должны были закончиться не только относительно тёплые дни, но и хорошие дороги.

Ихора ещё раз прокрутила в голове те знания, которые в неё когда-то вложил придворный учитель: несмотря на былое величие, Валессия была слишком большим государством. Хребет Сиггур, а значит и Аннабад, находился в её центре. За сотни лет существования могущественная страна подчинила все земли до западных и южных берегов. На севере империя граничила с непроходимыми болотами, где в последнее время вспыхивали бунты рабов. На востоке раскинулись Цветные королевства. Когда-то они входили в состав Валессии, но после Великой войны с Гуэ потребовали независимости.

Ослабленная теократия не смогла удержать владения, которые не желали подчиняться жрецам. А у Валессии не было сил, чтобы остановить вольнолюбцев. Впрочем, свобода была дарована не просто так — королевства продолжали сотрудничество и вели торговлю с Аннабадом, готовы были оказать военную поддержку в конфликтах с противниками, пришедшими с востока.

На западе Валессии, вплоть до берегов Великого моря, лежали плодородные земли. Именно там крестьяне выращивали почти всё зерно в стране. Оттуда обозами в Аннабад его доставляли рабы, чтобы прокормить знать, воинов и ремесленников. То, что многие из сель-

ских тружеников сами голодали, мало интересовало жрецов. Взять, например, тот же пир, на котором отравили Вэссу. Зачем он был нужен?

Ихора вздохнула. Поступки отца не должны были её волновать. В конце концов, она никогда не голодала именно потому, что родилась и выросла в Аннабаде. Плохо это или хорошо? Как знать.

Якон вновь оказался рядом. Его лицо было встревожено. Он глядел вдаль, туда, откуда к ним возвращался передовой отряд.

— Что случилось? — громко спросил он у своих воинов-разведчиков, когда те подъехали ближе.

— К нам навстречу движется патруль, — доложил боец. — Они заметили нас и хотят перехватить.

— Ясно, — недовольно проворчал первый меч Валессии, а после обратился к сестре. — Проскочить незаметными у нас не вышло. Дело за тобой, сестра. Этим ребятам не следует знать, что я с тобой, — это вызовет вопросы у Совета. Скажи им, что едешь в сопровождении столь мощной боевой группы по своим делам — для изучения какого-нибудь исторического вопроса.

Ихора лишь недовольно хмыкнула. Врать она не любила.

За следующим поворотом навстречу им выехал патруль — воины отдельной группы Полуночной стражи, которые должны были пристально следить за тем, кто и куда направляется. Вдруг ремесленники или рабы, решившие отправиться в путешествие, не уведомили об этом высшую касту?

Солдат было мало — всего пятеро. Вооружены они были значительно хуже отряда Белых стягов. Однако на груди у каждого сверкала эмблема Сиггура — чёрный треугольник, символ Совета жрецов. Каждый был верхом на коне и держал в руках боевое копьё.

— Добрый день, уважаемые господа, — проскрипел рябой лейтенант, перекрывая дорогу Ихоре. — Кто такие? Куда держите путь? Есть ли разрешение на передвижение?

Ихора, позади которой остановились двадцать шесть всадников, выехала навстречу.

— Я главный хронист Валессии, — громко ответила она, разворачивая документы, подписанные Вэссой. — В сопровождении личной охраны еду в развалины замка Диф, чтобы провести опись утраченных документов.

Врать у неё всегда получалось плохо.

— Моя госпожа, я вас не узнал в этом наряде! — лейтенант, оставаясь в седле, слегка наклонил голову. — До замка Диф три дня пути. И хоть разбойники вам не страшны, но дорога на восток весьма сложна. Будьте осторожны, особенно в развалинах.

— Благодарю за совет, — ответила Ихора, стараясь выглядеть как можно более уверенно.

— Позвольте спросить, — не унимался патрульный. — Как себя чувствует ваш отец? Мы слышали, что член Совета жрецов не встаёт с постели. Неужели в столь тяжёлый для вашего дома час вам необходимо покинуть столицу?

Женщина почувствовала в этом хриплом голосе иронию, и это ей не понравилось.

— На что вы намекаете, офицер? — строго ответила она.

— О, моя госпожа, я не намекаю, — улыбнулся патрульный. — Вы вольны перемещаться по нашему великому государству куда угодно, если на то есть воля Совета. Однако мне кажется, что вы говорите со мной не совсем искренне. Это ваше дело и ваши тайны, но я буду вынужден доложить об этом разговоре капитану, когда вернусь в город.

Ихора кивнула. В конце концов, верительная грамота была при ней. Она подала сигнал своим солдатам и молча поскакала вперёд. Отряд Белых стягов последовал за ней.

Патруль же двинулся в Аннабад, не заметив, как один из воинов главного хрониста покинул группу и вернулся, сжав в руке широкий клинок. Лишь когда топот мощных копыт нагоняющей их в галопе лошади стало невозможно не слышать, патруль развернулся.

Якон, скрывающийся под капюшоном лицо, отсек голову первому противнику и выбил из седла второго. Лейтенант негодуяще зашипел и схватился за щит и копьё. Реакция была запоздалой.

Сражение было пугающе быстрым и похожим на обыкновенное убийство.

Перебив патруль, первый меч Валессии протёр окровавленный клинок. Он не стал дожидаться, когда рядом окажутся новые свидетели их путешествия, пришпорил коня и последовал за своим отрядом, который скрылся за очередным высоким холмом.

Солдат, поражённый клинком в живот, медленно повернулся на бок. Из страшной раны, из которой вывалилась часть внутренних органов, кровь давно перестала течь. Солдат встал на ноги, пошатываясь, хромая и пряча требуху под кожаную куртку. Он снял её с плеч погибшего рябого лейтенанта.

Гнаться за нападавшим, чтобы отомстить за убитых сослуживцев, человек не собирался. Да и зачем это было делать тому, кто находился на грани жизни и смерти? У него сейчас была другая задача, которую нужно было выполнить как можно быстрее, пока звучал мерзкий мистический зов, притягивающий его в столицу.

Звуков солдат не издавал. Однако глаза полуживого стражника говорили сами за себя — они выражали страх, смешанный с притупленной колдовством болью.

На дорогу до Аннабада у восставшего ушло много времени — лошади убитых патрульных не захотели, чтобы пахнувший тьмой воин подходил к ним слишком близко. Из-за этого солдату пришлось возвращаться в город пешком. Длинный путь до столицы, который верхом на гнедой когда-то казался недолгим, ему удалось преодолеть к следующему утру.

Стражники у восточных ворот, как обычно подняв решётку для того, чтобы пустить в город доставляемые грузы из шахт, слегка удивились появлению пешего патрульного. Впрочем, в тот день настроения расспрашивать брата-сослуживца о том, что могло произойти на восточных дорогах, у них не было. Более того, как только раненый человек вошёл в Аннабад, стража и вовсе забыла о нём.

Продолжая хромать, полуживой воин вклинился в толпу ремесленников. Собаки почуяли в нём что-то неладное, однако никак не помешали восставшему добраться до одной из подворотен центрального квартала. Там его поджидала таинственная фигура в чёрном капюшоне.

— Ты умер не напрасно, — молвил незнакомец. — Я почувствовал твою боль и теперь хочу знать, кто тебя убил и почему.

— Белые стяги, — вырвалось из глотки воина, которому наконец-то позволили заговорить.

— Так и думал, — отмахнулся таинственный собеседник. — Кто возглавлял их отряд?

Тело полутрупа зашаталось, теряя последние силы, потраченные на путешествие. Казалось, что возможность вновь обрести голос давалась ему с трудом, но с каким-то невероятным облегчением, словно долгожданная смерть была совсем близко.

— Их отряд вела женщина, — голос воина перешёл на хрип. — Она сказала, что хочет попасть в замок Диф. Мой старшой сразу понял, что она врёт. Лейтенант решил, что об этом стоит знать капитану и Совету жрецов.

— Вашим планам не суждено было сбыться, — резюмировал таинственный человек. — Но не для того я вернул тебя к жизни, чтобы остаться без ответов на мой самый главный вопрос. Ибо женщины не водят за собой солдат.

С этими словами крючковатые руки, спрятанные под длинные рукава, коснулись шлема несчастного. Мужчина застонал и начал терять равновесие. Спустя мгновение тело патрульного стало разлагаться, становясь гнилым месивом. Таинственная фигура одним движением оторвала его голову. Отбросив шлем в сторону, неизвестный выковырял из глазниц мертвеца едва уцелевшие глаза. Длинный язык помог их проглотить.

— Вот так будет гораздо проще, — проговорил незнакомец, облизывая окровавленные пальцы, на которых не было ногтей. — Верховный жрец Вэсса отправил большую группу своих посланников специально для того, чтобы сбить с толку тех, кто умеет видеть на расстоянии. В толпе, действительно, трудно различить конкретные персоны. Но он забыл, что существуют разные техники магического наблюдения, в том числе с помощью съеденных глаз.

Тьма, скопившаяся в углу подворотни, несмотря на солнечное утро, расступилась, и из неё вышел ещё один человек. Всё это время он прятался в тени. Мужчина этот был молод и невысок, а на его поясе висели чернильница, перо и опознавательный медный знак, что носили все писари Валессии.

— Как мы и хотели, — проговорил тот, кто скрывался под личиной Туро. — Верховный жрец отправил свою дочь на поиски ребёнка. Теперь Вэсса целиком и полностью будет сосредоточен на своём заговоре.

— Но мы не учли, что вместе с Ихорой он отправит в путь и Якона, — задумчиво ответила таинственная фигура в капюшоне, пытаясь разобраться в полученных воспоминаниях. — Мечник из него великолепный, если судить по тому, как ловко он всех перебил. Но я опасаясь, что теперь, пытаясь выполнить приказ отца, он может помешать нашим планам.

Глава 6. Меч и телега

Ветер — не ветер. Поле — не поле. Так, пустые луга, заросшие жёстким бурьяном, да слабый сквозняк, гуляющий среди карликовых холмов и кривых иссушенных деревьев.

Небо мокрой тряпкой капало на грязную шапку старого возницы. Он восседал на непомерно большой телеге, запряжённой двумя не менее почтенными мулами. Животные молча делали своё дело, продвигаясь по широкой, но заросшей бурьяном каменной дороге.

— Долго ещё? — долетел тихий женский голос до ушей старика.

— Нет, — вздохнул возница, — небо вот-вот ниспошлёт на нас свои слёзы. Реветь оно собирается громко и долго. Нам придётся где-то остановиться, иначе рискуем увязнуть в грязи.

Застрять на пустынных лугах, где давно не росли полезные для людей ягоды и фрукты, а съедобными были лишь корни белых и красных цветков, — участь незавидная. Чтобы пересечь этот путь, нужно было быть смелым и запасливым. И если первого у старика хватало, то со вторым всё было не так просто.

Из-под грязной тряпки, которая укрывала телегу, раздался настырный плач. Женщина тихой песней попыталась успокоить проснувшегося малыша, но тот, очевидно, решил без боя не сдаваться.

— Мама, братику опять не спится, — грустно сказал высунувшийся из телеги чумазый юноша.

Женщина ничего не ответила. Она просто знала, что её младший сын проголодался. Но если быть до конца честной, то ребёнок не давал ей покоя с тех самых пор, как родился на свет. Со старшим таких проблем никогда не было. Характер что ль у неё другой стал, менее беззаботный? Впрочем, отрицать очевидное было нельзя: после того как женщина родила первенца, прошло четырнадцать лет. И за это время она стала совсем другим человеком.

Малыш родился лишь полгода назад, но сумел вместе с молоком забрать и часть здоровья матери — болела спина, колени, бесконечно ныл живот и, самое главное, где-то на горизонте всё время брезжила неуловимая тень приближающейся старости.

Она дала малышу то, что он хотел, ослабив тряпьё, в которое была завернута её грудь. Мальчик тут же довольно замолчал.

— Это ты правильно сделала, Татья, — пробурчал возница, не поворачиваясь к женщине и её детям. — Эти места гиблые — нам нужно как можно меньше привлекать к себе внимания. А плач мальчика может накликать на нас беду.

— Дядя, спасибо за заботу — скромно ответила женщина.

— Не хочу слышать больше ни одного слова благодарности, — возница сказал, как отрезал. — Помочь сбежать тебе и твоим детям — это был мой долг. Граф Скорпей совсем выжил из ума!

Где-то за горизонтом, словно в подтверждение слов пожилого мужчины, блеснула молния, а спустя долгие мгновения тишины послышались раскаты грома. Непогода для центральных пустошей — дело обычное. Беглецы давно успели в этом убедиться.

— Дядя Ном, — старший сын Татьи обратился к вознице. — Долго мы будем скитаться по этим проклятым землям? Ярр совсем ещё маленький, мама — слабая женщина. Нам очень и очень тяжело.

— Прекрати, Ивен, — голос матери прозвучал устало. — Мы будем в пути столько, сколько нужно. Мы бросили всё ради того, чтобы выжить.

Грозовая туча уходила куда-то на запад. Путникам, мулам и прогнившей телеге повезло — можно было не бояться за здоровье малыша, целостность копыт и колёс — никто и ничто не промокнет. По крайней мере пока.

— Мы будем в пути столько, сколько нужно, — повторил слова племянницы дядя Ном. — Я прослужил графине, матери Скорпея, двадцать зим. Быть конюшим у знати, знаешь ли, почётная работа для любого простолюдина. И с самого начала я видел, каким чудовищем был этот избалованный графский отрок. Мать старалась держать его в узде, но с каждым годом он становился всё ужаснее. Непомерный аппетит и капризная натура сделали его непохожим на обычного человека. Да и вообще на человека. Когда мы узнали, что он попробовал жареную плоть одного из крестьян Для нас это было настоящим шоком.

— Это невысказано, — простонала Татьяна. — Дядя, прекрати пугать Ивена этими разговорами. Не для того мы сбегали от людоеда, чтобы о нём всё время вспоминать!

Мулы протащили повозку через небольшой холмик, открыв путешественникам обзор на почти бесконечное серое поле, устланное пожухлой травой. Где-то справа от дороги, где начинался редкий хвойный лесок, кружили большие хищные птицы. Очевидно, они нашли в том месте что-то съедобное.

— После смерти графини Скорпей совсем ушёл в себя, — продолжил Ном. — Он не выходил из своей башни много дней. А потом потребовал от слуг устроить настоящий людоедский пир. С тех пор раз в семь дней на стол ему подавали человечину.

— Дядя, пожалуйста, хватит! — Татьяна была недовольна тем, что Ивен с интересом слушал родственника-возницу.

— Мальчик вправе знать, почему он терпит все эти невзгоды, — отмахнулся Ном и добавил: — Я уверен, Скорпей уже понял, что мы сбежали, и отправил за нами погоню. Хочется верить, что здесь, на проклятых руинах царства Гуэ, его подлые слуги нас не найдут. Поэтому, да, мальчик мой, мы будем скитаться здесь столько, сколько потребуется для того, чтобы остаться в живых. Нам нужно лишь две вещи — пропитание и крыша над головой. И то и другое, я уверен, мы найдём.

Телега медленно продолжала свой путь. Заросшая травой дорога вела вперёд, куда-то мимо кривых елей, обосновавшихся на опушке леса. Татьяна внимательно огляделась. По доброй воле мало кто из путешественников забредал в здешние места — слишком сильно отпечатались в памяти людей истории о чёрной стране, чьи жители добровольно отдали себя в услужение тьме ради мимолётного могущества. О последствиях и катастрофе, к которой пришлось прибегнуть, чтобы остановить чёрных владык, знали даже самые захудалые крестьяне. Неудивительно, что и ей, беглянке с юго-востока, это также было известно.

С тех пор минуло семьдесят девять зим. Однако жизнь здесь, на развалинах уничтоженного царства, не хотела, не могла возродиться. Словно сама природа была неспособна набрать прежние силы и краски. Многочисленные экспедиции, которые отправляли в пустоши страны-победители примерно раз в десять зим, приходили к выводу, что земли, некогда поражённые злом, всё ещё непригодны для полноценной жизни. Деревья и растения потеряли цвет, вода в реках была полна различных ядов, а животные, рождённые под чёрным небом, страдали от ужасных болезней и уродств.

И тем не менее сказать о том, что в пустошах не селились люди, было бы неправдой. Рабы с запада и крестьяне с востока, преступники с юга и искатели приключений с севера пытались обрести на руинах Гуэ новую судьбу. Получалось, видимо, не у многих — человеческие скелеты то и дело встречались на пути.

— Мама, я хочу поохотиться, — нарушил тишину Ивен. — Вон в тех кустах я заметил зайца. Стрелы у меня есть.

Татьяна посмотрела на дядю, тот кивнул.

— Хорошо, сынок, — вздохнула женщина, поглаживая укрытую в тряпье головку мирно спящего Ярра.

Ном направил мулов вглубь леса, пытаясь укрыть от возможных любопытных глаз временную стоянку. Животные, уставшие от долгого пути, были рады остановиться, чтобы поже-

вать серую и невкусную, но всё же траву. Ивен спрыгнул с телеги, прижимаясь к земле и держа наготове лук, который когда-то ему сделал отец. Парень накинул на голову, увенчанную каштановым чубом, маленькую шапочку и скрылся из виду.

Татья вздохнула:

— Он уже совсем взрослый.

— Ивен перестал быть ребёнком в тот самый день, когда твой муж испустил дух, — хмуро отозвался Ном, привязывая мулов к ближайшему деревцу.

Пожилой мужчина скинул шляпу и присел на траву, почесывая седоватую бороду. Бывший конюший графства Вавил прожил больше пяти десятков зим. Был он человеком неприхотливым и понимающим, хоть и крайне ворчливым.

Татья, держа младшего сына на руках, выбралась из повозки и присела рядом, бережно покачивая малыша.

— Дядя, мне страшно, — честно призналась она. — Мы бредём куда-то уже десять дней. Где Ивен, ты, я и Ярр можем чувствовать себя в безопасности?

Ном поднял голову, чтобы посмотреть на темнеющее небо — солнце почти опустилось за горизонт.

— Дом мы найдём, — ответил старик. — Нужно лишь добраться до северных окраин. Я слышал, там обосновалось много изгоев, вроде нас.

Ивен натянул тетиву и выстрелил. Стрела, украшенная пером белого голубя, метнулась в сторону большого куста и воткнулась рядом с зайцем, искавшим свежий лист травы. Опасная гостья дико перепугала голодного зверька, и он тут же бросился наутек.

Ивен устало вздохнул. Он очень хотел порадовать маму и Нома свежей мясной похлёбкой. Увы, но пока у него ничего не получалось. И дело было не в меткости глаз — с этим у юноши было всё в порядке. Само место, эти проклятые пустоши, поражённые скверной, как-то искажали восприятие. Зоркий взгляд юного лучника постоянно цеплялся за дрожание воздуха, неестественное движение листьев, непонятные тени.

Ивен всё никак не мог к этому привыкнуть.

Юноша быстро добрёл до того места, где воткнулась стрела, подобрал её и вновь огляделся — здесь, среди низких зарослей сухой травы, должны были быть и другие лесные зайцы.

Внезапно Ивен краем глаза заметил, что где-то за его спиной движется исчезающая в наступающем сумраке человекоподобная тень. Он резко обернулся, но никого не увидел. Сын Татья быстро положил стрелу на тетиву и сделал два шага назад. Он знал, что тот мрачный силуэт замер за широким стволом дерева в двадцати шагах. И это юноше ой как не нравилось.

Ивен был смелым, догадливым и не суеверным. Ну-ка, о каких таких лесных чудовищах ему рассказывали в детстве друзья? Вралаи они всё — хотели напугать! Не зря отец говорил: бояться нужно только людей! Ну и зверей, вроде медведя или волка. Так он думал раньше. Однако теперь, столкнувшись с непонятным силуэтом, его тело перестало слушать голос разума. Страх был подкреплён отсутствием должного опыта — ничего подобного паренёк в диких чащах раньше не встречал.

Хрустнула ветка, затем ещё одна. Человекоподобная фигура, словно поняв, что её присутствие перестало быть тайным, медленно вышла из-за укрытия. Каштановые волосы под маленькой шапочкой на голове Ивена зашевелились. Он видел перед собой странное существо. И оно вызвало в нём чувство истинного страха. Это создание было одето в непонятную хламиду, её неестественно длинные руки двумя плетями свисали вдоль широкого туловища, а голова Голов было две. Четыре светящихся, как у дикого зверя, глаза смотрели на юношу голодным огнём.

Ивен натянул тетиву и выстрелил. На этот раз стрела попала в цель — она вошла в левое плечо чудовища. Фигура протяжно застонала и отступила в сумрак, который почти обволок лесистую местность.

— Проклятье, — выдавил из себя юноша и бросился наутек.

Он постоянно оглядывался, чтобы видеть, преследует ли его двухголовая тварь. Паренёк надеялся сделать большую дугу, чтобы увести потенциального врага подальше от того места, где остановилась их большая телега, и не поставить под удар маму и брата. На местности юноша сориентировался быстро — помогли егерские навыки отца, которыми тот успел поделиться с сыном.

Под ногами трещали ветки, а в нос почему-то стала бить едкая трупная вонь, как будто рядом находилось что-то невероятно большое и гниющее. Неужели юноша столкнулся с тем самым проклятием пустошей, о котором его предупреждал дядюшка Ном?

Ивен выскочил на опушку где-то справа от мощёной камнем дороги. Как раз в том месте, над которым всё ещё кружили хищные птицы. Юный лучник с удивлением обнаружил, что пернатые всё ещё ждут, когда их потенциальная добыча перестанет оказывать сопротивление. Впрочем, как оказалось, ждать им пришлось бы ещё долго.

На широкой каменной глыбе, свисавшей над буераком, под которым бежал грязный и вонючий ручеёк, сидел человек. Казалось, его совсем не смущал интерес хищных птиц, кружащих над его головой. Привлекал их человек или тушка зайца, которую тот разделал для того, чтобы пожарить на костре? В общем-то, какая разница. Огня всё равно не было, а человек оставался недвижим. И если зайца падальщики так и не утащили, то это значит

Веки незнакомца разверзлись.

— Ты кто? — на ломаном наречии южан спросил мужчина, ничуть не смутившись неожиданным появлению гостя.

— Я охотник, — настороженно ответил Ивен, озираясь по сторонам. — А ты кто?

Незнакомец обладал необычной внешностью, не заметить которую было невозможно — острыми скулами, узким разрезом глаз. Из-под миндалевидных век на юношу смотрели серые зрачки-бусинки. Чужой, не иначе.

— Охотиться в этих лесах — плохое дело, — проигнорировал вопрос паренька иноземец. — Я сам в этом убедился, когда попытался найти пропитание. Вот, споткнулся и потянул ногу.

Он указал на лодыжку.

— Зайцы тут странные, — настороженно ответил Ивен. — Один привел меня к какому-то чуду-юду. Второго ты поймал, но не ешь

Взгляд мужчины оставался безучастным.

— Это то чудо-юдо, что смотрит на нас из-за вон того дерева? — спокойно спросил чужестранец и тут же добавил: — Надо было стрелять ему в голову, а не в грудь.

Ивен отступил назад и вновь натянул тетиву. Из кустарника действительно выглядывал двухголовый силуэт. Юноша задрожал от страха. Правая голова существа в наступающей тьме вновь блеснула большими глазами. Стрелку показалось, что мрак придавал чудовищу силы.

— Зайцы тут не только странные, но и опасные, — промурлыкал под нос чужестранец и добавил ещё что-то на непонятном Ивену языке.

Юноша решил не спрашивать о значении этих слов и выстрелил, тем более что двухголовый уже вышел вперёд. Ивен выстрелил в фигуру, но промахнулся. Он потянулся за второй стрелой, однако чужеземец отодвинул его в сторону.

— Не трать силы понапрасну, — сказал мужчина.

Он скинул на скалу потёртый дорожный плащ. Такие носят все, кто живёт вольной жизнью, скитаясь по полупустым дорогам. В руках незнакомец держал необычной формы меч — широкий и кривой. Подобного оружия Ивен раньше не видел. В графстве, в котором он родился и из которого бежал, воины в основном пользовались копьями и ножами.

Юный лучник заметил, что чужеземец не хромал. Лодыжку он потянул, обманщик но зачем наврал?

Двухголовая фигура продолжала к ним приближаться. В её облике успело что-то поменяться — длинные руки стали ещё длиннее, а хламида одежд больше походила на шерсть. Четыре глаза по-прежнему смотрели на Ивена. Спустя мгновение двухголовое создание рвануло вперёд, издавая мерзкий стон из обоих ртов. Листья под чёрными ногами зашуршали, а воздух вновь наполнился трупной вонью.

Чужеземец взмахнул мечом и элегантным ударом рубанул по наступающему чудовищу. Меч, опустившийся на чёрную плоть, неестественно взвизгнул и отскочил в сторону. Кадавр застонал и ударил человека наотмашь. Кривые пальцы рассекли воздух — мечник уже был с другой стороны, нанося фигуре в спину ещё два удара. Оружие рассекло незащищённую плоть.

Монстр зашатался и начал терять баланс, заваливаясь на бок. Чужеземец быстро развернулся и одним ударом отсек левую голову. Из чёрного туловища хлынула мутно-зелёная кровь. Та же участь ждала и вторую голову.

Ивен смотрел на молниеносный бой с широко раскрытыми глазами. Он испытывал одновременно два чувства: ужас перед нападавшим и трепет перед своим защитником.

— Если бы не ты, — грустно улыбнулся чужеземец, — это, как ты его назвал, Чудо-Юдо никогда бы до меня не добралось. Смелости нападать на тех, кто сильнее, ему не хватало. Но, завидев добычу, то есть тебя, он не смог остановиться.

— Я что, был приманкой? — выпучил от изумления глаза Ивен.

— Именно, — честно ответил чужеземец. — Иначе и быть не могло. Эта тварь питалась детьми из дальних деревень и, как оказалось, умело пряталась от жаждущих возмездия взрослых. Но теперь, благодаря тебе, я выполнил просьбу селян. И поэтому я отвечаю на твой вопрос — я тоже охотник, как и ты. И зовут меня Ми Фун. А тебя?

Глава 7. Маски и вилы

— Время пришло! — взревел кузнец, схватившись за молот, которым ковал гвозди и подковы для соседней-сельчан долгие годы.

Орудие труда стало орудием убийства в тот момент, когда деревенский мастер опустил молот на голову гонца из графского замка. Черепушка наглого юнца, который даже не успел понять, что случилось, лопнула словно спелый арбуз. Его тело рухнуло, и никто из деревенщин не бросился ему на помощь. Наоборот, люди смотрели на труп гонца, безразлично топорща носы. А ещё крестьяне хватались за ножи и вилы, точили серпы и поднимали над головами тяжёлые дубинки. Причина была проста и понятна каждому из них: пора кончать со своими хозяевами, выходки которых они терпели десятки лет.

Нищета и голод были ни при чём, к ним люди давно привыкли. Другое дело — страх быть съеденным собственным владыкой. Не ровен час, всех перебьёт, чтобы утолить свой безмерный голод.

Графство Вавил было одним из самых больших вольных владений, что лежали к востоку от центральных пустошей. Ничего особенного в этих землях не было: лишь заболоченные земли, полные дурманящих трав, невысокие холмы да мелкие деревушки. Именно здесь мужички и решили взяться за оружие. Шутка ли, граф Скорпей — достойный сын властной матери, державшей свои владения в ежовых рукавицах, оказался людоедом. И ладно бы жрал собственных слуг, присягнувших ему на верность, но нет, крестьянского мяса ему подавай!

Народные волнения подогрели и слухи о том, что слуги графа ринулись в погоню за какими-то беглецами. Их Скорпей пожелал употребить на ужин, но не успел. Люди поговаривали о том, как несчастной женщине и её семье кто-то помог скрыться, как в её дом нагрянули солдаты графа. Потоптались-покрутились, да уехали, несоло нахлебавши. Люди много чего наговорили. Но для замшелых владений, где жизнь любого крестьянина была тяжёлой и скучной, эти слухи были животрепещущими.

К тому же крестьяне быстро смекнули, что без своих солдат, бросившихся в погоню, граф Скорпей в своём замке, расположенном в центре владений, остался относительно беззащитным. А значит, есть шанс свергнуть его и обрести уверенность в завтрашнем дне.

Кузнец, разможивший молотом голову графского гонца, усмехнулся и схватился за пергамент, который тот всё ещё держал в руках.

— Надо бы прочитать, — пробурчал ремесленник, пытаясь разобрать текст письма.

Староста деревни, обученный какой-никакой грамоте, помог предводителю восстания разобрать графские каракули:

— Пишет окаянный, мол, хочет, чтобы ты ему кинжал сделал, — прошамкал староста беззубым ртом.

Кузнец нахмурил брови.

— Если так, то совсем этот проклятый жирдяй с ума выжил. Неужели не ведает, что народ его четвертовать хочет? — прогрохотал он.

К центру деревни подходило всё больше мужиков. Были они не очень молоды, но на лице у каждого застыла решимость, граничащая с мрачной обречённостью.

— Люди добрые! — как можно громче взвизгнул староста, обращаясь к толпе. — Скорпея нашего, богами забытого людоеда, терпеть силы уже нету. Наш кузнец-братушка проучил слугу графа! Пути назад нет — пора собираться в путь-дорогу и наказать злодея!

Толпа вторила словам своего старосты, завопив, словно гиены, что приходят с пустошей по ночам. Впрочем, за этими эмоциональными криками простой люд не сразу понял, что под ногами дрожит земля. А когда это стало понятно даже деревенским собакам, поджавшим хво-

сты, готовиться к прибытию незваных гостей было поздно. Да и не ждали с той стороны никого сельчане — через Кривые горы в графство Вавил давно не ходили караваны.

Отряд иноземных разведчиков прибыл в деревню, когда солнце оказалось в зените небосклона. Всадники, верхом на красных жеребцах, облачённые в серебристые кожаные куртки поверх кольчуг, были мрачны. Воинов было немного — всего лишь разведчики, движимые волей Бессмертного тирана впереди основной армии.

Хазарцами, чьи земли лежали по ту сторону Кривых гор и примыкающей к ним пустыни, частенько пугали здешних детей. В этих бабкиных рассказах имперцам приписывали многие человеческие пороки, в том числе жадность и жестокость. Однако воинов ТалХазара давным-давно никто не видывал, словно тирана до сего дня болота у пустошей не интересовали.

Крестьяне, оцепеневшие от страха, побросали оружие. Лишь кузнец остался стоять с высоко поднятой головой, держа на правом плече свой молот.

— Преклоните колени, скоро к вам придёт ваш новый господин, — на ломаном языке грозно сообщил командир разведотряда.

Всадники опустили копыя, взяв крестьянский сброд в кольцо.

— На колени, — вновь приказал хазарец, и простолюдины не посмели его послушаться.

Небо над деревней медленно, но верно заволочли пришедшие с востока тяжёлые тучи. Спустила какое-то время прибыл и дождь — мелкий, противный и почему-то холодный.

Три человека в железных и расписанных кривыми письменами масках, в сопровождении элитных воинов империи, несмотря на промозглую погоду, вальяжно покинули своё войско. Армия разбила большой лагерь на окраине безымянной деревушки. Всадники двигались медленно, оглядывая захваченные окрестности. А смотрящие из домиков испуганные женщины и дети старались не попадаться на глаза чужакам.

Троица в железных масках выглядела совершенно одинаково — чёрные меховые накидки с капюшонами поверх кольчуги, высокие защищённые металлическими пластинами сапоги, красивое оружие в драгоценных ножнах. Неужели командующие армией?

Сказать, что жители деревни, которые в здешних окраинах графства Вавил не слишком часто видели чужаков, были напуганы, — ничего не сказать. Своего Скорпея-людоеда люди ненавидели, так как знали о его грехах и понимали, на что он способен. Цели хазарцев же были непонятны.

Староста и кузнец стояли поодаль от прочего крестьянского сброда. При приближении троицы в масках главари восстания нервно зашевелились — надменность, с которой двигались всадники, пугала больше, чем копыя и мечи воинов восточного войска.

Всадники остановились. В воздухе повисла мрачная тишина.

— Благодарим соседей за гостеприимство, — заговорил тот, кто был в центре.

Гулкий голос из-под железной маски звучал без акцента, словно его хозяин всю жизнь говорил на местном языке.

— Шпионы доложили мне о том, что вы хотите поквитаться с здешним владыкой, — продолжил говорящий. — И я готов вам в этом помочь. Мы подарим угнетённым возможность совершить вашу месть, однако при одном условии — граф должен ответить на наши вопросы до того, как умрёт.

— С чего нам доверять пришлым? — заворчал староста, желавший в данный момент оказаться в любом другом месте, нежели под вооружённой охраной хазарцев.

Впрочем, его сподвижник был иного мнения.

— Если это так, то я с вами, — кузнец грозно посмотрел на старосту. — Мне нужна месть! Скорпей извёл многих! Он забрал мою невесту и, по слухам, съел! Я хочу увидеть его голову на вилах!

— Я сочувствую твоей утрате, — мягко ответил человек в маске. — И готов помочь свершить отмщение.

— Что я должен делать? — прошептал кузнец, который после того судьбоносного удара молотом по голове посланца графа был готов, кажется, на всё.

Через три дня, не встречая никакого сопротивления, вооружённый отряд из ТалХазара пересек деревянный мост на подступах к замку, в котором обретался граф-людоед. К серебристым колоннам присоединялось всё больше местных крестьян. Конечно, за чужаками шли не все, а лишь самые лихие, решившие поставить на кон всё, что у них было. Причин же у каждого оказалось предостаточно. Имперцы же вели себя достойно, не грабя крестьянские дома, умело играя на эмоциях — потакая общему желанию поквитаться с ненавистным Скорпеем. А большего простому люду, как оказалось, было и не нужно.

Замок Скорпея был похож на большую черепаху: широкий, с не слишком высокими, но толстыми стенами. Взять такую крепость нахрапом было тяжёлой задачей, даже учитывая, что стражников у бойниц замка было не очень много.

Армия хазарцев заняла высоты у восточных стен, побеспокоившись о том, чтобы оказаться в недосягаемости для оперённых снарядов графских стрелков. С холмов, впрочем, было неплохо видно, как меж бойниц шныряют лучники, готовясь к обороне.

Троица в масках вновь двинулась вперёд. На этот раз один из всадников держал в руках знамя восточной империи — серебристый штандарт с белым кругом по центру. Так был подан сигнал людям графа о том, что прибывшие желают устроить переговоры. Однако воины людоеда осыпали приближающихся скудным градом стрел, но ни одна из них так и не попала в цель. В ответ все трое гулко рассмеялись и развернули коней — переговоры завершились, не успев начаться.

— Друзья мои, — заговорил один из троицы, обращаясь к группе крестьян. — Ваш хозяин не захотел выслушать нас. Это значит, что время для вашей мести настало.

Воины империи вынесли вперёд большой дубовый сундук. Под его крышкой хранилось множество бутылков с синей жидкостью. Субстанция при попадании солнечного света на её поверхность заискрилась. Заворожённые этим невероятным зрелищем простолюдины восхищённо смотрели на содержимое сундука.

— Чтобы выполнить часть своей сделки и помочь нам выкурить людоеда, — продолжил говорить человек в маске, — каждый из вас выпьет это и отправится в бой.

— Что это за напиток? — тихо спросил кузнец. — Вино с востока?

— Наши волшебные эликсиры, — ответил один из троицы. — Мы делимся с вами собственными секретами. Примите это как дар.

Пешие воины империи начали раздавать крестьянам бутылки, а бородатые мужики принялись пить угощение. Кто-то это делал нехотя, кто-то с опаской, а кто-то и с наслаждением, так как вкус у эликсиров, пахнувших ягодами, был чудесный.

Войска империи не шевелились. Всадники в масках тоже. Постепенно каждый из тех, кто употребил искрящуюся жидкость, начинал совершать произвольные шаги в сторону замка. Движения крестьян становились дёрганными, а в глазах загорался огонь ярости.

— Время настало и для тебя, — произнёс командир хазарцев, доставая ещё один бутылёк, но на этот раз не с синей, а с чёрной жидкостью.

Он протянул эликсир топтавшемуся на месте кузнецу.

— Пей, — приказал человек в маске, и мужчина повинился.

Опорожнив зелье, он издал звериный рык и побежал.

Предводитель восстания быстро догнал атакующих. Однако с каждым движением ног тело кузнеца менялось. На руках и спине надулись большие шишки-гноиники, глаза вылезли из орбит, а отрастающие с жуткой быстротой волосы путались в порывах ветра. Но чудовище,

в которое превращался могучий мужчина, всего этого не замечало. Оно продолжало бег, а за ним мчались другие крестьяне. Почти все побросали вилы и топоры. Каждый перестал быть похож на самого себя. Дикая звери — не иначе.

Имперцы смотрели на то, как их драгоценные, но временные союзники исполняют свою задачу — дарят победу ТалХазару. Победу в битве, в которой не погибнет ни один истинный воин востока.

Обливающееся гноем чудовище, которое ещё совсем недавно было кузнецом, пронзённое тремя стрелами защитников крепости, издало страшный рев и врезалось в ворота замка. Его тело лопнуло, и ядовитая жидкость, наполнявшая изуродованное хазарской магией тело, вспыхнула всепоглощающим огнём взрыва. Укрепление содрогнулось, и массивные камни, водружённые сотни лет назад на бойницы крепостных укреплений, взлетели в небо. Лошади под троицей людей в масках, испугавшись оглушительного взрыва, встали на дыбы.

Изуродованные волшебными эликсирами крестьяне бросились в зияющую дыру, атакуя людей графа. Это было страшное зрелище, о котором никогда не воспоят баллады.

Лишь после того, как звуки битвы стихли, войска восточной империи двинулись вперёд.

За огромным пропитанным жиром и наплывами свечей деревянным столом сидело нечто, напоминающее свинью — широкий вздёрнутый нос, полуоткрытый рот с гнилыми зубами, рыжие редкие слипшиеся волосы. Это был невероятно толстый, грязный и дурнопахнущий мужчина, чьи многочисленные пороки нашли отражение в каждой детали ужасающего образа.

Кто-то из слуг накинул на своего господина рубаху, чтобы скрыть от чужаков откормленные покрытые бородавками плечи. Светлая ткань быстро начала темнеть — по телу хозяина осаждённого замка не переставали струиться капли вонючего пота.

Бочкообразное тело не шевелилось, однако маленькие чёрные глазки толстяка, давным-давно утонувшие в складках морщинистых век, испуганно бегали из стороны в сторону. Скорпей пытался скрыть страх, но это у него не получалось.

Последние защитники замка людоеда пали под натиском монстров. Впрочем, после свершения мести изменённые магией крестьяне оказались войскам восточной империи не нужны. Силы ярости, подаренные таинственными эликсирами, угасали быстро. Иссохшие и искорёженные тела бунтовщиков валялись по всей территории замка. Им так и не суждено было добраться до главной залы цитадели. Поэтому ломать проход хазарцам пришлось самим.

Каждый удар осадных топоров о дубовую дверь, оббитую железными пластинами, заставлял глаза Скорпея беспомощно бегать. Такие же беспомощные слуги окружили графа, не смея пошевелиться.

Когда преграда пала и в залу ворвались воины ТалХазара, Скорпей издал звук, напоминающий пороссячий визг, и схватился за огромный тесак, лежащий на столе. Но что он мог сделать? Вслед за солдатами, в окутанное мраком помещение вошла троица в железных масках. Они двигались словно призраки, и свечи, освещавшие логово людоеда, задрожали.

— Явились-незапылились, — проворчал Скорпей, поглаживая нож.

Граф понимал, что выпутаться живым из этой истории у него уже не получится. Жаль только, в подвалах осталась недоеденной девушка, которую ему освеживали вечером

— Где ребёнок? — голос предводителя хазарцев, искажённый акцентом и маской, звучал раздражённо.

Скорпей не сразу понял, кто из троицы с ним говорит. И лишь когда один из них вышел вперёд, граф сосредоточил на нём взгляд своих водянистых глаз.

— Кто ты такой, чтобы не приветствовать меня, как подобает? — ответил людоед вопросом на вопрос.

Предводитель молча протянул руку, откинул капюшон и отстегнул ремни, перекинутые друг через друга на затылке. Маска спала, и Скорпей увидел перед собой мужчину с бледным гладковыбритым лицом с кривым ртом.

— Я Гильгадош, — голос хазарца, не искажённый маской, звучал гораздо более звонко и оттого более угрожающе. — Сын Бессмертного правителя империи ТалХазар. И я буду вести себя с тобой так, как ты этого заслуживаешь.

Костяшки на жирных пальцах Скорпея, сжимающие нож, побелели от ярости, но он промолчал.

— У нас был уговор, — после небольшой паузы произнёс Гильгадош, подходя ближе. — Дитя, рождённое под Алой звездой, в обмен на нашу лояльность. Ты должен был дать младенцу окрепнуть, создать для него все условия, чтобы он не умер зимой от холода. Но ты решил поступить иначе. Почему?

— Мать и её дети сбежали. О нашем деле прознал один из моих конюших, и он — захрюкал граф.

— Мы поручили тебе простое дело, — прервал речь графа сын императора. — Но ты решил по-своему. Или ты думаешь, что я не знаю, что людоед на болотах намеревается съесть священного ребёнка?

— Это всё ложь — попытался оправдаться людоед.

Гильгадош нервно дёрнул рукой, вытащив из ножен прямой меч, и, не говоря ни слова, ударил графа по жирному туловищу. Лезвие рассекло шею и намертво застряло в груди Скорпея. Ненавистный правитель захудалых владений на границе пустошей, заливая обеденный стол кровью, тут же испустил дух.

Глава 8. Слуга и звезды

На рассвете чёрные птицы словно сошли с ума. С первыми лучами солнца они начали петь свою страшную, полную отвращения к окружающему миру и безнадеги песню, словно отрывая из кривых клювов мерзкие звуки. В такт этим трелям, где-то на западе, очевидно у одной из многочисленных невысыхающих ядовитых луж, заквакали лягушки. Судя по громкости их песнопений, были эти твари не меньше чёрных птиц, а то и больше.

Татья, которую разбудила вся эта неприятная человеческому уху какофония, выглянула из-под покрывала телеги и с недовольством посмотрела туда, где горел их костёр. У огня сидели её старший сын, дядя и пришлый незнакомец, которого Ивен привёл с собой накануне вечером. Втроём они всё ещё что-то обсуждали.

— Нужно двигаться на север, — услышала она голос Нома. — Там нас уже никто не найдёт.

— Я помогу вам добраться до перевала, — подхватил чужестранец, назвавший себя Ми Фуном.

Татья легла на спину и подняла глаза в ещё пока звёздное небо. Впервые за долгие месяцы она видела его чистым, полным прекрасных белых искр. Они устилали чёрную вуаль, словно камни бесконечную дорогу. И в центре этого небытия, не оттеняя прочие ночные светила, прямо над ними висела Алая звезда.

Впервые женщина заприметила красную точку в то раннее утро, когда на свет родился её Ярр. Тогда она не придавала странному явлению значения, но теперь, спустя долгие месяцы скитаний, она не могла не понять, что этот зловещий предрассветный нарыв всегда висит над её головой. Куда бы они ни бежали, с какой бы стороны ни поднималось солнце, Алая звезда следила за ней. И за Яром.

Татья не хотела в этом признаваться, но каждый раз, просыпаясь, она невольно смотрела на небосклон, ища взглядом Алую звезду, и с облегчением вздыхала, когда небо было закрыто тучами.

— Мама, почему не спишь? — Ивен стоял рядом. — Ярр с тебя пример не берёт, вон как сладко сопит.

— Я не доверяю этому чужаку, вот и не спится, — тихо ответила женщина. — Зачем ты привёл его к нам?

— Он спас мне жизнь, — спокойно ответил юноша.

Татья промолчала. Сейчас цель её существования лежала рядом с ней — маленький мальчик, которого зачем-то хотел съесть граф-людоед. Желания и устремления Ивена уже давно были не в пределах её досягаемости. Сейчас мать могла лишь одобрить или осудить поступки старшего сына.

— Знаешь, твой отец всегда доверял людям, — наконец произнесла Татьяна. — А они предали и убили его. Ты ведь помнишь, как это произошло? Те добрые господа, что называли его своим другом, они вместе пахали поля, сеяли рожь, пасли овец. А потом они взяли за топоры. И за что? За то, что он оказался не таким, как все.

Ивен молчал. Ему нечего было сказать, потому что мать была права.

— Тогда нас и приютил мой дядя, дал крышу над головой, а графиня отнеслась к нашему появлению очень хорошо. Все эти ужасы начались лишь после её смерти. И вот мы тут, одни на целом свете. И можем доверять лишь друг другу, — тихо закончила женщина, отворачиваясь к младенцу, чтобы поцеловать его тёплый лоб.

За горизонтом медленно становилось светлее. Солнце ещё не выглянуло, но небо уже окрасилось в светло-голубые краски. Страшные чёрные птицы и невидимые беглецам лягушки с невысыхающих луж больше не издавали ни звука. А над головой тускнела Алая звезда.

Ми Фун считал себя человеком слова. Если он пообещал жителям деревни убить чудовище из пустошей — он своё обещание выполнил. Однако, чтобы доказать это, ему следовало вернуться к заказчикам. В доказательство сделанного дела ещё накануне он отсёк одну из голов монстра и, забросив в серый мешок, повесил у седла своего пегого коня.

Сейчас этот мешок болтался рядом с телегой, в которой искала новую жизнь странная семья, повстречавшаяся ему в пути. В том, что она странная, ягонец не сомневался — мать и двое детей с каким-то мужчиной, два мула, большая телега и желание забрести куда-то вглубь давным-давно уничтоженной страны.

Однако Ми Фун обещал Ивену помочь и также не собирался нарушать слово. Тем более что это путешествие всё равно должно было их привести в ту самую деревушку на границе пустошей. Там же и располагался древний мост, через который можно было уйти на север. Правда, зачем Ном тащит племянницу и её детей именно туда? На этот вопрос у наёмника пока не было ответов. А любопытством он не отличался. По крайней мере, он так про себя думал.

— Я уверен, что в той деревушке вы сможете пополнить запасы, — сказал он Татье.

Она, как всегда, держала на руках младенца и смотрела вдаль.

— Не думаю, что мы можем доверять чужакам, — многозначительно ответил за женщину её дядя.

Ми Фун пожал плечами. Он поднял голову вверх, заметив чёрную стаю птиц, пробирающуюся сквозь низкие серые облака. Плохой знак. Не исключено, что этих пугающих обычного путника тварей спугнул кто-то ещё. И сделать это кроме всадников, пожалуй, было некому. Не слишком пустое место для пустошей.

— За вами кто-то гонится? — спросил ягонец Ивена.

— С чего ты взял? — перехватил разговор Ном, сердито зыркнув в сторону наёмника.

— Я спросил моего нового друга, — вежливо ответил Ми Фун. — И думал, что он знает ответ на этот вопрос. А спрашиваю я потому, что мне бы не хотелось лишней раз обнажать меч.

Маленький Ярр неожиданно заплакал. Зачем и почему сейчас, наёмника не интересовало. Он всегда сторонился малышей, опасаясь нанести им вред. Татъя принялась нежно успокаивать сына, а её старший отпрыск нервно схватился за лук. Ном хлестнул мулов вожжами, и те немного ускорили ход.

Ми Фун также заставил своего коня двигаться быстрее. В этот момент в его сознании всплыли отчётливые воспоминания о том, как он был вынужден позорно бежать из родного дома: туманный берег, люди в красных халатах, стоящие у причала с луками и стрелами наготове. И он, сидевший в лодке. Чувства были точно такими же, как сейчас. Если бы он перестал грести, если бы волны развернули ветхую посудину, если бы он решил воспротивиться решению клана, — его настигали бы стрелами собственные родичи. И всё потому, что они отказались от него. Но жажда жизни переборола скорбь, и он грёб вёслами прочь от родного острова, тайно мечтая вернуться назад. Но за столько лет, что наёмник бродит по большой земле, он так и не нашёл способа это сделать.

Пелену воспоминаний пронзил свист падающих стрел. Ягонец не сразу понял, что произошло это не в тьме его воспоминаний, а наяву. Лишь взгляд на чёрное оперение, венчающее острые снаряды, вернул его сознание в реальность. У ягонцев стрелы были другими — из красного дерева.

— Проклятье, — разразился бранью Ном, оглядываясь назад.

Ми Фун развернул коня — к беглецам приближались всадники на низких лошадях, вооружённые кривыми луками. От резкого движения отрубленная голова чудовища выпала из мешка. Ягонец раздосадованно свистнул и обнажил длинный меч. Его клинок блеснул кривыми жёлтыми рунами.

— Кажется, я перестану быть у вас в долгу быстрее, чем рассчитывал, — рассмеялся наёмник.

Луа-Луа-Дан, вольный выходец и душегуб из окраин Белых степей, верил лишь в три вещи: в смертоносную силу своего лука, выносливость своего коня Мо и в могущество своего повелителя Жуо-Гуна по кличке Чёрный барс. Именно он, кстати, и собирался перехватить странную группу людей, которые пытались пересечь уничтоженную страну Гуэ с юга на север. Зачем они сдались вождю кочевников Жуо-Гуну, Луа-Луа-Дан знать не желал. Ему хватало того, что рядом с ним летели птицы, скованные заклятием Чёрного барса, через которых тот видел всё.

Слугу шамана эти способности пугали больше, чем стаи диких собак, чем медведи, выходящие каждую весну на границу степей и вечных лесов. Кочевник знал, что глазами диких животных Жуо-Гун также умел смотреть, от чего их очи получали даже при дневном свете красный блеск.

Да, несмотря на страх перед способностями шамана, пуститься в погоню бандит решил сам, послушавшись приказа господина. Однако он верил, что заслужит благословение и достойную награду, когда схватит тех, кто нужен Жуо-Гуну.

Сейчас, когда шаман управлял одним из своих красноглазых коршунов, невольно ведя степняков по следам повозки, Луа-Луа-Дан ещё раз вознёс ему хвалы — схватив беглецов, он наконец-то сможет вернуться в родные земли, увидеть трёх любимых жен, обнять детей.

Дела складывались как нельзя лучше: накануне люди Жуо-Гуна перехватили отряд конников. Под пытками они рассказали, что уже несколько дней ищут беглецов по приказу некоего графа Скорпея. Но кто он такой и почему ему тоже нужны скитальцы, которых ищут кочевники, выяснить не удалось. Шаман же был скрытен больше обычного. Он приказал казнить попавших в его руку конников и погрузился в мир, через который следил за всем вокруг. Этим Луа-Луа-Дан и решил воспользоваться, прихватив сторонников.

Сейчас, когда их цель была как никогда близка, командир отряда жестом приказал достать луки и стрелы. Он показал ещё один знак, обратив внимание степняков на то, что убивать можно лишь воина, сопровождающего повозку. Именно об этом шептал Чёрный барс, пребывая в состоянии мистического транса.

Кочевники, приблизившись к повозке, сделали первый залп. Однако стрелы, обычно разившие врага наповал, все до одной упали мимо. Удивлённый этим фактом Луа-Луа-Дан издал звук, похожий на заячий визг, и вновь натянул тетиву. Его спутники сделали то же самое. К этому моменту странный воин отстал от телеги, развернул лошадь и обнажил меч. Мистические руны, украшающие его клинок, яростно блеснули.

Красноглазый ястреб спикировал на защитника повозки, пытаясь клюнуть того в глаз. Слуга шамана, почувствовав поддержку господина, выхватил кривую саблю и устремился вперёд. Члены его бандитского отряда не отставали.

Спустя мгновение таинственный воин разрубил птицу пополам и дал степнякам неравный бой. Они атаковали его с разных сторон, пытаясь ранить в ногу или в спину. Однако этого не удавалось сделать, так как противник был невероятно быстр и крутился как змея на углях. Удар, ещё удар — и два низкорослых коня остались без седоков; их мёртвые тела рухнули на сухую дорогу.

Луа-Луа-Дан развернул коня и бросился наутек. За ним последовали и другие кочевники — это был хитрый и весьма опасный для жизни врага ход. Манёвр был нужен для одного: выпустить в воодушевлённого отступлением противника как можно больше стрел.

Группа степняков рассыпалась в разные стороны, каждый из воинов потянулся за луком и стрелами. Однако применить боевую хитрость никто из них так и не успел: первого поразила чужая стрела. Когда его умирающее тело потянуло за собой узды, кочевой конь заржал от

боли. Луа-Луа-Дан не сразу понял, в чём дело, а когда понял, что кто-то пришёл на помощь защитнику повозки, рассвирепел.

Вот ещё одна стрела пронзила второго степняка. И осталось их лишь двое. Командир нападавших не умел считать, но понял, что отступать пора по-настоящему. Тем более что таинственный боец с рунным клинком уже догнал одного из них и зарубил мощным ударом. Луа-Луа-Дан поднял голову к небу — в нём по-прежнему кружили птицы, но среди них более не было той, чей взор принадлежал бы его господину.

Командир обернулся, заметив место, где схоронился лучник, — это был какой-то юнец. Возможно, тот же парнишка, что ехал со стариком и женщиной в телеге. Проклиная его, воина-мечника и всех демонов пустошей, Луа-Луа-Дан натянул тетиву и пустил стрелу в юношу, выглядывающего из-за пригорка. Снаряд ушёл далеко в сторону, подхваченный ветром.

К этому времени командир растерял всех своих сторонников — они были убиты воином-защитником и его молодым помощником. Луа-Луа-Дан, что есть силы, хлестнул коня, и тот позорно унёс кочевника прочь.

Ми Фун пребывал в плохом расположении духа: битва с дикарями пошла совсем не так, как он на это рассчитывал. Отбив нападение, наёмник исполнил бы клятву, данную Ивену на опушке леса. Однако теперь, когда нападавшие едва не сделали из него ежа, ситуация развернулась в обратную сторону. Если бы не юноша — был бы он сейчас мёртв. А это значит, что ягонец не только не исполнил данный обет, но оказался у молодого знакомого в повторном долгу. И этот долг был куда больше, нежели помощь в убийстве монстра — долг жизни и смерти.

— Меткий у тебя глаз, — сказал чужеземец юноше.

— Спасибо, — коротко ответил Ивен сдавленным голосом.

Очевидно, что молодой лучник чувствовал себя не в своей тарелке — убивать, пусть и врагов, но таких же людей, как он, пришлось юноше в первый раз. И мысли о том, правильно ли он поступил, теперь терзали его.

Ми Фун и Ивен осмотрели убитых. Юноша, испытывая отвращение, набил колчан несколькими десятками стрел степняков. Они, конечно, слегка отличались от его снарядов — были немного толще и имели зазубренные наконечники и чёрное оперение, но на это сын Татьи был готов закрыть глаза. Он старался не заглядывать в лица убитых, прикрывал нос, чтобы не вдыхать смрад, исходящий от немых дикарей.

— Зачем ты пошёл за мной? — спросил Ми Фун. — Тебя могли убить.

— Если бы убили тебя, — тихо ответил Ивен, — то нас бы точно догнали и наверняка зарубили.

— Или того похуже, — добавил наёмник, нахмурив брови, и пнул один из трупов. — Это от них вы бежите на север?

— Нет, — сказал юноша. — Этих разбойников я не знаю.

Они поймали коней поверженных воинов, связали их вместе и отправились в путь, сев на скакуна Ми Фуна. На дороге наёмник попытался найти выпавшую из мешка голову чудовища, но так и не смог её обнаружить. Из-за этого иноземец оказался в ещё более плохом настроении, но никаких претензий Ивену не высказал.

За двумя пригорками они смогли догнать Татью, Ярра и Нома. Мать, увидев старшего сына, разрыдалась от счастья. Оказалось, что один из мулов, попытавшись бежать быстрее, подвернул и сломал передние ноги. Животное ревели и пыталось подняться, но всё было безуспешно.

— Лошади наших врагов нам пригодятся больше, чем эти мулы, — задумчиво молвил наёмник. — Предлагаю оставить их тут, пусть вас несут вперёд скакуны.

Так и решили. Хоть Татье и было жалко животных, которые помогли им сбежать, однако предаваться грусти, по мнению Ми Фуна, было себе дороже — один из нападавших скрылся, а значит, мог вернуться с подмогой. Ном, зная повадки лошадей, попытался их успокоить. Скакуны, несмотря на искусство старого конюшего, были не в восторге и постоянно брыкались, с завистью поглядывая на пегого собрата, на котором восседал Ми Фун.

— Деревушка, где мы сможем найти приют на ночлег, совсем близко, — сказал наёмник, когда они вновь тронулись в путь. — Дальше живые земли будут лишь отдаляться, а значит, станет только сложнее. Я отведу вас туда, куда вам нужно.

— Вы не оставите нас в деревне? — удивилась Татя, ставшая смотреть на чужеземца чуть теплее.

— К сожалению, нет, — ответил Ми Фун.

— Я хотел спросить тебя об этом мече, — спустя какое-то время обратился к наёмнику Ивен. — Он великолепен! А эти надписи, которые сверкают каждый раз, когда ты достаёшь его из ножен. Что это за оружие?

Ми Фун ответил не сразу.

— Этот клинок — наследие моего народа. Единственная моя связь с утраченной родиной.

— Ты ягонец, верно, — уточнил Ном. — Слышал я, как ты говоришь, о своей родине. Южные острова, где живут таинственные кузнецы. Они не пускают в свои владения никого, но и сами редко приплывают к нам. Жестокие отшельники, скрывающие секретыковки идеального оружия.

Ивен с восхищением посмотрел на Ми Фуна. Но тот никак не прокомментировал реплику возницы.

— Дядя, бросьте. Свои секреты есть у всех, — сделала за него это Татя.

Глава 9. Огонь и скиталец

Кап-кап. Тук-тук. Неуверенный в своих силах дождь скромно постучал в единственное витражное окно замка, словно боялся, что обитающий в серых стенах огонь в ярости выскочит на волю и прогонит его мать, мрачную мокрую тучу. Мощное пламя, полыхающее в большом мощёном камине, действительно плясало в энергичном танце, но ему не было дела до какого-то там дождя. Оно жило своей укрощённой человеком жизнью, теща мечты о том, что рано или поздно сожжёт каменную тюрьму, что держит его взаперти.

Огонь в камине был единственным источником света в большой и холодной зале, служившей первой и последней тёплой комнатой в графском замке. Воины империи ТалХазар накомили пламя дровами основательно — чтобы повелитель Гильгадош, а также его телохранители, не испытывали неудобств.

Сын Бессмертного владыки занял большое и удобное, но довольно старое кресло, в котором когда-то любила отдыхать графиня. Сейчас, когда её отпрыск-людоед был мёртв, а владения Вавил были полностью захвачены хазарцами, Гильгадош имел полное право сидеть там, где ему вздумается.

Он снял с себя походные облачения и доспехи, бросил железную маску на стол и вытянул ноги — долгие месяцы командир имперской армии не испытывал такого удовольствия. Подле него стоял один из телохранителей. В отличие от Гильгадоша, он маску не снимал. Такова была тактическая уловка — не дать возможности противнику найти лидера среди воинов в точно таких же доспехах. Третий человек в железной маске стоял на террасе, вглядываясь вдаль.

— Повелитель, — молвил телохранитель, стоявший по правую руку от Гильгадоша, нарушая молчание. — Захватив замок, мы так и не смогли приблизиться к задаче, которую поставил перед нами наш отец. Небеса закрыты тучами, и мы не знаем, где сейчас Алая звезда. Ребёнок исчез, и куда унесла его мать, неизвестно.

— Всё верно, Даршон, — протянул кривым ртом Гильгадош. — Мой отец будет в ярости, узнав, что мы теряем время здесь, в этом вонючем месте. С другой стороны, мы покарали предателя, решившего ослушаться приказа и завладеть силой, которую никогда не смог бы обуздать.

Принц посмотрел на огонь, нервно дёргающийся в камине. Тот продолжал свой нервный танец, повинуюсь дуновениям ветра, который набирал силу и бил в северную стену замка.

— Полностью доверять союзникам — дело неблагодарное, — продолжил рассуждать командир хазарцев, словно говоря сам с собой. — Они могут быть полезны, но у них всегда есть свои цели и планы. Как, например, у Чёрного барса.

— Как и у нашего владыки, — ответил Даршон. — Когда мы стояли подле Бессмертного, слушали его святые слова, я знал, что свершить предначертанное будет непросто. Но может ли быть иначе, когда нашими руками вершится история?

Гильгадош перевёл холодный взгляд на собеседника.

— Мой отец считает, что ребёнок, отмеченный Алой звездой, должен быть доставлен в империю целым и невредимым. И с его головы не должен упасть ни один волос. Он не должен умереть с голоду, не должен заболеть. Именно поэтому мы везём с собой два обоза кормилиц, ведём за собой такое количество воинов. Но наши противники тоже не дремлют. Я уверен, что мы не единственные, кто ищет этого проклятого младенца — сон о его прибытии в этот мир увидели все. В том числе и на западе.

— Валессия ослаблена, мой господин, — поклонился Даршон. — Я читал отчеты наших шпионов

В массивные двери зала постучали. Спустя мгновение в помещение вошёл один из капитанов армии, доложив обстановку.

— У меня есть для вас новый приказ, — сказал Гильгадош, не поворачиваясь к вошедшему. — Нам необходимы новые слуги. Крестьяне, которые помогли нам взять это укрепление без собственных потерь, сделали неоценимую работу для сохранения жизней наших солдат.

— Сделаем всё, что прикажете, — стукнул кулаком в грудь капитан.

— Доставьте в замок всех, кто умеет ворожить, колдовать и предсказывать. Отправьте на их поиски отряды. Даю вам два дня. Больше прозябать в этом проклятом захолустье мы не можем.

Когда солдат вышел, Даршон вновь устремил взгляд в окно.

— Не приходила ли вам мысль, мой господин, что небо не даёт нам увидеть Алую звезду по чьей-то чужой воле? — спросил он принца.

— Вполне может быть. И есть у меня предположение, что это не валессийцы, — ответил через какое-то время Гильгадош. — Кто-то ещё идёт по следу.

Группа всадников, прочёсывающих местность в поисках людей, которые хоть что-то смыслят в тайных науках, двигалась быстро. Солдаты восточной империи знали цену приказа своего повелителя, и она была высока. При этом плата была до смешного проста и понятна: на чашах весов всегда лежали лишь два противовеса — жизнь и смерть. И ладно бы, если результат исполнения приказа в ТалХазаре влиял на судьбу одного конкретного человека, выполнившего или провалившего задание. Бессмертный правитель империи решил, что поступки воинов сказываются и на их соратниках — братьях по оружию, а также членах семьи. Такой подход за сотни лет позволил создать могущественное государство, способное решать самые сложные задачи.

Пока одни солдаты рыскали в южных рощах в поисках немых ведьм, а их сослуживцы допрашивали знахарок, умеющих гадать по куриным гузкам, третий отряд патрулировал дороги. Сделано это было с одной целью: помешать тем, кто испугается первых и вторых, и незаметно покинет графство Вавил.

Поэтому, когда хазарцы заметили идущего на запад оборванца, они тут же прищипорили лошадей. И хотя мужчина с посохом мог быть кем угодно, его следовало задержать. Впрочем, одиноко идущий путешественник не оказал воинам какого-либо сопротивления — не попытался сбежать или укрыться, применить чары или обнажить меч. Он даже посох не перехватил двумя руками, чтобы дать отпор надвигающейся угрозе.

— Кто такой? — с акцентом спросил один из всадников, ткнув копьём в рванье, что висело на плечах путника.

— Никто, — испуганно ответил оборванец. — Я тень, пустое место

Второй воин достал из мешка, что висел под застёжкой, маленький флакон и посмотрел на содержимое. Бесцветная жидкость, что хранилась в бутылке, сейчас светилась мистическим пурпурным блеском.

— Наш повелитель созывает в замок всех, кто владеет магическими искусствами, — заявил воин, продолжая угрожать путешественнику копьём. — Ты колдун, маг, чародей? Не лги нам, сила эликсира уже дала нам ответ!

— Я пророк по имени Щепка, — скромно ответил мужчина. — У меня много дел. Я спешу и вынужден отказаться от приглашения вашего господина.

Солдаты считали иначе: удар древком по заросшей седыми волосами голове был красноречивее любых уговоров.

Погода все эти дни была одинаковой: тучи и дожди вечером и утром, пасмурный день и ясный вечер, дарующий надежду увидеть на заре Аую звезду. Из-за этого люди Гильгадоша, да и он сам, были вынуждены плохо спать, подскакивая на рассвете с кровати, чтобы изучить небосклон. Но всё было тщетно — тучи издевательски успевали вернуться.

За отведённые принцем дни войны восточной империи приволокли в темницы графского замка множество тех, кто если и не был колдуном, то хотя бы стоял с ним однажды рядом. Что он делал в тот момент — подавал воду или магическую книгу, мыл колдуну ноги или собирал землю с проклятых могил чернокнижников — солдатам было совершенно неважно. Поэтому сейчас за ржавыми решётками просили пощады, воды и хлеба худые, как смерть, старики, хромые и косые бабки, рыжие девки да прыщавые юродивые юнцы.

— Я найду на всех вас ужасную смерть! — визжала немолодая женщина, схватившись руками за прутья, торчащие, словно зубы чудовища, в окне темницы. — Вы, проклятые хазарцы, будете тлеть в земле за то, что сделали с нами!

Однако стражники, патрулирующие подземные коридоры, не обращали на вопли сумасшедшей никакого внимания. Не исключено, что большинству из них помогало в этом отсутствие знаний языка жителей центральных земель. Светлокожие воины, прячущие тёмные локоны под кольчужными капюшонами, бродили туда-сюда, периодически постукивая копьями по клеткам, да переговариваясь на своём гортанном восточном наречии.

Даршон, правая рука принца, вошёл в эти закопчённые факельным огнём казематы лишь утром третьего дня. Вместе с ним по каменной лестнице спустились три десятка воинов с обнажёнными клинками. Шум солдатских сапог заставил пойманных проснуться, вновь испуганно шептать или сыпать проклятиями.

Пророк Щепка, которого привезли сюда накануне вечером без сознания, пришёл в себя за несколько часов до прибытия офицера в железной маске. Сейчас, когда мрачная фигура прошагала мимо его клетки, пророк испытал новое для себя чувство — глубинный ужас. Не тот страх за свою ничтожную жизнь, что терзал его с рождения. Провидец ощутил, что именно этот человек может лишить его возможности исполнить своё предназначение. А единственная цель Щепки после того злополучного сна, который он увидел более года назад, — найти и приклонить колена перед новым повелителем мира. Когда он это сделает, то высшая сущность, заключённая в теле ребёнка, сможет решить все его проблемы — сделать королём, подарить тысячу жён и даже сделать его жизнь неестественно долгой.

В иные минуты прозрения пророк понимал, что все эти желания были низменными, чуждыми его истинной цели, однако ничего с этим поделать, увы, не мог. Поэтому брёл на север, повинувшись своим странным снам, пока и не был пойман хазарцами.

То, что воины империи также хотели найти его бога, Щепка не сомневался. Однажды он увидел сон о существе с востока, нашедшем покой в огромном бассейне с кипящей чёрной водой. Вальяжно развалившаяся тварь была ужасна. Она хотела вновь обрести человеческую форму, утраченную давным-давно по воле чудовищного бога. В видении Щепка также заприметил три железные маски, лежавшие у бассейна. И две из них были окроплены кровью.

Дурной сон. Щепка не хотел бы увидеть его снова. Равно как и молодого паренька без волос, который сейчас сидел в камере вместе с ним. Лысый юноша странно улыбался, поглядывая то на пророка, то на стражу. Его глаза не моргали, а рот был слегка полуоткрыт, как у ящерицы перед атакой на жертву. Неприятный тип.

— Думаю, нам удалось собрать достаточно людей. Всех на выход! — скомандовал Даршон.

Солдаты ТалХазара начали отпирать клетки. Скорому освобождению, если, конечно, это было освобождением, удивились почти все пойманные. Разве что сумасшедшая, угрожавшая захватчикам, отчего-то поумерила пыл, забившись в один из самых тёмных углов своей темницы, в надежде, что её там не заметят. Точно так же поступил и Щепка, предчувствуя скорую беду. Он не понимал почему, но ощущал: сейчас самое безопасное место в замке — именно эти подземелья.

Впрочем, обхитрить прекрасно вымуштрованных хазарцев было не так-то просто. Из клеток выволакивали всех. Безумная тётка, когда её потянули за кудрявые рыжие волосы, вновь

принялась вопить проклятия. Удар кулаком под рёбра заставил её замолчать, судорожно хватая сырой воздух темницы. Солдаты — что с них взять.

Пророк понимал, что сейчас каждый из них может надеяться лишь на милость предводителя имперцев. И что бы тот ни задумал, чего бы у них ни попросил, всё это будто связано с их чёрными планами и, скорее всего, с чьей-то смертью.

Их всех вытащили на замковую площадь. Именно сюда три дня назад через брешь в стене ворвались изменённые и жаждущие мести крестьяне. Обрушенная взрывом каменная кладка была наспех перекрыта какими-то брёвнами, рядом с ней, равно как и у других входов и выходов с площади, стояла многочисленная стража.

На небольшом балконе, возвышаясь над всеми, стояла троица в железных масках — тот, что приказал вывести схваченных на площадь, успел вернуться к своим. Скрывающие свои лица люди были совершенно неотличимы друг от друга. Щепка попытался понять, кто из них истинный предводитель хазарцев. Самый очевидный вариант — фигура по центру, скорее всего, не была главой, иначе тогда каков смысл прятаться среди двух других? Значит, тем самым принцем Гильгадошем, о котором шептались в казематах, мог быть человек слева или справа. Но кто?

Пророк украдкой осмотрелся по сторонам. Всего хазарцам удалось захватить около трёх десятков несчастных. Многовато колдунов для замшелых владений у гиблых земель.

— Мы хотим, чтобы вы помогли исполнить волю Бессмертного императора, — голос одной из фигур в масках прозвучал неестественно громко, заставив часть незадачливых пленников закрыть уши. — ТалХазар ищет обладателя силы, в котором скрыта божественная мощь. Это не один из вас, но те, кто владеет тайными искусствами, понимают, о ком или о чём мы говорим.

Толпа загудела. Сумасшедшая женщина вновь обсыпала окружающих проклятиями, однако недостаточно громко, чтобы привлечь внимание людей в масках. Рядом с ней кто-то заплакал, ещё двое засмеялись.

— Всё, что нам нужно, — продолжил вещать один из троицы, — чтобы вы указали нам кратчайший путь до обладателя силы. Для этого также можно рассеять чары, закрывающие небосвод. Как только вы это сделаете, мы покинем эти земли. Нам не нужны ваши заросшие сорняками поля, чёрные болота и вечные дожди.

— Откуда нам знать, что вы нас не обманете? — спросила хазарцев горбоносая старуха, опирающаяся на клюку. — Я знаю, как вы поступили с теми, кто решил помочь вам взять этот замок. Ваши проклятые зелья из ваших проклятых источников, что вы добываете на своём проклятом острове, что зовёте столицей, — истинное зло.

— Если вы откажетесь нам помогать — вас ждёт смерть, — ответил один из тех, кто прятался под железной маской. — А может быть, и что-то похуже.

Рыжая косматая женщина, о существовании которой Щепка успел позабыть, вновь стала что-то шептать. В этот момент пророк почувствовал нестерпимое желание отойти от неё подальше. Это он и начал делать, медленно отодвигаясь к дальнему краю стены.

— Вы будете гореть за то, что сделали с нами! — наконец вырвалось из гортани ведьмы.

Рыжеволосая бестия повторяла фразу, что впервые прозвучала ещё несколько часов назад в казематах, всё чаще. Её тело задрожало. Солдаты империи обнажили мечи и бросились к ней.

— Смерть врагам! — тон её голоса становился всё выше и выше, из её глаз, носа и рта потекла кровь.

Тело ведьмы вспыхнуло зелёным огнём, который быстро перекинулся на тех, кто стоял рядом. В толпе началась паника. Подоспевшие солдаты также вспыхнули, как сухая трава. Именно так полыхает степь, когда кто-то бросает в весенний бурьян факел.

Щепка прижался к холодной стене, ведомый своим предчувствием. Фигуры в масках быстро скрылись во дворце, а солдаты империи ринулись к деревянным перекрытиям, чтобы не дать испуганной горящей толпе прорваться сквозь свежие укрепления. Воины опустили копья, ошестинившись словно ежи. Однако им это не помогло. Огонь, паника и смерть охватили и их.

Пророк, пребывая в ужасе от увиденного, медленно подбирался к противоположной стороне, взывая в мыслях к младенцу-богу, которого обрёл для себя. Он просил лишь об одном — остаться в живых. Щепка чувствовал, предвидел, понимал, что каждый неверный шаг приведёт его к гибели.

Он накинул на голову тряпки, чтобы не дышать дымом, который уже успел заполнить дворцовые стены. Пользуясь плохой видимостью, Щепке удалось проскочить мимо хазарцев, охраняющих восточную стену замка, взобраться на зубцы и скатиться по крутому каменному склону.

Падение получилось неприятным — боль в боку и жар оборванной при трении о камень спины сковали пророка. Впрочем, он быстро понял, что его кости целы, а значит, можно продолжать бегство. Немолодой мужчина быстро встал и, хромя на правую ногу, бросился наутек. За его спиной зелёным магическим пламенем полыхал графский замок.

Запертый в камине огонь, наверное, был этим зрелищем крайне доволен, ибо его мечта наконец-то сбылась.

Глава 10. Принцесса и замок

Время шло быстро, сменяя ночь на день и обратно. Это было странное путешествие, полное утомительных снов, капризов погоды и незримого чужого присутствия. Может быть, Ихоре нужно было меньше смотреть на Алую звезду? Ответ на этот вопрос она не знала.

Количество беженцев и беглых крестьян, искавших спасения на западе, становилось всё больше. Одни рассказывали о болезнях, другие о войнах, третьи о чудовищных монстрах и монструозных чудесах. И что только не придумает суеверный люд, который обуял страх... На границе Валессии и Цветных королевств игнорировать эти рассказы уже было нельзя — скитальцы и кострища обездоленных людей встречались то тут, то там. Из-за этого Ихоре, Якону и их отряду с каждым днём приходилось двигаться на восток всё медленнее.

— Всего месяц в пути, — словно сама себе сказала главный хронист империи, меланхолично поглядывая на то, как её скакун пьёт воду у ручья. — А кажется, что прошла целая жизнь.

— Потому что мир за пределами Аннабада не такой, каким тебе казался, — усмехнулся Якон. — В уютном доме жизнь тянется медленно и размеренно. Особенно когда у тебя всё есть. Но это обман. Я это понял ещё в свой самый первый поход.

— Отчасти ты прав, — вздохнула Ихора. — Но голод, холод, страх и смерть — этого всего хватало и в столице. Однако за каменными стенами всё гораздо хуже. Мы пересекли уже с десяток поселений, и нигде я не видела весёлых людей. Все свои вечера я провожу, записывая увиденное в дневники. Наутро за завтраком я перечитываю записи, и они меня пугают.

Водопой и привал, на который был вынужден остановиться большой отряд Белых стягов, продолжался уже несколько часов. За это время мимо них проехали два обоза, запряжённые худыми коровами. Сопровождали повозки не менее худые люди. Воины Валессии, повинаясь приказу первого меча, остановили и опросили этих несчастных. Как оказалось, беженцы следовали с юго-восточных территорий.

Они поведали о совсем невероятных вещах: якобы на берегах Великого моря люди впали в безумство, нападая друг на друга без разбора. Мать убивала сына, дочь — отца, а брат — брата. Не люди, а больные животные, кусающие всех подряд. Огонь безумства уничтожил множество рыбацких поселений, медленно, но верно распространяясь на север.

Первый удар рисковали принять на себя Цветные королевства — земли, ещё до Великой войны с чёрной страной Гуэ принадлежавшие Валессии. Однако, столкнувшись со страшным кризисом, теократическая империя не смогла противостоять желанию десятка мелких правителей получить независимость.

Каждый из них назвал себя королём. Получилось не у всех, и в междоусобных войнах победили те, кого, так или иначе, поддержала Валессия. Те же, кто пытался выжить на границах с центральными пустошами, остались лишь в воспоминаниях старожиллов. Сейчас же эпидемия безумства, о которой рассказывали беженцы, могла нанести сокрушающий удар уцелевшим в Великой войне вольнолюбцам.

— Сегодня утром я отправила почтового голубя домой, как ты посоветовал, — произнесла Ихора.

— Прекрасно, — ответил Якон. — Я надеюсь, что отец уже полностью восстановился и трезво оценит угрозу. Он сможет убедить Совет жрецов отправить на границы войска. Даже если безумцы не доберутся до окраин Валессии, этих беженцев всё равно нужно задержать. Они несут в нашу страну болезни и беззаконие. Да и наши солдаты будут рады обрести новых рабов...

— Король Пантиц, через владения которого мы хотим проехать, не обрадуется закрытым дорогам на границах, — хмыкнула Ихора.

— Конечно, не обрадуется, — Якон вновь расплылся в широкой улыбке. — Он, наверное, мечтал избавиться от беженцев как можно быстрее, пропустив их к нам.

Главный хронист пристально посмотрела на брата.

— Как думаешь, этот Пантиц на чьей стороне? — спросила она.

Воины Белых стягов возвращали лошадей с водопоя. Лагерь начинал оживать — наступала пора отправляться в путь. Брат и сестра отвернулись от живописного вида на реку и двинулись к своим палаткам. Прежде чем отойти от сестры, первый меч Валессии замедлил шаг.

— Две зимы назад я встречался с этой коронованной особой, — задумчиво ответил он, откинув ногой какой-то камень, попавший под сапог. — Думаю, что он, как и все, играет исключительно на своей стороне. Однако вполне возможно, что эта самая сторона находится на стороне наших врагов. В любом случае, единственное, что нам от него нужно, это открытый путь в пустоши. Он самый короткий.

Цветные королевства носили имена в честь разных оттенков, которые соответствовали окрасу их флагов — Синее, Красное, Жёлтое. Зелёный король Пантиц управлял горными владениями, через которые проходил узкий перевал — самый близкий путь к пустошам уничтоженной страны Гуэ. Впрочем, долгие годы застава на перевале была закрыта. Таков был приказ деда Пантица, ставшего первым правителем освободившейся от влияния Валессии маленькой страны.

Об этом Ихоре было известно ещё с детства, из разного рода книг, которые она читала в библиотеке отца. Но изучать письмена и видеть всё своими глазами — далеко не одно и то же. Зелёное королевство отличалось живописностью и хмурыми горами, которые, впрочем, не могли сравниться с монументальностью хребта Сиггур. Однако именно отсюда бежали многочисленные ручьи и реки, делая здешнюю природу едва ли не самой цветущей из всех, что лицезрела главный хронист за всю свою жизнь.

Войска короля, украшенные многочисленными штандартами, встретили их отряд на подъезде к одной из деревушек. Солдаты изволили сопроводить представителей Валессии к своему повелителю. С их слов, Пантиц с нетерпением ждал гостей из могущественной западной империи.

Заинтригованные и одновременно обеспокоенные этим предложением, Якон и Ихора согласились как можно быстрее встретиться с королём. Впрочем, переживать о дальности путешествия не пришлось: замок владыки оказался ближе, чем они рассчитывали — на одном из раскинувшихся над их головами горных утёсов. Он стоял прямо у той дороги, которая должна была привести их в пустоши.

— Что-то мне подсказывает, — сказал Якон, подъехав к сестре, — что просто так пересечь эти укрепления у нас не получится.

Замок Пантица в темнеющем небе казался очередным острым горным зубцом — высокие башни и крыши венчали длинные и узкие шпили. В окнах мерцали огни, а стены патрулировали усиленные отряды защитников.

— Думаешь, ему что-то нужно от нас? — ответила Ихора.

— Времена нынче не очень спокойные, — меланхолично ответил первый меч Валессии. — Недаром король усилил собственный гарнизон и ждёт чьего-то нападения. Я это понял сразу, как только увидел данные укрепления.

Оббитые железом ворота замка завизжали с ужасающим скрипом. В небо взмыли встревоженные вороны. Неужели цепи никто не смазывал? А может быть, давно никто не открывал?

— Нам нельзя оставаться здесь надолго, — покачала головой Ихора. — Ты видел, что Алая звезда изменила место на небосклоне. Нам нужно двигаться севернее.

— Советую не упоминать об этой загадочной красной точке на небе, — тише обычного ответил Якон, въезжая вслед за сестрой во двор замка. — С высоких башен Зелёного замка

разглядеть такую звезду проще обычного. Значит, король о ней знает, а лишние вопросы нам не нужны.

Отряд Белых стягов встречали хмурые люди. Воины королевства были чем-то обеспокоены, и это беспокойство, словно зараза, начинало цепляться к Ихоре. Женщине это не понравилось. Она схватилась за медальон с камнем Сиггура на шее, но не почувствовала влияния магии в округе.

Король Пантиц встретил гостей лично. Он вышел к имперцам в широких чёрных одеяниях с тонкой короной на голове — и без свиты, что вызывало уважение. Этот худой, изнеможённый тяжким бременем власти человек был рад прибывшему отряду. Или делал такой вид. Уверенным старческим шагом он подошёл к Якону.

— Первый меч Валессии пожаловал к нам, — в его голосе слышалось удивление. — Давно не виделись, о сын великого жреца. Ты прибыл к нам со своими воинами в трудный час. Мы не просили большого соседа о помощи, но будем ей несказанно рады.

— Ваше величество, — ответил Якон. — Мы движемся через ваше королевство по собственным делам. К сожалению, о ваших невзгодах нам мало что известно.

Брови монарха медленно стали сдвигаться к переносице.

— Не слышали о наших проблемах? — Пантиц, кажется, начинал негодовать. — Наше королевство приняло на себя удар сумасшествия, охватившего южан. Наши форты и приграничные области в осаде. Пока что мы сдерживаем безумцев, но дела совсем плохи. Если бы не мы, Валессия давно бы уже почувствовала настоящий вкус крови!

Понимая, что разговор может быстро зайти в агрессивный тупик, Ихора вышла вперёд. Монарх с закипающим раздражением взглянул на женщину, но не успел ничего сказать.

— Ваше величество, — заговорила она первой. — Я — Ихора, главный хронист Валессии. У нас срочные дела на востоке. Однако мы готовы помочь вам с вашими невзгодами, тем более что кое-что знаем о надвигающейся угрозе безумства.

— Да, беженцы заполнили все дороги, — пояснил Якон. — Они говорят странное.

— Скоро их станет ещё больше, — проворчал Пантиц. — Но двор моего замка не место для обсуждения столь тревожных разговоров.

Он немного подумал.

— Я повёл себя неучтиво для хозяина. Позвольте мне расположить вас у себя, дать ночлег и пищу. А потом мы поговорим.

Когда король ушёл, распорядившись разместить отряд Белых стягов в казармах, брат с сестрой переглянулись. Отправляясь в мрачный дворец, дочь Вэссы с любопытством оглядывала старое укрепление замка, задрав голову вверх. В одной из башен она увидела свет и женский силуэт. Фигура смотрела на них свысока. И этот взгляд Ихоре, как и многое другое за последнее время, также не понравился.

Скупое убранство дворца зелёного короля, серые грязные стены и выцветшие гобелены говорили сами за себя — свободная от более могущественного соседа жизнь была не самой сладкой.

Подписание договора о суверенитете после Великой войны семьдесят восемь зим назад дед Пантица выдавал за собственное достижение. Тогда ослабленная и обескровленная Валессия отпустила на вольные хлеба всех желавших свободы князей. Они и назвали себя новыми королями. Но есть ли подвиг в том, чтобы непослушные дети сбегали от раненого, но не умирающего отца?

Дела давно минувших дней Ихору сейчас слегка забавляли, отчего на её лице то и дело появлялась кривая улыбка. Впрочем, когда слуги подали почтенным гостям вполне себе неплохой ужин, уставшая от длинной дороги дочь великого жреца была готова простить Пантицу многое. В том числе и гордыню.

Правитель Зелёного королевства вышел к гостям в сопровождении изнеможённой, как и он сам, дамы. Она была в пору не молода, но хороша собой и умело держала осанку. Её красное платье с высоким воротником выглядело лучше, чем всё убранство замка вместе взятое. Эти шик и блеск, сосредоточенные в одном месте, напомнили Ихоре о неуместных пирах в пирамиде отца.

— Хочу вам представить леди Дрэску, — сказал король гостям, расположившись за дубовым столом в большом кресле. — Она моя спутница, мой светлый друг и надёжная опора.

Якон и Ихора склонили головы, но, следуя этикету, сделали это не так низко, как следовало поступить в том случае, если бы монарх представлял гостям свою королеву. Спутница — это почти любовница, всего лишь женщина, делающая постель Пантица в этом холодном замке чуть теплее.

— Ваше величество, — заговорил Якон. — Я обратил внимание, что ваша крепость не испытывает нужды в усилении гарнизона. Как вы сами сказали, беспорядки, учинённые сумасшедшими, терзают ваши южные владения, но они достаточно далеки от этого места. Что же случилось, зачем вам нужна наша помощь?

Монарх тяжело вздохнул, бросив взгляд на леди Дрэску.

— Ходить вокруг да около не буду, — ответил он. — Сил решить все проблемы, обрушившиеся на нас за последнее время, недостаточно. Но видят боги, в этот трудный час вы приехали к нам вовремя.

— У нас крайне важная миссия, мы просим пропустить нас через перевал, — быстро произнесла Ихора. — Мы готовы вам помочь, если это не займёт много времени.

— Всё так и есть, — ответил Пантиц, вновь взглянув на свою немолодую спутницу. — Это вопрос магии. Я верю, что сила Сиггура, о которой так много говорят в Цветных королевствах, спасёт мою дочь.

Неожиданный крик отчаяния, боли и ненависти поразил стены замка. Главный хронист Валессии никогда не слышала ничего подобного, поэтому мучительный возглас потряс её до глубины души. Она схватила себя за медальон с магическим камнем, добытым из недр богатыри, но вновь ничего не почувствовала.

Ихора взглянула на брата, но Якон, как ей показалось, был удивлён случившимся куда меньше, продолжая попивать вино из большого кубка.

— Да, вы всё верно подумали, — заговорила леди Дрэску, и её голос был неожиданно низким. — Принцесса Лилианс, старший отпрыск моего короля, стала жертвой эпидемии безумия.

— Она проводила время в одном из наших южных владений, — пояснил король. — Это случилось, когда волна сумасшествия только набирала силу. Вместе с Дарой, моей младшей дочерью, Лилианс была вынуждена бежать. Их сопровождал большой вооружённый отряд рыцарей, и многие из них отдали жизнь за то, чтобы мои девочки вернулись домой.

— Я помню Лилианс, — улыбнулся Якон. — Хорошая девушка. Ещё две зимы назад от желающих заполучить её руку и сердце не было отбоя.

Седые усы короля задрожали, будто он пытался не кривить рот.

— Спустя два дня после возвращения ей стало хуже — её тело охватил зуд, а желудок — жуткий голод. На следующее утро она напала на служанку, убила и обглодала её ступни. Нам пришлось запереть её в башне, а тело убитой схоронить. Как нам удалось выяснить, подобное бешенство — один из явных признаков безумия южан.

— А где ваша младшая дочь Дара? — спросила Ихора. — Что с ней случилось?

— Ничего, — ответила за короля леди Дрэску. — Дара не изменилась.

— Молю вас, — голос Пантица задрожал. — Я не хочу лишиться своей любимой малышки. Вы должны попробовать вылечить её с помощью своих волшебных камней.

Якон внимательно посмотрел на сестру, потом перевёл взгляд на монарха.

— Мой брат Цава, будущий глава рода Белых стягов и жрец Сиггура, владеет многими тайными знаниями. Я же покорию лишь искусство войны. А моя сестра отдаёт всю себя хроникам.

— И тем не менее, — перебила его Ихора. — Наш отец передал мне некоторое количество тайных техник. Я готова попробовать, но не обещаю, что результат будет таким, какой вы хотите. Сила Сиггура велика, но не безгранична.

Она бросила взгляд на правителя и поймала в глазах Зелёного короля луч надежды. Худое и вытянутое лицо леди Дрэску осталось всё таким же бесчувственным.

Залы замка вновь потрясли дикие крики принцессы Лилианс. Слуги, стоящие в дальних углах залы, стали беспокойно переглядываться.

— Ваша дочь, — продолжила Ихора, — она привязана или закована в цепи?

— Это недостойно принцессы! — воскликнул Пантиц, хлопнув в ладоши. — Она находится в своей комнате, откуда мы её не выпускаем. Она несёт угрозу всем нам, но мы всё ещё её любим! Я молю вас, попробуйте вернуть нам прежнюю Лилианс. Вне зависимости от результата, я открою для вас заставу и пропущу на восток. Но только после того, как вы попытаетесь.

Король встал, и остальные сделали то же самое. Время для передышки подходило к концу. Ихора была уверена, что дальше будет только хуже. Предчувствие или обыкновенный пессимизм? По мнению молодой женщины, им нужно было успеть покинуть гиблое место до того, как подобные заражённой принцессе люди доберутся до стен Зелёного замка. Покинуть и не заразиться самим.

Глава 11. Медальон и служанка

Якон пребывал в крайне скверном настроении. Его обыденно весёлый настрой и широкая улыбка, которую он дарил Ихоре, пропали в тот момент, когда сестра пообещала помочь королю Пантицу и его семейству. Сейчас, спускаясь с ней в лазарет, чтобы осмотреть труп служанки, попавшей в немилость внезапно озверевшей принцессы, он чувствовал досаду.

— Ты не должна была принимать решения вместо меня, — проворчал Якон, когда они остались наедине. — Нужно было настоять на том, чтобы нас пропустили, и отправиться дальше за Алой звездой. Нам дорог каждый день, а минуты промедления делают ТалХазар всё ближе к цели.

Ихора оглянулась, пытаясь понять, не подслушивают ли их.

— Брат мой, — ответила она, — дела тут творятся нечистые. Я уверена, что наши враги ближе, чем мы думаем. Чтобы разобраться во всём, я хочу осмотреть этот труп.

В каменные казематы богами забытого лазарета, пропитанные запахом тухлых вод и плесени, давно не пробивался солнечный свет. Сейчас шипящие от обилия влаги в воздухе факелы делали замковые коридоры ярче. Однако смрад никуда не пропадал. Низкие каменные своды были собраны из грубого плитняка так, что с высоко поднятым оружием здесь пробраться не получилось бы.

Идущий в десяти шагах от валессийцев проводник остановился. Дряхлый старик, чьего смерть почему-то до сих пор не прибрала к рукам, хмуро глянул на Ихору, словно не желая видеть молодость в подобном месте, и сообщил:

— Мы пришли, многоуважаемые посланцы запада. Но чувствовать себя здесь как дома не нужно. Это лишь временное пристанище для мертвых.

Это была узкая холодная комната, заваленная снегом, который слуги короля доставляли сюда с вершин гор. Место использовалось для хранения усопших перед тем, как возложить их на общий погребальный костёр. Тела хранили до того, как наберётся нужное количество для сакрального обряда. На удивление Якона, служанка с отгрызанными ногами сейчас была здесь единственным трупом.

Ихора, замотав рот шарфом, подошла к телу ближе. Молодая девушка, некогда служившая зелёному королю, умерла в страшных муках. Её рот, чёрный от запёкшейся крови, застыл в ужасе, глаза неестественно провалились. Ступни были обглоданы. Крайне неприятная картина. Но главный хронист Валессии была не из брезгливых. Да, видеть подобное ей ещё не доводилось, однако это было не повод выбегать на свежий воздух.

— Отвратительно, — прошептал стоявший поодаль старик-проводник.

— Неужели это принцесса с ней такое сотворила? — спросила его Ихора.

— Совершенно верно. Я сам, конечно, это видел. Нам удалось лишь обманом да удачей загнать её обратно в башню, — старик наклонился к телу убитой. — Жаль, спасти бедняжку не удалось. Это произошло два дня назад. С тех пор у нас всё наперекосяк, словно смерть из этих залов хочет подняться выше, в залы царские.

Ихора подошла ближе к брату, чтобы пожилой слуга не слышал их разговор.

— Это напоминает мне другую историю, которая случилась в Аннабаде, — тихо произнесла она. — Я читала отчеты Полуночной стражи и делала записи в Книге судеб. Кто-то убил, оторвал, а может быть и отгрыз конечности человека. Зачем и почему — непонятно. Уже тогда эта история мне показалась подозрительной. Помнишь про ритуальные убийства?

— Припоминаю, — удивлённо приподнял брови Якон. — Хозяин таверны, а потом и стражники. Я что-то такое слышал от своих бойцов — у убитых не было кистей и стоп. Думаешь, те зверские убийства как-то связаны с безумием принцессы Лилианс?

Сестра первого меча Валессии бросила взгляд на пожилого слугу. Тот, кажется, был занят своим делом, перебирая ржавые ключи на связке. Не подслушивает ли?

— Помнишь, о чём нам рассказывали беженцы на дорогах? — продолжила Ихора. — Сошедшие с ума люди, словно животные, бросались на других, пытались покусать. Принцесса Лилианс напала на служанку и также сделала всё, чтобы убить свою жертву. Это ей, как ты видишь, удалось. Очевидно, этих безумцев привлекают... конечности. И эта несчастная тому доказательство, хотя и странно всё это.

Брат кивнул.

— Меня волнует другой вопрос, — нарочито громко произнёс Якон, чтобы пожилой слуга короля мог наконец расслышать его слова. — Как эта болезнь, это помутнение рассудка распространяется? Почему старшая принцесса стала такой, а её сестра нет?

Старик подошёл ближе. Его губы тряслись.

— Господин, — скрипучим голосом произнёс он. — Младшая дочь нашего повелителя, хвала богам, находится в добром здравии. Произошедшее с Лилианс погрузило её в глубокую скорбь. Девушка не выходит к семье, предпочитая сидеть в собственных покоях. Бедняжка натерпелась.

— Другими словами, обе дочери короля сейчас сидят в разных комнатах и никуда не выходят? — удивлённо подняла бровь Ихора.

— Совершенно верно, — склонил голову слуга. — Леди Дрэску поручила нам оберегать покой обеих. Дверь старшей заперта снаружи, дверь младшей — изнутри. Госпожа относится к девушкам как к родным. Кстати, она навещает обеих. Честь ей за это и хвала, ибо наш король боится это делать сам.

Якон, к которому, кажется, возвращалось настроение, бросил на Ихору многозначительный взгляд. Сестра кивнула в ответ и повернулась к слуге.

— Веди нас в покои принцесс.

Дара, младшая дочь зелёного короля, была совершенно очаровательной девушкой. Юное, невинное личико с большими глазами с удивлением и недоверием смотрело на Якона. По крайней мере, ему именно так это показалось, когда после продолжительного диалога через закрытую дверь замок щёлкнул, и принцесса впустила его в свою опочивальню. Вслед за валессийцем в комнату вошёл и пожилой слуга монарха.

— Прошу прощения за свой слегка неряшливый вид, — захлопала девушка ресницами, и её щёки покрыл румянец. — Я не ждала гостей. Но когда узнала, что вы прибыли с запада У меня, а значит и у всего королевства, появилась надежда.

Очарованный небывалым сочетанием красоты и скромности принцессы, первый меч Валессии склонил голову. Обычно Якон улыбался лишь сестре, однако теперь дарить радость хотелось и этой юной леди.

— Ваш отец попросил меня и мою сестру о помощи, — начал воин. — Мы здесь проездом с чрезвычайно важным заданием. Можем задержаться лишь до утра.

— Мой отец ничего не понимает, — перебила Якона принцесса Дара. — Все мы здесь находимся в большой опасности! Вы не просто должны нам помочь. Нам всем нужно бежать — смертельная опасность угрожает замку!

Её испуганное выражение лица заставило сердце Якона биться чаще и с большей силой.

— Для этого вы должны рассказать нам всё, — произнёс воин и покосился на старого слугу.

— О, не переживайте за него, — улыбнулась девушка. — Старик любит и ценит меня больше, чем мой отец, который даже слышать ничего не хочет о том, чтобы покинуть крепость.

Дара затворила дверь на засов. Якон, ещё несколько минут назад собиравшийся быстро переговорить с младшей дочерью короля, чтобы вернуться к сестре, нахмурил брови.

— Лилианс сошла с ума, когда мы вернулись домой, — скромно сказала молодая особа. — Она хотела пить, она хотела что-то грызть, просила мяса. Это было ужасно.

— То есть это произошло не в пути? — удивился Якон.

— Нет! — Дара слегка притопнула ножкой, отчего стала ещё милее. — Это началось здесь! Я уверена, что эта тварь, охмурившая отца, что-то сделала с моей дорогой сестрицей!

— Леди Дрэску?

— Именно — девушка опустила глаза в пол. — Когда мы вернулись домой, эта интриганка была уже здесь. Раньше я её не видела. Она манипулирует королём, она же и чем-то опоила Лилианс, я уверена.

Она взволнованно посмотрела на Якона.

— Надеюсь, вы ничего не пили и не ели вне стола, за которым сидел мой отец?

Сын Вэссы отрицательно помотал головой.

— Очень хорошо, — хлопнула в ладоши Дара. — Поэтому я и закрылась в этой комнате! Я не хочу, чтобы она явилась сюда и подсунула мне свой яд!

— Оставайтесь здесь и дальше, леди, — Якон положил руку на эфес меча и направился к выходу. Ему всё было понятно.

Сын великого жреца спускался из башни принцессы, перепрыгивая через ступеньки, опасаясь за жизнь сестры. Она была права — враги были ближе, чем казалось. Воины Белых стягов, ожидающие его внизу, последовали за своим господином. Ихора должна была ждать в обеденном зале. Именно там, по их договорённости, главный хронист империи должна была отвлекать короля и леди Дрэску, пока он поговорит с младшей из принцесс.

— А вот и вы, мой друг, — король Пантиц жестом пригласил Якона к столу, который слуги перед обедом успели заполнить различными яствами.

Холод пробежал по спине сына великого жреца, когда он заметил, что Ихора успела пригубить вино из кубка. Но может быть, Дрэску не успела подмешать зелье безумия?

— Мой дорогой брат, — улыбнулась ему Ихора, — ты как раз вовремя. Многоуважаемая спутница короля Пантица угостила нас двумя бутылками жемчужного вина. Оно пригодится нам в пути.

Над головами собравшихся послышался дикий вой принцессы Лилианс. Сошедшая с ума наследница зелёного трона вновь буйствовала в своих покоях.

Якон встал рядом с сестрой, оперев руки в бока.

— Советую не пить это, — его глаза пылали гневом. — Оно может быть отравлено!

Резким движением он извлёк свой огромный меч из ножен и направил его на хозяйку застолья. Леди Дрэску не повела и бровью, продолжая смотреть на гостей с безразличным презрением. Стража короля также обнажила клинки, пытаясь защитить монарха и его пассивность.

— Что вы себе позволяете? — возмутился Пантиц, отодвигаясь назад.

— У меня есть подозрение, что ваша подруга, — медленно проговорил Якон, — служит нашим заклятым врагам. То, что происходит здесь, — это её рук дело.

Ихора поднялась, держась за медальон.

— Я чувствую, что в башне что-то происходит, — сказала она. — Не бойся, брат, я не пила это вино.

Молодая женщина развернулась на месте и, подав сигнал командиру Белых стягов, который также был в зале, побежала наверх. Якон, Пантиц и леди Дрэску молча проследили за тем, как её фигура исчезла в широком дверном проёме.

— Я повторю свой вопрос ещё раз, — король продолжал оставаться в недоумении. — Что всё это значит? Я пустил вас в свой дом, усадил за стол

— Западня, ваше величество, — громыхнул Якон. — Восточные враги наших государств подобрались весьма близко. Ваша старшая дочь стала жертвой интриги этой женщины. Дара мне всё рассказала!

— Глупец, — внезапно зашипела леди Дрэску, прервав своё молчание впервые за долгое время. — Ты понятия не имеешь, что здесь происходит.

Она попятилась назад, доставая из-под широкого подола платья красный стилет.

Ихора стояла у массивной двери, за которой Лилианс издавала нечеловеческий вой. Крик, похожий на хриплый лай собаки и кашель степной гиены, валессийку не пугал. Магический медальон, хранивший в себе частичку добытой руды из недр Сиггура, придавал ей сил.

— Я уверена, что спасти принцессу мы не сможем, — сказала Ихора начальнику своей стражи. — Однако попробовать обязаны. По моему приказу нужно отворить дверь и сделать всё, чтобы связать это чудовище.

Командир молча кивнул.

Как только створки двери распахнулись, принцесса Лилианс, стоявшая за створкой, двинулась вперёд. Болезнь извратила её, сделав худой и бледной тварью с глазами навыкат. Она тянула костлявые руки со сломанными ногтями к незванным гостям. Однако когда воины Белых стягов попытались её скрутить, оказалось, что в этом хрупком теле кроется недюжая сила. Сумасшедшая одним движением отбросила от себя двух солдат и повернулась к Ихоре.

Хронист империи вытянула вперёд медальон и произнесла короткую хвалу Сиггуру, отчего украшение блеснуло тусклым голубоватым светом. Неведомая сила толкнула озверевшую принцессу назад. Лилианс завyla и рухнула у массивной каменной колонны, располагавшейся в центре башни.

— Быстрее, — скомандовала Ихора.

Её воины вновь подскочили к наследнице зелёного короля и начали обматывать худое тело верёвкой. Обездвиженная силой Сиггура девушка продолжала выть, дёргая головой в разные стороны. Она пыталась впиться зубами в своих пленителей, оторвать ухо, отгрызть нос, но те уже намертво закрепили верёвку за её спиной.

Ихора разомкнула чары, опустив медальон. Принцесса попыталась вырваться, но уже ничего не могла сделать. Хронист империи выдохнула и осмотрелась по сторонам.

Они находились в большой полукруглой комнате башни. Беспорядок, который царил здесь, перевёрнутая кровать, стеллажи и прочие безделицы, объяснялся буйством хозяйки. Каменный пол был запачкан давно запёкшейся кровью. Очевидно, она принадлежала той самой убитой служанке.

— А что у нас здесь? — удивлённо подняла бровь Ихора, подходя к дальней стороне комнаты.

Она выпустила из поля зрения безумную принцессу и остановила взгляд на трёх трупах, сваленных за перевёрнутой кроватью. Два мужчины и одна женщина. У каждого из тел не было кистей и стоп. Странно о других погибших никто здесь ничего не говорил.

— Кто тебя подкармливает, Лилианс? — спросила Ихора, но принцесса лишь грозно завопила в ответ. — А может быть, с твоей помощью прячут улики?

— Моя госпожа, — выпалил один из солдат, — что прикажете с ней делать?

Ихора не ответила. Её медальон не подавал признаков жизни. Что за ерунда? То он реагировал на сумасшедшую, то нет. Как это понимать? Или источником тревоги и нагревания украшения была вовсе не обезумевшая девушка? Если так, то терять время было нельзя.

Хронист вновь вытянула медальон вперёд и начала творить новое заклинание. Конечно, если бы здесь с ней был её старший брат Цава, то он бы сказал, что нужные слова она говорит неверно, зачем-то спешит, сбивая ритм, который должен быть похож на песнопение. В том, что касается общения с силами Сиггура, Цава уступал лишь их отцу. Вполне возможно, их сил хватило бы, чтобы вылечить Лилианс, но патриарха семейства и наследника рода здесь не было.

Комната начала погружаться во мрак — свет за окнами стал гаснуть, а принцесса взyla с новой силой. Сумасшедшую били конвульсии, однако болезнь её не отпускала.

На пороге появился король Пантиц в сопровождении Якона. Меч брата Ихоры был в крови.

— Дочь моя, — воздел руки к небу правитель, — что с тобой стало!

— Ваше величество, не подходите к ней близко, — обеспокоенно проговорил старый слуга, возникший за спиной короля. — Принцесса всё ещё не в себе! Она может вам навредить!

Обессиленная Ихора опустилась на одно колено. Сила произнесённого заклинания сделала её слабой. У неё ничего не получилось — принцесса оставалась чудовищем.

— Я не могу, — хриплым голосом произнесла главный хронист империи. — Мы ничего не можем с этим поделать. Ваша дочь изменилась слишком сильно. Кроме того, я чувствую, что её вой манит сюда других. Возможно, именно для них принцесса приготовила здесь небольшой ужин. Или не она, кто знает

Ихора указала на найденные ею тела.

— Есть у меня мнение, что ей помогали. Чтобы она набиралась сил и могла звать к замку других, — добавила она.

Король обречённо перевёл взгляд на Якона.

— Ты убил мою леди не зря. Она действительно была опасной женщиной. Но что теперь? Вы советуете мне убить и мою собственную дочь?

Лилянс, ненадолго затихнувшая, вновь начала вопить и тарашить на всех немигающие, покрытые белой пеленой глаза. Именно в этот момент на южной сторожевой башне начал тревожно звонить колокол — символ всеобщего сбора и боевой готовности. Вошедший в башню воин короля с паникой в голосе доложил: к замку приближается сброд сумасшедших.

— Их сотни, может быть тысячи, — отрывисто пробормотал он. — Они словно лавина.

Протрубил рог — всех воинов созывали на стены. Якон злобно выругался и, несмотря на возражения короля, ударил мечом по рылу принцессы.

Глава 12. Шахты и казнь

Великий жрец Вэсса, один из девятнадцати правителей Валессии, поднялся на эшафот. Его красно-белые одеяния и слегка удлинённую бороду трепал сильный ветер. Небо над головой было ясное, а позади каменного постамента, который испокон веков служил Аннабаду местом проведения казней, окружала многочисленная толпа. Дикая, визжащая, словно стадо баранов. Для великого жреца она и была этим самым стадом. Какая ирония.

Пёстрый люд что-то выкрикивал, махал руками и требовал крови. Полуночная стража, окружившая эшафот, держала копья и клинки наготове. Вэсса, наслаждаясь моментом, поднял руки вверх, и толпа замерла.

— О, жители Аннабада! — прогрехотал Вэсса, словно последний осенний гром. — Мы собрались здесь с вами, чтобы явить правосудие Сиггура! Для того чтобы этот день настал, мне пришлось побороть смерть и найти тех, кто стоял за попыткой моего убийства!

Толпа вновь взревела. Стоящий позади эшафота Цава улыбнулся — его отец умел управлять настроением людей. И для этого ему не требовалась никакая магия камней. Не исключено, что именно в этом и был дар Сиггура, о котором иногда упоминал отец в своих молитвах великому божеству, даровавшему им свою силу.

В своих выступлениях великий жрец всегда был центральной фигурой, которой толпе было можно и нужно восхищаться. Особенно теперь, когда в действие была запущена вторая часть его хитроумного плана.

Полуночная стража вывела из казематов пять человек, закованных в железные цепи. Их некогда благородные, презрительные и набожные лица сейчас искажали гримасы страха, отчаяния и затухающей боли.

Впереди всех этих людей, поднимающихся по деревянным ступеням с понурой головой, шёл великий жрец Заммун. Именно его Белые стяги обвинили в покушении на одного из первых служителей Сиггура. Остальные также были членами совета жрецов и ярыми противниками на последнем заседании средь бела дня.

Именно того при них не было собственных вооружённых слуг. Это облегчило быструю расправу. У обвиняемых отняли священные амулеты, лишив возможности оказать магическое сопротивление солдатам. Лишь один из жрецов, которого взяли стражники под руки, обратился к силе Сиггура. Однако готовый к любому развитию событий Вэсса, неожиданно явившийся в храм в нужный момент, быстро обезвредил атакующего. Сейчас все эти люди были морально разбиты и раздавлены. Лишь Заммун держался достойно. И это вызывало в голове Цавы противоречивые чувства — уважение и презрение.

Наследник рода Белых стягов, не пряча взгляд, смотрел вперёд. Подле него крутился тщедушный писарь, вносивший какие-то записи в пергамент.

— Что ты тут делаешь? — поднял бровь Цава, едва не споткнувшись о него.

— Веду записи, мой господин, — поклонился писарь. — Несмотря на то, что главный хронист империи отбыл из столицы, нам было велено не упускать из виду ничего важного — летописи будут нужны нашим потомкам.

— Как твоё имя? — поинтересовался Цава.

— Туро, мой господин, — поклонился писарь.

— Смотри внимательно, Туро, и записывай всё в точности, как было, — сказал наследник Вэссы. — В Аннабаде сегодня происходят великие события.

Толпа продолжала реветь. Где-то на параллельных улицах начались волнения — это семьи схваченных жрецов и их воины пытались пробиться к месту проведения суда. Однако Вэсса и Белые стяги были готовы к такому повороту событий. Тем более что к спонтанному бунту подключились не все стороны конфликта. А оставшиеся члены совета ожидаемо выбрали

сторону воспрянувшего силами великого жреца. А без поддержки большинства у остальных просто не хватило сил.

И тем не менее что-то происходило за каменными домами — вполне возможно, дочери Заммуна прибегли к силе своих амулетов. Стража им ответила.

— Эти предатели, — заговорил Вэсса, указывая на схваченную пятёрку, — решили обрушить силу нашего государства, ослабить Валессию перед лицом врага. Сначала они хотели убить меня, как одного из ревнителей нашей веры, а потом отдать всех нас пучине с востока!

— Смерть им, смерть! — поддержала великого жреца толпа.

Цава, оставаясь позади помоста, улыбнулся — всё складывалось как нельзя лучше. На восстановление сил у его отца ушло чуть меньше месяца. Всё это время шла подготовка к ответному удару. Жаль, что Якон и Ихора сейчас не стояли рядом. Они бы по достоинству оценили решительные действия отца.

Вэсса спустился с помоста, а на его место встали палачи, вооружённые большими топорами. Их было столько же, сколько и приговорённых к смерти, — пятеро. Заммуна и других стариков поставили на колени, заставив положить головы на плахи. Над Аннабадом вновь повисла тишина. Народ стих, ожидая приведения приговора в действие. Стихли и звуки боя на параллельных улицах: очевидно, воины Белых стягов и Полуночной стражи быстро подавили сопротивление.

— Где мой тайный советник? — глухо спросил Вэсса у сына. — Я надеялся, что Гезор будет здесь. Мне казалось, что ему нравятся подобного рода развлечения.

— Твоего великана я не видел уже несколько дней, — ответил Цава. — Уверен, он продолжает плести свои интриги на благо нашего рода.

К ним медленно подошёл начальник Полуночной стражи. Облачённый в серые одежды поверх кольчуги, он хмуро посмотрел на помост, на котором палачи вот-вот должны были отрубить головы предателей.

— Мой господин, — Норк склонил голову. — После исполнения приговора я бы хотел вернуться к выполнению поручения, которое дал мне совет. И пусть часть из тех, кто приказал мне найти виновных в ритуальных убийствах, сейчас умрёт, я намерен довести это дело до конца. Оно слишком серьёзное, чтобы оставить его без внимания.

— Я читал ваши отчёты, — ответил Вэсса. — Насколько я знаю, вверенные вам полномочия не принесли должных результатов. Жители Аннабада были крайне недовольны теми допросами, которые вы устроили. Преступники не найдены. Мне пришлось переключить внимание нашей паствы на предателей, однако вскоре народ вновь начнёт роптать.

— Поэтому я и даю вам слово, что найду ритуалистов, которые забирают жизни и конечности горожан, — быстро заговорил Норк.

— Постарайтесь сделать это как можно быстрее, — ответил за отца Цава.

Норк поклонился, и в этот самый миг пять топоров палачей опустили на шеи жрецов-предателей. Толпа взревела, повинувшись своему животному началу. Голова Заммуна, упавшая на каменную брусчатку, покатила вперёд. Кто-то из горожан зачем-то попытался её подхватить, но стража не дала ему этого сделать — этим черепакам было суждено остаться на кольях, заранее установленных на городских воротах. Как напоминание о правосудии верных слуг Сиггура.

Норк вернулся в штаб Полуночной стражи на закате дня. Всё, что он был вынужден сделать для совершения правосудия, ему не нравилось. Нет, рубить головы, в том числе и своими руками, ему, конечно же, приходилось, однако на то всегда были веские причины. Сейчас же он чувствовал, что был ведомым, игрушкой в политической игре.

— Есть новые отчёты? — хмуро спросил Норк у одного из своих солдат.

— Да, — востропнулся задремавший стражник, поправляя кожаный доспех. — Десять горожан заявили о пропаже близких. Думается, это родители тех, кто попытался присоединиться к беспорядкам.

Начальник вздохнул. Неудавшийся прорыв к месту казни, в котором участвовали дочери Заммуна, унёс слишком много ненужных жизней. Во-первых, в давке погибли три не самых плохих воина правопорядка. Во-вторых, в толпе нашлись сочувствующие, которых пришлось усмирять. Этот процесс и привёл к двум десяткам жертв. Зачинщиц, воспользовавшихся священными амулетами, помогли обезвредить силы Белых стягов, но эта новость не принесла удовлетворения. Может быть, дочери Заммуна были правы в своём желании защитить жизнь и честь отца?

Полный невесёлых раздумий, Норк вошёл в свой кабинет и захлопнул толстую дверь. Помещение заполняла тьма — солнце за небольшим решётчатым окном уже утонуло за горизонтом. Сумрак наступал быстро. Начальник стражи рухнул на массивный стул, потирая ноги — он зачем-то вернулся в штаб пешком, успев трижды пожалеть об этом.

— Я бы предпочёл, чтобы вы не снимали сапоги.

Норк едва не подпрыгнул на месте от испуга — поджидавший его человек застал его врасплох. Как он здесь оказался, кто его пропустил?

— Во имя Сиггура — выругался Норк, хватаясь за кинжал, который висел на поясе.

— О, прошу вас, давайте обойдёмся без оружия, — голос незнакомца, что сидел в дальнем, наиболее тёмном углу кабинета, был вкрадчив. — Я пришёл к вам для весьма важного разговора, но не более того. Пока что.

Норк оценивающе осмотрел незваного гостя — его фигура была целиком и полностью завёрнута в чёрные одеяния, а голову закрывал массивный капюшон.

Начальник Полуночной стражи вновь сел на стул, но кинжала не убрал — тёмная фигура, несмотря на доброжелательный тон, выглядела угрожающе.

— Организованное расследование не принесёт плодов, — продолжил незнакомец. — Нам нравится то, с каким остервенением вы боретесь за благополучие этого города, и именно поэтому вы всё ещё живы, но прошу вас остановиться. Люди будут гибнуть и дальше, вы ничего не сможете с этим сделать. Страже нужно закрыть на это глаза. У нас есть для вас другое предложение — совсем скоро владыка Вэсса обратится к вам за помощью, и вы не должны ему отказать.

На стол перед Норком с глухим стуком опустился чёрный увесистый мешочек с монетами.

— Меня нельзя подкупить, — ответил главный стражник Аннабада.

Костяшки пальцев Норка, сжимающие кинжал, побелели от напряжения — неизвестно, что может случиться в следующее мгновение. Он бросил короткий взгляд на деньги, но тут же вскинул вновь голову. В тёмном углу кабинета уже никого не было.

Столицу империи Валессии накрыла ночь.

Путь от Аннабада до древних шахт Сиггура занимал немало времени — лошади и повозки не могли взобраться до вершины, запечатанной советом жрецов Валессии много веков назад. Оттого добыча священных минералов из этих мест считалась особенно ценной — за неё платили жестокую цену рабы империи.

Очередная партия несвободных прибыла в столицу около двух недель назад — рабов гнали с запада, где вспыхнуло очередное восстание. Мятеж быстро подавили, однако, чтобы он не повторился вновь, всех, кто был к нему причастен, отправили в рудники — добывать дары великого бога.

Дорога для вольных жителей империи туда была закрыта. Лишь жрецы, как высшая каста империи, знающие, где и с помощью каких молитв можно получить благословение Сиггура на

добычу, могли входить в большие красные ворота. Арка была скрыта от любопытных глаз за цитаделью совета. Чтобы к ней подобраться, нужно было преодолеть пять сотен ступеней.

Именно туда солдаты и завели новых рабов.

— За сорок зим, что я прожил, — пытаюсь побороть одышку, произнёс Цава, — я здесь бывал лишь два раза. Первый раз, когда проходил обряд инициации, второй, когда пытался постичь силу нашего бога. Попасть сюда – трудное испытание. И я рад, что смог его преодолеть.

Вэсса, шедший рядом, с гордостью посмотрел на своего старшего сына. Нет, он не прогадал, что сделал ставку именно на своего первенца; он должен стать истинным наследником и продолжателем рода Белых стягов.

— Сейчас, когда наши противники в совете обескровлены, остальные жрецы поджали хвост, — голос Вэссы был твёрд, казалось, что подъём к священным пещерам его не ослабил. — Время заняться делами нашей страны. Ихора отправила домой почтовых голубей. Птицы принесли нам тревожные новости.

— И ответ на все наши вопросы мы найдём здесь? — поднял бровь Цава.

— Нет, — верховный жрец остановился у арки. — Нас попросил явиться жрец Бугон, мой старый друг. Как ты знаешь, он управляет всеми раскопками и редко покидает эти пещеры. Оттого он не смог навестить меня в постели. Сейчас же, когда Заммун и его прихлебатели лишились голов, Бугон взывает ко мне о помощи. Поддержку мы ему, конечно же, окажем. А он окажет её нам.

Солдаты Белых стягов, неустанно следующие за великим жрецом, сейчас держались от владыки и его сына поодаль. Само по себе нахождение у священных шахт было наградой. Группа бойцов из шести человек склонила головы с нарочитым почтением. А что им ещё оставалось?

Навстречу великому жрецу вышел здоровенный мужчина, обёрнутый в грязную рясу. Копна чёрных волос водопадом струилась с его большой головы на могучие плечи.

— Малыш Вэсса! — расхохотался жрец шахт, протягивая руки к великому жрецу. — Сколько мы не виделись? Год? Два?

Цава не мог поверить своим ушам – Бугон общался с его отцом, словно не знал, что сейчас перед ним стоит едва ли не самый могущественный человек Валессии.

— А ты стал ещё больше, — усмехнулся Вэсса, нисколько не смущённый поведением собрата-жреца.

— Пухну с голоду, — наигранно потрепал себя по бокам Бугон. — Кто это с тобой? Неужели твой первенец? Наконец-то вывел в люди?

Цава пожал руку здоровяку, отметив про себя, что тот также велик, как и тайный советник его отца Гезор. Однако, если не брать в расчёт одинаковые размеры этих мужей, в поведении, проявлении эмоций, отношении к людям они были абсолютно разными.

Бугон повёл их в священные шахты, чьи верхние ярусы давным-давно перестали уступать в напыщенности храмам Сиггура. Впрочем, чем ниже они спускались, тем темнее становилось вокруг. Магические камни, источающие разный по уровню яркости свет, устилали каменные потолки и стены. Ещё ниже уже горели факелы. За тем, чтобы они не гасли, следили молодые ученики – поддержка пламени была одним из первых испытаний для будущего жреца.

— Хватит этих добродушных разговоров о делах давно минувших дней. Зачем ты позвал меня? — наконец не удержался Вэсса, когда они вошли в большую лебедочную клеть для спуска вниз.

Два могучих раба, чьё сознание контролировал страж-жрец, начали крутить большой барабан, и подъёмник медленно пополз вниз.

— У нас проблемы, Вэсса, — ответил Бугон. — Добыча магических камней приостановлена.

Цава напрягся. Камни, что считались в империи даром Сиггура, оказываясь на поверхности, со временем утрачивали свои способности, медленно угасали. Это было известно лишь жрецам, которые по понятным причинам не раскрывали тайну для простого люда. Для него каста владык должна была оставаться сильной всегда. Иначе кто-то задумается над тем, чтобы самому стать владыкой. Опасные. Не позволительные мысли.

— В чём причина? — уточнил Вэсса.

— Сейчас сами всё увидите.

Клеть медленно опустилась. Цава, его отец и главный жрец шахт находились в маленьком городке, в котором жили рабы. Подниматься на поверхность этим лишённым всех прав людям отсюда было запрещено. Они должны были добывать то, что говорят жрецы, они должны были жить, как хотят жрецы, и должны были умирать, если не могли исполнить первое или второе.

Бугон вёл гостей куда-то вдаль от этого городка – туда, где начиналась сеть пещер – таких глубоких, куда не рисковал спускаться даже самый отчаянный раб.

— Это началось здесь, — наконец произнёс здоровяк.

Он указал на тела. Иссохшие мертвецы, лишённые крови, жира и любой другой влаги. Зрелище было не из приятных даже для Цавы, который навидался в пыточных отца всякого.

— Нечто убивает рабов и стражей, — пояснил Бугон. — Тела пропадают, а потом оказываются здесь. Оно их выбрасывает сюда и спускается прочь. Куда именно – мы не знаем. Когда это началось – непонятно. Люди напуганы и отказываются идти в остальные шахты. Работа не парализована, но сам понимаешь, настроя нет.

Цава склонился над трупами. Их было не меньше дюжины. Среди погибших были не только рабы, но и два ученика. Печально. Чьи-то благородные родители будут скорбеть.

Сын великого жреца пригляделся – у жертв нападавшей твари из глубин не было стоп и рук.

Глава 13. Развалины и легенды

Татья не любила сны. Да и кто их будет любить, если они приносят душевную боль? Особенно те, что запоминаются так, словно это и не сны вовсе. Полные ужаса, страха и отчаяния, они больше походили на видения, центром которых была маленькая красная точка. Та самая, что висела над ней и младенцем все эти ужасные месяцы. Алая звезда словно преследовала их, появляясь перед восходом солнца, словно злой красный глаз древнего чудовища.

Женщина поднялась со своей лежанки, взяла маленького Ярра на руки, чему тот оказался не очень доволен, и под села к затухающему костру. На ночном дежурстве сейчас был её дядя. Старик пытался бороться с наваливающейся дремотой и, очевидно, ей проигрывал. Ивен и Ми Фун спали, набираясь сил для следующего перехода.

Женщина взяла два полена, заботливо нарубленные накануне вечером её сыном и наёмником с юга, и подбросила дрова в затухающий огонь. С каждым днём становилось всё холоднее, а держать темп путешествия беглецам всё сложнее. Да, лошади степняков позволили путешественникам немного ускориться. Однако Татья казалось, что подобная форма не помещает преследователям — тем, кто их разыскивает, вновь их нагнать. Да и сколько их всего?

— Доброе раннее утро, — улыбнулся Ном. — Совсем скоро рассвет. Хочешь меня сминить?

— Конечно, — улыбнулась женщина в ответ. — Бери Ярра и ложись с ним в телегу. Твоя задача — не дать ему замёрзнуть. Если он обмочит тряпки и твои портки, нужно их поменять. Желательно ещё покормить мальчика, когда он проснётся. Ну что, меняемся местами?

Ном рассмеялся.

— Ты всегда умела находить контраргументы, моя любимая племянница.

Татья не улыбалась. Она смотрела на набирающий силу огонь.

— Когда мы найдём новый дом, дядя? — спросила женщина. — Устала я от всего этого.

— Не знаю, — ответил старик, разведя руки в стороны. — Я никогда не ездил этой дорогой и смутно представляю, как скоро мы доберёмся до границы со Стылыми землями. Знаю одно: именно там мы найдём то, что ищем, — новую жизнь и покой. Об этом месте в своё время рассказывал твой муж

Татья фыркнула. Она старалась отбросить от себя воспоминания об отце её детей как можно дальше. Что толку, если этого замечательного человека уже нет в живых? Нет, он безусловно был прекрасным мужем, но мысли о нём били ножом по и без того истерзанному ранам сердцу. А цель сейчас была совсем другой

— Мама, что-то случилось? — Ивен подошёл к костру, протирая заспанные глаза.

— Всё в порядке, мой дорогой, — улыбнулась Татьяна, поглядывая на сына, который за этот переход, кажется, стал значительно взрослее.

Старший сын протянул матери и Ному сушёную солонину и бурдюк с водой. И первое и второе у них уже заканчивались. Скоро нужно будет выходить на охоту, но среди пустошей больше не встречались леса или степи с высокой травой. Даже над головами уже не кружили птицы-падальщики.

Ивен несколько раз уходил на охоту, но возвращался с пустыми руками. Впору было начинать нервничать. Настоящей выручкой для беглецов стал Ми Фун, который умудрялся находить какие-то ягоды и корни, которые худо-бедно можно было употреблять в пищу. Но и на таком питании далеко было не уйти. Им нужен был хлеб, мясо и какие-то напитки. По крайней мере об этом мечтали все.

На закате, ещё перед тем, как они развели костёр между двух холмов, чтобы пламя было не видно издали, наёмник заметил на горизонте что-то похожее на развалины города. Сразу после восхода Ми Фун хотел туда навеститься, а Ивен собирался идти с ним. Логика была

простой: в тех местах могло быть что-то съестное. Или кто-то. Например, заблудшая овечка или одичавшая свинья — потомки тех животных, что разводили жители Гуэ.

— Я не хочу, чтобы вы туда шли, — честно ответила Татья сыну. — Там может быть опасно.

— Твоя мать права, — поддержал племянницу Ном. — Мы идём через пустоши, развалины чёрной страны. Этим всё сказано. Зло здесь обитало кругом.

— Что может быть хуже того чудовища, что мы вместе с ягонцем убили в лесу? — не согласился юноша. — Даже степняки были не такими страшными, как та тварь. Но это была граница, а здесь мы не видели никого уже четыре дня!

— Если мы никого не видели, то это не значит, что здесь никого нет, — проворчал старый возница. — Ты что, забыл те истории, что передают из поколения в поколение старожилы? Нет? Так я тебе напомню!

Татья прикрыла глаза, а потом, задрав голову вверх, быстро взглянула в светлеющее небо. Алая звезда над их головами теряла свой блеск и продолжала медленно исчезать. Проклятая точка.

— Я напомню тебе эту историю, мальчик, — не унимался Ном. — Центральные земли, то место, где мы сейчас находимся, ещё два века назад были прекрасны! Люди, что здесь жили, умело вспахивали землю, разводили стада, наслаждались жизнью. Единственное, чего у них не было, — это хорошего железа — гор на этих просторах маловато.

— Как, например, в моей стране, — к костру подошёл Ми Фун, он тоже уже проснулся. — Металл подвластен не всем. Но мой народ покорила его.

— Поэтому отбиваться от агрессивных соседей жителям этих мест было трудно, — продолжил Ном, оглядев наёмника. — Они пытались вести торговлю, но всё привело к войне. Рабовладельцы, что кличут себя валессийцами, пришли с запада, а хазарцы, что служат Бесмертному императору, — с востока. Две империи положили глаз на центральные земли и хотели забрать себе всё.

— Я знаю, что было дальше, — вздохнул Ивен и отвернулся к краснеющему горизонту. — Они были вынуждены обратиться за помощью к чёрным силам, чтобы защищаться.

— В моей стране эту историю пересказывают по-другому, — вновь встрял в разговор Ми Фун. — На большую землю спустилась благодать и даровала людям, не умеющим ковать мечи, великую силу!

Маленький Ярр недовольно закричал, пытаясь освободить ручки из пелёнок. Татья ему это позволила. Женщина поглядела в его ясное и милое личико, полные любви глаза, смешной носик и поцеловала малыша в пухлые щёчки.

— Всё так и было, — продолжил Ном. — Вот только благодать та оказалась дарована злом. Племена, что её получили, назвали свою страну Гуэ, по имени древнего рода колдунов. Этот род был в центральных землях пришлым, но почему-то именно он получил могущество первым. Отпор противникам был дан, причём весьма сильный и решительный, — враги-имперцы уползли к себе за реки и горы, зализывать раны. И на это им понадобилось несколько десятков зим.

— В Ягонии восточная и западная империи считаются куда большим злом, чем то, во что превратилась Гуэ, — пробурчал Ми Фун и ушёл отвязывать лошадей, чтобы запрячь повозку. Ном встал и затушил костёр.

— Валессия и ТалХазар не забыли обиды того поражения, — старик похлопал Ивена по спине. — Их воины вернулись и попытались вновь навести здесь свои порядки. Однако кровавые ритуалы и бесконечные поклонения злу сделали Гуэ ещё могущественнее. Сильным мира сего это не понравилось вдвойне.

— Я помню, — вновь закатил глаза юноша, — в третий раз они заявили сюда со своими самыми сильными колдунами и уничтожили чёрную страну.

— Да — Ном поглядел на Татья, которая внимательно слушала мрачный рассказ дяди. — Поговаривают, что для сотворения этого ужасного заклинания они были вынуждены объединить силы и ударить по чёрной цитадели, что стояла на юге Гуэ. Сила этого удара была такой, что погибло много их собственных воинов и колдунов, а центральные земли превратились в пустоши. С тех пор наш мир словно медленно умирает. Добра в людских сердцах больше не стало. Не было его ни на западе, ни на востоке, ни на юге. Лишь на севере, как говорил твой отец. Поэтому мы и спешим туда, ибо искать спасения больше негде.

— Достаточно, — мать Ивена прервала речь дяди, не желая вновь вспоминать о покойном муже. — Пора ехать.

Когда их обоз двинулся вперёд, женщина обратилась к Ми Фуну:

— Я боюсь, что в тех развалинах вы накличете на себя беду. И на нас, если мы останемся в стороне. Вдруг степняки вернуться?

— Есть идеи получше, кроме той, чтобы как можно быстрее умереть с голоду? — лицо наёмника было непроницаемо, но в его глазах играла улыбка.

Татья вздохнула.

— Тогда мы поедem через те руины вместе.

Чёрные развалины были гораздо больше, чем казались издали. Огромные каменные стены разрушены, а базальтовые блоки, словно могилы великанов, торчали из земли – разбросанные неведомой силой. Яркое полуденное солнце, казалось, в них никак не могло найти собственное отражение. И это слегка пугало.

Обоз беглецов медленно пробирался мимо хаотичных монументов старой войны. Ном посоветовал всем не приближаться к мрачным разбросанным глыбам. Особенно Ивену, что положил лук на колени и постоянно оглядывался по сторонам, ища какого-нибудь зверька. Старик же опасался, что в этих местах могут сохраниться гиблые заклятия, некогда охранявшие этот безымянный город чёрной страны.

Впрочем, Ивен был уверен, что большая часть тех мифов и легенд, что окружали историю Гуэ, были выдумками. Злая сила, мистический кровавый культ, могущественная тьма, спустившаяся на некогда безобидных землепашцев – всё это звучало слишком удобно для того, кто оправдывал чудовищный удар, что нанесли великие империи общему врагу.

— Нам нужно быть очень внимательными, — не унимался старик-возница. — Своим присутствием мы можем что-нибудь пробудить. И нам повезёт, если это будет лишь старое заклинание, застывшее в своём полёте на сотню лет. По преданиям, врагу служили всяческие мерзкие чудовища. Так что ведите себя тихо.

Ми Фун цокнул языком, вытаскивая из ножен рунический клинок. Так, на всякий случай.

— Не нужно бояться прошлого и мёртвых. Мы живём настоящим, и главная наша угроза – это существа из плоти и крови. Возможно, чёрной крови и не похожие на людей, но определённо живые и смертные, — подмигнул он Ивену.

Юноша в очередной раз с восхищением посмотрел на наёмника. Этот малый всё больше и больше вызывал у молодого лучника уважение. А эта аура таинственности, что окружала ягонца Подобных людей Ивену встречать не доводилось.

Беглецы добрались к развалинам в тот момент, когда солнце перевалило на вторую половину небосвода. Яркие лучи уже не давали нужного тепла, а лёгкий ветерок начинал вызывать дискомфорт. До наступления настоящих холодов время ещё оставалось, однако путь на север ускорял приближение истинного мороза.

Наполовину вросшая в землю арка чёрных врат гостеприимно пустила обоз внутрь циклопических развалин. То, что осталось от этого города, представляло собой подобие большой дороги с разрушенными строениями по разные её стороны. Зданий было много, и каждое из них мастера прошлого построили из того же камня, что и окружающие это место чёрные стены.

— Жутковато тут, — прошептала Татья, прижимая проснувшегося Ярра к себе.

Малыш пытался с интересом смотреть по сторонам, а его некогда мутный взгляд приобрёл некое подобие осмысленности. Он вытащил пухлые ручки из пелёнок и беспокойно сжал мамин указательный палец.

— Мы пройдем на север и выйдем в пустоши там – город достаточно большой, чтобы иметь вторые ворота, — сообщил Ми Фун и тут же обратился к Ивену. — Парень, держи лук наготове. Ты ведь не забыл, что мы ищем тут кого-нибудь на ужин?

Юноша кивнул и положил стрелу на тетиву. Ему показалось, что это действие нашло одобрение у коня, на котором он сейчас ехал. За те десятки дней, что прошли с момента встречи со степняками, скакуны поверженных воинов успели малость привыкнуть к новым хозяевам.

— Каковы шансы найти здесь что-то ценное? — спросил Ми Фун у Нома.

— Думается, не очень большие, — вздохнул старик с ноткой нервозности в голосе. — А если они и есть, задерживаться здесь не стоит – до заката нам нужно убраться как можно дальше.

Краем глаз Ивен заметил движение между обломков и тут же выстрелил. Наконечник стрелы пискляво звякнул о чёрный камень, и снаряд отскочил в сторону. Большая белая птица с красным хохолком и выпученными глазами, умело увернувшись от стрелы, тихо кудахтнула и попыталась скрыться в одной из подворотен.

— Курица! — воскликнул Ивен и натянул тетиву ещё раз.

Второй выстрел оказался удачным. Юноша подскочил к поражённой цели – птица была повержена.

— Ужин сегодня будет сытным, — улыбнулся Ми Фун.

Беглецы были вынуждены сделать привал. Ном ошипал тушку птицы, а наёмник обошёл округу, пытаясь найти её пернатых сородичей. Впрочем, если они и были, то быстро разбежались, оказавшись куда умнее первой. Не удалось найти и их гнёзд с яйцами. Это немного разочаровало полуголодного наёмника.

— Откуда курицы в этих развалинах? — недоумевающе сам у себя спросил старик Ном.

Ответ на этот вопрос нашёлся быстро – домашнюю птицу разводили два человека, очевидно пытавшиеся устроить в городских развалинах новую жизнь. Кем они были и откуда пришли, уже было не важно – оба оказались мертвы. Высохшие тела пожилой пары, что нашли покой в своей лачуге, просто лежали на каменной брусчатке.

Здесь же стояло подобие печи, кривая глиняная утварь, порванный мешок с зерном. Птичий помёт свидетельствовал о том, что курицы захаживали в это укрытие весьма часто. Но теперь их тут не было.

— Следов клинков или клыков на телах нет, — констатировал факт Ми Фун. — Но умерли они уже давно. Не думаю, что от старости, скорее от отравления или страха.

— Оба этих варианта мне не нравятся, — Ном был напуган. — Нужно убираться из города как можно быстрее.

Наёмник кивнул, но тут же принялся обшаривать лачугу погибших отшельников.

Ивен покинул ветхое строение и взглянул на мать, которая, в отличие от своего дяди, пребывала в спокойном состоянии. Большие глаза женщины оглядывали окрестность. Такими же были и глаза братика Ярра. Малыш улыбался, показывая маленьким пальчиком на что-то вдалеке.

Каждый раз, когда Ивен видел положительные эмоции на смешном пухлом лице брата, ему становилось необъяснимо радостно и спокойно. Вот и сейчас он ощутил тот прилив энергии, который, очевидно, нахлынул на Татью. Перестал ворчать и Ном. Старик держал в руке ошипанную курицу и просто смотрел вдаль.

Молодой лучник перевел взгляд на своё оружие. Ему показалось, что сейчас, озарённый улыбкой брата, он способен свершить многое — сдвинуть горы, осушить реки, сразить любого врага.

Ми Фун продолжал шуметь, наводя беспорядок в лачуге. Эдакая грозовая туча, что заблудилась в море спокойствия. Разбилась глиняная тарелка, звякнул маленький мешочек с монетами, который хозяева припрятали в соломенной подушке на чёрный день... Радостные возгласы наёмника привели Ивена в чувство. Он обернулся и крикнул в проём, служивший этому жилью входом:

— Ягонец, нужно спешить!

Маленький Ярр перестал улыбаться – ребёнка уже клонило в сон. Спихнулись Татья и Ном, быстро собирая поклажу, забрасывая найденное в повозку. Подоспевший Ми Фун выволок два мешка всякой всячины.

Обоз беглецов тронулся в путь – Ном вёл запряжённых лошадей дальше – мимо большой крепости, служившей владыкам города, скорее всего, некой обителью власти. Где-то позади неё дорога должна была вывести к воротам и выпустить из чёрного плена обратно в светлые пустоши.

Ивен последним впрыгнул в седло и на всякий случай ещё раз глянул на лачугу. Тела мёртвых хозяев жилища оставались на своих местах, хотя, если юноше не изменяла память, рука одного из мертвецов, когда они их нашли, была в совсем другом положении. Может быть, Ми Фун постарался, обыскивая трупы?

Спрашивать об этом наёмника старший сын Татьи почему-то не стал. Возможно, что зря.

Глава 14. Крылатый и мертвецы

Пытаться выспаться в пути – так же невозможно, как и пытаться добраться куда-то, не вставая с кровати. К такому выводу Ми Фун пришёл не сразу, но довольно давно – в первые годы своих скитаний по большой земле. С тех пор по-настоящему высыпа́лся он лишь с десяток раз, да и то, когда позволяла звонкая монета. Без неё трактирщики подозрительного иноземца могли поселить разве что на конюшне.

Мысль о потенциальной добыче не покидала голову наёмника и сейчас, когда его путь вместе с беглецами лежал к выходу из этого забытого богами чёрного города. Или не забытого?

Ми Фун оглядел обоз, который сопровождал. Подозрительная во всех смыслах семейка, с которой он был вынужден скитаться все эти недели, хотела выбраться из развалин как можно быстрее. Однако он чувствовал, что в руинах замка, мимо которого они сейчас пробирались к северным воротам, можно будет чем-то поживиться. Золота наверняка там уже не было, а вот парочку опасных и оттого дорогих мистических безделушек вполне можно было бы найти. С другой стороны, погибшие переселенцы, которых они встретили, могли именно там подписать себе смертный приговор. Просто гибель была не такой быстрой, как удар меча.

Наёмник положил худую, но мозолистую руку на рунический клинок, что достался ему от отца – мастера стали. Это была единственная вещь, которую он смог взять с собой, покидая родные острова. Лишь этот меч все эти годы приносил ему удачу и позволял сводить концы с концами.

— Я бы хотел оглядеть вон то место, — Ми Фун указал Ному на чёрный замок. — Мне кажется, там мы сможем найти что-то полезное.

Пожилой возница оказался предложению не рад. Ожидаемо.

— Чёрный город – верный залог несчастья, — забурчал старик, сплёвывая на землю. — Оставаться здесь опасно. Я чувствую это нутром!

Сидевший рядом Ивен, кажется, со своим пожилым родственником был согласен.

— Что мы можем получить здесь, ягонец? — недоумевающе спросил он. — Боюсь, больше кур нам не сыскать. А приближающийся закат встречать здесь не очень хочется.

Солнце клонилось к горизонту, а развалинам всё никак не было конца. Беглецам всё время казалось, что вот-вот перед ними откроется путь в пустоши, но за очередным поворотом, который приходилось обходить из-за завалов чёрного камня, оказывался ещё один переулочек. Ц Centralная улица исчезла, но замок всё ещё был рядом.

— Мне кажется, — протянул Ном, — это место мы уже проезжали. Вон то кривое дерево я точно уже видел.

Ярр в руках Татьи как-то заговорщицки взвизгнул, словно зная ответ на эту таинственную загадку. Ми Фун украдкой взглянул на мальчика, но тот лишь играл с матерью, пытаясь запихнуть в слюнявый рот один из её локонов, выпавших из-под коричневой вязаной шапки.

Именно в этот момент наёмник и понял, что эта несчастная женщина, благодаря стечению обстоятельств повстречавшаяся ему на пути, была куда прекраснее многих. Грустные глаза, испачканный дорожной пылью нос и уставшее выражение лица не делали её какой-то замухрышкой, а наоборот придавали неуловимый оттенок таинственности. Словно она была принцессой, пустившейся в бега под видом нищенки. Удивительно.

Но это были, конечно, лишь фантазии Ми Фуна, который давным-давно не влюблялся. Он отмахнулся от этой мысли, повисшей перед ним словно паутина на ресницах. Что за чушь? Дома его ждёт та, ради которой он поставил на кон свою жизнь ягонца. Поставил и проиграл. Она оказалась замужем, и именно поэтому их запретная любовь стала причиной его изгнания.

— Мы движемся кругами! — воскликнул Ном, ударив себя по лбу. — Будь я проклят, но я специально оставил отпечаток своей ладони вот на том камне!

Беглецы остановились возле покрытой пеплом разрушенной стены. Они делали точно так же некоторое время назад, и действительно, старый возница специально оставил здесь особый знак.

— Это какое-то колдовство, — изумлённо пробормотал Ивен. — Чёрная магия проклятого города!

— Что ты такое говоришь, сынок, — попыталась подбодрить его Татья. — Мы просто заблудились. Тут столько развалин и дорожек...

Ми Фун спрыгнул с лошади и огляделся по сторонам. Они стояли посреди небольшой площади, которая пострадала от неизвестного катаклизма куда меньше остальной части города. До ворот замка было недалеко. Небо начинало приобретать оттенок свежей раны – верный знак, что по пустошам завтра будет гулять скряга-ветер.

— Магия... не магия... Но наш путь лежит туда, — наёмник ещё раз указал в сторону развалин крепости. — Возможно, там есть ещё один выход, и он способен нас привести на северную сторону, а значит и к воротам. Здесь мы обошли всё.

Ярр энергично замахал пухлыми ручками, как будто был согласен со словами ягонца. Чудеса.

— Я не против, — быстро отреагировал Ивен, словно эта идея пришла ему самому, но в силу возраста и уважения к старшим он не высказал её раньше Ми Фуна.

Ном, догадавшийся о хитрости старшего сына Татьи, хотел было что-то ответить, но его перебил неожиданный плач Ярра. Малыш куксился и, как показалось ягонцу, показывал ручкой за спины. Наёмник резко обернулся. В десяти шагах от них стояли два человека. Их искажённые лица Ми Фун уже видел сегодня, причём здесь же, в окружении чёрных развалин. Та самая погибшая пара

Восставшие начали движение, словно учились ходить заново. Их глаза были пусты, а рты открыты. Татья испуганно завизжала, и Ном ударил кнутом по боку одной из лошадей, что было совершенно лишним, так как животные и без того понесли телегу вперёд, испугавшись приближения тех, кому в мире живых не рады. Мёртвые должны оставаться мёртвыми. А в том, что эти тела ещё несколько часов назад были близки к тому, чтобы их погребли, Ми Фун не сомневался. Впрочем, проверять свои силы в борьбе с восставшими он не собирался. Наёмник впрыгнул в седло, пришпорил лошадь и понёсся за обозом, который теперь на всех четырёх колёсах громыхал в сторону чёрного замка.

Вместе они преодолели широкий каменный мост, перекинутый через высохшую канаву. Ми Фун спрыгнул и попытался отыскать спусковой механизм, позволяющий быстро привести в движение лебёдку, которая всё ещё удерживала решётчатые ворота над их головами.

— Я могу как-то помочь? — Ивен уже стоял рядом, держа в руках лук.

— Не думаю, — буркнул наёмник и рубанул рунным мечом по цепям.

Те устало взвизгнули и отпустили решётку. Она падала, перекрывая путь приближающимся мертвецам, всего одно мгновение. Однако именно этого времени хватило на то, чтобы наёмник успел поймать себя на мысли: все преследующие Татью и её детей невзгоды точно не были простой случайностью.

Они стояли и смотрели на Татью. А женщине было очень даже не по себе от того, как её сверлят четыре немигающих глаза.

Пока Ми Фун и Ивен осматривали стены в поисках пробоины, через которую умертвия могли пробраться, мать Ярра прижалась к дяде вместе с ребёнком. Удивительно, но как только они попали под защиту развалин замка, карапуз перестал плакать и быстро уснул. Очевидно, он слишком устал и теперь собирался восстановить свои младенческие силы.

Впрочем, не смотреть в сторону оживших мертвецов Татья также не могла. Что-то в их поведении не давало покоя женщине. Они не были похожи на тех, кем принято пугать

непослушных детей – кровожадными тварями, желающими насладиться плотью своей жертвы, ожившим злом, восставшими монстрами. Нет, они были другими — не желающими пробиться сквозь решётку.

Татья долго думала, сомневаясь, стоит ли Она всё же собралась с силами и, несмотря на удивлённый и немного гневный возглас Нома, двинулась вперёд.

— Дура, ты куда? — лицо старика стало красным от гнева.

Женщина не ответила. Она отчётливо понимала, что пока Ярр в её руках, эти существа не причинят ей вреда. Откуда у неё взялись эти знания, она и сама не понимала.

Татья остановилась у решётки и, поцеловав сына в лоб, с вызовом подняла голову к мертвецам. Они заговорили первыми. Их голоса звучали в один такт и были странно похожи. Звук казался неприятно звонким.

— Он скоро будет здесь. Вам не скрыться и не выбраться отсюда живыми, — мертвецы шевелили лишь ртами, оставаясь неподвижными. — Он знает, что вы пришли в развалины его родного города, он знает, что вы пытаетесь схорониться в храме его владыки. Он знает. Он знает. Он знает.

Стрела, пущенная с правой от ворот башни, вонзилась в ухо одного из мертвецов. Тело наклонилось вбок, но не упало. Татьяна подняла голову вверх — на башне стоял взволнованный Ивен.

— Кто вы такие? — не выдержала Татьяна. — Зачем всё это говорите?

Ми Фун возник подле неё. Наёмник держал в руках свой меч и внимательно смотрел на мертвецов.

— А что им ещё остается делать? — усмехнулся ягонец. — Им в замок не пробиться. Мы с твоим сыном обошли стены — слабых мест нет.

— Стены не спасут, — быстро заговорил мертвец со стрелой Ивена в голове. — Он словно ветер. Стены не спасут — он словно дождь. Стены не спасут — он словно снег. Он может быть там, где захочет, лишь бы не светило солнце. Стены вас не спасут.

Ярр в руках Татья скривил мордашку. Неужели приснился плохой сон? Или ему не понравились слова мертвецов? В этот же момент женщина сделала два шага назад, чтобы спрятать ребёнка за спину Ми Фуну. Ивен вновь спустил тетиву. На этот раз стрела вонзилась в ногу второму восставшему.

— Что вам нужно? — громыхнул наёмник, направляя меч в сторону решётки. — Если хотите напугать, то у вас это не вышло. Если хотите помочь, то нам ваша помощь не нужна.

Мертвецы начали топтаться на месте, словно пытаясь отойти куда-то в сторону. Получалось у них это плохо. Внезапно один из них упал и вновь стал высохшим трупом.

— Он придёт очень скоро, — медленно произнёс оставшийся на ногах мертвец. — Вам нужно будет только бежать. Бежать. Бежать. Бежать. Только бежать. В храме, что за вашей спиной, вы найдёте тайный ход под алтарём. Тайный ход. Тайный ход. Он выведет туда, где вы будете в безопасности.

Тело второго мертвеца упало так же неожиданно и так же безвозвратно, как это произошло с первым. Татьяе показалось, что существо, говорившее с ними через мертвых, потратило на это большую часть накопленных за столетия сил. Откуда только такие мысли?

К Татья и Ми Фуну спустился раздосадованный Ивен. Щёки юноши покраснелись, а лоб покрыла испарина. Подошёл и Ном.

— Что всё это значило? — старик хмуро морщил лоб.

— Очередная напасть, — Ми Фун поднял голову к темнеющему небу.

Мать ребёнка, до которого едва ли не с самого его рождения было всем дело, поёжилась. Она прижала Ярра к груди и быстро пошла в сторону полуразрушенного замка. Ивен и Ном последовали за ней.

Вблизи развалины могучей крепости казались чем-то ещё более монструозными и кривыми. Очевидно, что такими они были и до падения Гуэ. Что там сказал голос из мертвецов? Это храм? Да, возможно, так и есть. Кому как не в честь божеств нужно строить нечто такое непрактичное?

Беглецы вошли под сводчатую арку — некогда внушительные деревянные ворота сгнили, а на пороге колосился засохший бурьян — яркий признак окончательного упадка. Не слишком широкий коридор вёл во тьму.

Ми Фун вновь оказался впереди. В помещении, в котором отсутствовали окна, властвовал мрак. Однако даже он не мог помешать разглядеть белый алтарь, расположенный в конце огромной залы. Постамент словно излучал тусклый свет, как бы в противовес чёрной вуали, опускающейся на пустоши.

— Проклятые заклятия, — прошептал Ном. — Они могут быть здесь повсюду.

— Что-то много ты знаешь о колдовстве для конюшего, — усмехнулся себе под нос Ми Фун, однако эти слова Татьяна не оставила без внимания.

Ивен зажёл факел, который прихватил с собой из телеги. Искра от удара кресала перепрыгнула на кусок нежной заячьей шерсти, а через секунду промасленный кусок грязной ткани сделал тёмное помещение немного светлее. Высокие потолки так и остались недосыгаемыми для факельного огня.

— А тут даже мило, — попытался всех подбодрить юноша, но тут же опасливо осмотрелся по сторонам.

Татьяна подошла ближе к алтарю. Свет факела сделал постамент более ярким, но чем-то более чуждым и пугающим.

Лошади, оставленные беглецами у стен храма, резко и испуганно заржали. Спустя мгновение что-то большое и тяжёлое грохнуло по ту сторону здания. И этот гул от приземления ощутил каждый из беглецов. Привязанные скакуны, не имеющие возможности убежать, дико и неестественно завизжали. Ми Фун резко развернулся назад — меч в ножны он уже не опускал.

— Самое время воспользоваться советом мертвецов, — нехотя сказал он, и руны на его мече вспыхнули жёлтым светом.

Татьяна бросилась вперёд. Ном и Ивен побежали за ней, но быстро отстали. Благо алтарь уже был недалеко. На постаменте им нужно было найти обещанный секрет — возможно, скрытый рычаг или подобие пускового механизма. Но нахлынувший на них и на весь чёрный город страх, насылаемый тем, кто прибыл к воротам храма, мешал быть внимательными.

— Это что, гробница? — изумлённо прошептал Ивен, оглядывая алтарь.

Он поднял факел выше, и Ном ахнул. Большой светящийся постамент оказался полупрозрачным саркофагом. И в нём лежало существо, отдалённо напоминающее человека. Изуродованное шрамами змееподобное тело, длинные руки, ноги и особенно шея были похожи на высохший пергамент.

Что-то щёлкнуло. Это Ном удачно нашёл скрытую от посторонних глаз кнопку. Очевидно, её не слишком сильно хотели спрятать. В это же мгновение лошади перестали визжать — их предсмертная агония уже закончилась. Наступила пугающая тишина.

В арочном проёме появилось нечто большое и чёрное. Оно гулко ударилось о каменный свод, злобно рыкнуло и наклонилось, вставая на четвереньки.

Широкий размах рунного меча остановил наступление чужака — это ягонец решил дать приближающемуся чудовищу бой в узком коридоре. Клинок вонзился в плоть — существо взвыло и попятилось назад. Под ноги Ми Фуна, словно из ведра, хлынула белая кровь и посыпались чёрные перья.

Ном и Ивен лихорадочно пытались понять, что изменилось в зале после того, как кнопка под саркофагом была нажата. Однако потайной ход найти не удавалось. Ном принялся яростно нажимать дрожащими руками на каменную табличку, пытаясь что-то сделать.

Ярр негодуяще заплакал, и Татьяна ощутила прилив сил. Как ей показалось, этот импульс получил и пусковой механизм — под ногами беглецов зашуршала каменная плитка, открывая доступ в лаз. Первым в этот проём забрался Ивен, освещая путь факелом. Следом за ним полез старый возница, схватив племянницу за руку.

— Наёмник, — крикнула Татьяна, — бежим!

То, что настало время для отступления, Ми Фун понял и сам — ни один из его ударов не смог сразить чудовище. При этом каждый взмах рунного клинка становился менее эффективным, словно на громадном теле отрастали новые, куда более прочные перья.

Ягонец рубанул наотмашь и побежал к алтарю, пытаясь разглядеть в его тусклом свете проход. Он оглянулся в последний момент — пернатое чудовище пробиралось вперёд, но явно двигалось медленнее нужного — мешало массивное тело и гигантские крылья, которые Ми Фун в порыве яростного, но короткого боя сразу и не заметил.

Наёмник успел впрыгнуть в закрывающуюся нишу, едва не застряв с мечом в узком проёме. Приземлившись на колени, он быстро отошёл от каменной глыбы. Чудовище подобралось ближе, и ягонец успел взглянуть в его большой водянистый белый глаз, сверкнувший мистическим огнём.

Ми Фун быстро развернулся и побежал вслед за остальными, ориентируясь на свет факела в прямом коридоре. Вслед беглецам раздался громкий вой, полный нечеловеческой ярости.

Глава 15. Эликсир и проводник

С каждым днём погода становилась только хуже. Для отрядов хазарцев, привыкших к относительно тёплым и умеренным широтам, холодный ветер и дожди были в тягость. Армия восточной империи, слегка уменьшенная взрывом сумасшедшей колдуньи в замке людоеда, была потрепана, но не сломлена. Воля их бессмертного владыки, чьим перстом был и до сих пор оставался его верный сын, вела солдат на север.

Именно на север указывала Алая звезда в последний раз, до того как её скрыли тучи и облака. Сутки назад армия преодолела границу с пустошами и шла по невидимому следу младенца. Его каким-то образом смог разглядеть один из выживших колдунов. Молодой, лишённый волос юноша, не получивший ожогов во время взрыва замка, сам предложил принцу Гильгадошу свои услуги. Зачем? Видимо, понял, что так у него больше шансов остаться в живых.

Сейчас, скованный цепями, он молча ехал в авангарде армии. Его охраняла дюжина воинов, грозно поглядывающая по сторонам. Гильгадош был среди них — сын Бессмертного снял железную маску и передел доспехи ещё утром, слившись с толпой. Сейчас роль полководца играла его правая рука — Даршон.

— Ты уверен в своей силе, ведун? — Гильгадош, надвинув кольчужный капюшон на глаза, хмуро поглядел на колдуна.

Юноша ответил, не открывая уставших век:

— Я уже говорил вашему хозяину, повторю и сейчас — делаю то, на что способен. Я не могу руками разгонять тучи, но я вижу силуэт, маленькую точку за горизонтом. Это как ржавый гвоздь в гладкой доске. Подобный грубый след мог оставить лишь носитель великой силы.

Молодой колдун открыл глаза.

— А ещё я голоден. И голод делает мой взор не таким чётким.

Гильгадош промолчал. С каждым днём на него наваливалось всё больше усталости. И хотя направление, куда им нужно было двигаться, было, скорее всего, верным, предводителя всё больше терзали сомнения. Особенно сейчас, когда цель была не так уж и далека.

Конечно, перед тем как пересечь территорию гиблых земель, они пополнили запасы провизии, разграбив графство Вавил. Но если путешествие затянется, то рано или поздно еды на солдат может не хватить — в пустошах прокормить одного человека ещё можно было. Чего не скажешь о сотнях конников.

С другой стороны, верхом на лошадях они двигались явно быстрее простолюдинов, к которым, скорее всего, прибилась мать с ребёнком.

— Передай своему владыке, — вновь заговорил юноша-колдун, — что вы не успеете найти того, кого ищете. Я вижу, что в этих поисках заинтересованы многие.

— О чём ты? — не сдержался Гильгадош. — Что ты видишь? Говори!

— Старый враг привёл свои силы в движение, — скучающим голосом ответил пленённый знаток тайных сил. — Он заставил ваших соперников броситься вам наперекор. Но марионетки чёрных кукловодов не успевают — их задержали в горах. Я вижу зло, покинувшее большой город на западе. Оно летит туда, где мерцает след великой силы.

Принц ТалХазара сплюнул. Он ненавидел напыщенные речи, он терпеть не мог колдунов, он презирал тех, кто говорит больше, чем делает. Но сейчас ему было без них не обойтись.

Гильгадош развернул коня и отправился к своей походной повозке. В момент, когда заросшая бурьяном дорога стала поворачивать направо, он быстро перебрался внутрь.

Даршон, встретив повелителя, уважительно склонил голову и поправил железную маску.

— Нужно ускорить шаг, — злобно произнёс Гильгадош, сбрасывая с себя доспехи стражника. — Нас могут опередить.

— Если это так, то ваш отец будет этим весьма недоволен, — задумчиво протянул помощник принца, но тут же заговорил более быстро. — Возможно, он предвидел это и связался с нашими степными союзниками. Мне только что доложили, что в нашу сторону движется отряд во главе с Жуо-Гуном. Как вы помните

— Ещё один колдун, — скривился наследник трона восточной империи. — Как будто их мало попало на нашем пути. Чего он хочет?

— Думаю, что об этом мы узнаем совсем скоро, — развёл руками Даршон. — Разведчики сообщили, что мы встретимся уже к полудню.

— Не останавливаться ни на минуту, — скомандовал Гильгадош. — Пусть степняки присоединяются к погоне, а их хозяин сам рассказывает о своих планах и предложениях, не вылезая из седла. Одно дело, когда мы держим магических псов на привязи, а другое — якшаться с шакалами, у которых есть свои мерзкие планы.

Луа-Луа-Дан чувствовал себя хуже побитого бесхвостого пса. И это было связано не с тем, что многоуважаемый господин самолично вырвал ему длинные усы. А они, как это положено знать всем, кто ценит голубое небо и бескрайний ветер, для любого вольного жителя просторов — особая гордость, признак высокого статуса.

Нет, воин ощущал себя ничёмным куском грязи, прилипшей к копыту лошади, из-за того, что шаман, которому он почти всегда самоотверженно служил, оставил его в живых. Когда степняк был вынужден бежать, спасая шкуру из-под удара рунического меча таинственного спутника беглецов, он понимал, что Жуо-Гун будет в ярости. Так и было — повелитель вольного народа иссек Луа-Луа-Дана плетью и отрезал правое ухо. Словно вырванных усов ему было мало. Но потом

Степной воин исподлобья взглянул на господина — шаман по прозвищу Чёрный барс скакал впереди отряда. Его широкая спина, покрытая шкурой большого снежного кота, вздымалась в такт движению белой лошади. Жуо-Гун был стар и невысок ростом, однако умело скрывал и первое, и второе, будучи верхом.

Белая кобыла, что служила повелителю самым верным слугой и другом, была огромна и неутомима. С того момента, как степняки поняли, что упустили беглецов, шаман не покидал её седла. С помощью звериного зора он понял, что союзники из ТалХазара двигаются около них слишком быстро. А значит, завладеть ребёнком без объяснения причин не получится. Последнее, о чём мечтал Жуо-Гун, — это дать повод Бессмертному повелителю восточной империи заставить ценить их хуже, чем того требовали обстоятельства.

Луа-Луа-Дан всё это знал, считая своего повелителя весьма хитрым и особенно осторожным человеком. Оттого он и не понимал, почему в момент, когда верный слуга был максимально слаб и унижен, шаман не нанёс смертельный удар.

— Хозяин хочет видеть тебя, — прохрипел долговязый воин, подъехавший к Луа-Луа-Дану. — У него есть для тебя особое задание.

Униженный степняк не ответил. Он скупно кивнул, приложив кулак к сердцу в знак благодарности, и, пришпорив коня, догнал шамана.

— Я к вашим услугам, мой господин.

Жуо-Гун заговорил не сразу. Очевидно, именно в этот момент он пребывал в одном из своих звериных аватаров.

— Не слуга ты мне, — сказал шаман, и его зычный голос был похож на рык громадного кота, словно степной колдун забрал этот голос себе вместе со шкурой. — Ты не человек, ты хуже зверя. Ты послушался меня и попытался догнать тех, кого догонять без меня не следовало. А когда я понял это и попытался помочь — было уже поздно.

Луа-Луа-Дан почувствовал, как заньюло его отрезанное ухо.

— Но я думаю, что ты можешь вернуть себе все регалии, — шаман хищно улыбнулся, повернув голову. — Совсем скоро мы встретимся с хазарцами. Постигшая тебя неудача дала им в руки новые карты против нас. Это плохо. Нам придётся подчиниться их воле. Однако это не значит, что мы будем жертвовать своими жизнями ради их целей.

Отряд степняков перевалил за очередной холм. На открывшемся плато они увидели чёрную армию восточной империи. Вереница двигалась по дороге, ведущей на северо-запад. Горизонт был закрыт тучами, и над войсками бушевало ненастье.

— Странно, — прорычал Жуо-Гун. — Наши неуважаемые, но такие необходимые друзья едут не туда.

Луа-Луа-Дан не посмел ответить, однако в душе был согласен со своим хозяином — беглецы скрылись в землях куда восточнее. А тот крюк, что вольный народ был вынужден сделать, чтобы повстречать хазарцев, стоил преследуемым целого дня форы. Может быть, и больше.

Армия восточной империи неустанно двигалась вперёд. Степняки сумели догнать её лишь ко второй половине дня, когда усилился дождь, и чёрные войска увязли в грязи.

При приближении кочевников от хазарцев отделился отряд всадников в масках. Их сопровождал десяток элитных воинов. Их могучий отряд не остановился, продолжая движение туда, куда их вёл пленённый молодой колдун.

Гильгадош оглядел прибывших союзников — оборванцы на низких лошадях с кривыми мечами не внушали ему доверия. И тем не менее их предводителя он встречал несколько раз во дворце отца. Этот человек, по мнению принца, безусловно, имел право называться лидером кочевых племён, а его необычная сила приносила реальную пользу империи.

Например, именно через него ТалХазар получал оперативные сведения о деятельности жрецов Валессии. Так помогал шаманский взор через заколдованных животных – собак, крыс и, конечно же, птиц. Впрочем, Гильгадош подозревал, что полученную информацию степной главарь использовал в своих целях, передавая союзникам лишь то, что считал нужным. Именно поэтому в Аннабаде и других крупных городах западного противника исполняли волю Бессмертного и другие шпионы — более надёжные.

— Мы рады встретить прославленного сына Бессмертного императора, — на ломаном хазарском языке произнёс Жуо-Гун, поднимая руку в знак приветствия.

Гильгадош сдвинул брови — шаман безошибочно узнал его под нужной маской.

— Оставьте при себе свои любезности, — громыхнул принц. — Вы ослушались приказа моего отца, пытаясь перехватить того, к кому приближаться без должной подготовки опасно.

— Истина твоя, принц, — хищно улыбнулся правитель кочевого народа. — Мои слуги уже поплатились за это. Однако если бы не эта атака, нам бы не удалось выяснить, что ребёнок, которого ищет Бессмертный, под защитой.

— Старик и юноша, с которым сбежала женщина с младенцем, не самая надёжная защита, — отрезал Даршон, сидевший в седле по левую руку от предводителя имперского войска.

Шаман посмотрел вслед удаляющейся армии и загадочно цокнул языком. В этот момент он был особенно похож на какую-то нахохлившуюся птицу.

— Ребёнка сопровождает человек с руническим мечом. Именно он дал отпор моим войнам, — в голосе Жуо-Гуна послышались нотки сожаления. — Однако это не самая большая проблема. Как по мне, объект великой силы под защитой магического клинка всё равно ещё весьма уязвим. Вместе мы могли бы изменить своим количеством, но движемся в другую сторону.

Гильгадош не ответил. Он не сомневался, что относительно верный его государству шаман говорит правду, иначе бы не явился сюда. В голове принца крутились совсем иные мысли: куда и почему им указывает путь молодой лысый колдун. Неужели

До ушей переговорщиков донеслись крики людей. Гильгадош развернул коня и, не раздумывая, помчался к войску. Телохранители бросились за ним. Помчались вслед принцу и кочевники.

С несколькими солдатами, близкими к авангарду, творилось что-то неладное. Они сыпали проклятиями, угрожая убить друг друга, а в перерывах между этим безумно кричали. Внезапно один из них издал какой-то булькающий звук. Из его глаз полилась кровь, а спустя мгновение мужчина вспыхнул зелёным огнём, словно факел, упавший в болотную тину. Лошадь под воином безумно завизжала и понесла вперёд. Раздался оглушительный грохот — тело проклятого седока взорвалось вместе со скакуном.

Испуганные солдаты заметались из стороны в сторону, пытаясь отбежать от второго, такого же несчастного. Однако его зверь оставался стоять на месте, словно тот, кто наслал на воинов губительное проклятие, учёл предыдущую ошибку. Новый зелёный взрыв забрал с собой два десятка копейщиков, посеяв жуткую панику в рядах.

Гильгадош был уже рядом. Он извлёк из ножен меч, зная, куда следует нанести удар. К этому моменту юноша-колдун продолжал ехать на обозе, разорвав стальные оковы. Как на такое вообще способен человек? Лысый парень поднялся в полный рост. Он улыбался, а в его глазах полыхало магическое пламя, которое не мог затушить никакой дождь.

Прогремел новый взрыв, и ливень тут же закончился. Как тогда, в замке после самоубийства ведьмы. Эти мысли промелькнули в голове принца за секунду до того, как его меч рубанул юношу-предателя. Этого удара хватило бы, чтобы снести колдуну голову, но клинок лишь звякнул, словно ударившись о невидимый щит.

В бой вступили и остальные, вонзая в тело предателя копья. Однако никто не мог нанести смертельный удар. Опять колдовство? В это же время тело человека, вызвавшегося показать имперцам путь-дорогу, начало меняться. Его шея и руки неестественным образом стали удлиняться, челюсть и нос выдвинулись вперёд. Из-под рваных одежд показались крылья, покрытые чёрным оперением, а тело непонятной твари обрастало чёрной шерстью.

Чудовище взвыло, отгоняя от себя хазарцев и степняков. Гильгадош, опасаясь, что его верный конь сойдёт с ума от увиденного, прыгнул на покрытую грязью и пеплом землю. Так же поступили и его телохранители.

Степняки сделали залп из луков. На удивление принца, многие стрелы попали в тело монстра. Тот, кто ещё совсем недавно притворялся лысым юношей, взвыл и отступил назад. Из его ран потекла белая кровь.

Существ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.